

Владимир Абрамов

ХОЧУ ЖЕНЩИНУ
В НИЩЕ

Владимир Абрамов
Хочу женщину в Ницце

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Абрамов В. Н.

Хочу женщину в Ницце / В. Н. Абрамов — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-105118-1

Владимир Абрамов, один из первых успешных футбольных агентов России, на протяжении многих лет являлся колумнистом газеты «Советский спорт». Автор популярных книг «Футбол, деньги, еще раз деньги» (2002 год) и «Деньги от футбола» (2005 год). В своем историческом романе «Хочу женщину в Ницце» Абрамов сумел чудесным образом объединить захватывающие события императорского Рима и интриги российского бомонда прошедших веков с событиями сегодняшнего дня, разворачивающимися на берегах Французской Ривьеры.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105118-1

© Абрамов В. Н., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	18
Часть 3	54
Часть 4	79
Глава 1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

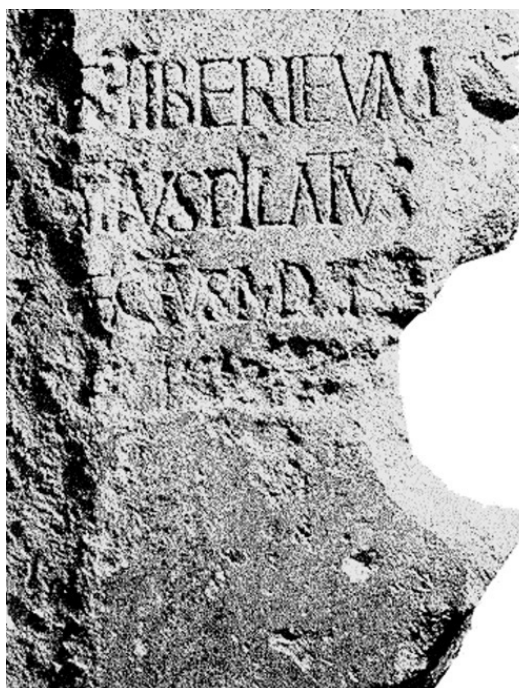
Владимир Абрамов

Хочу женщину в Ницце

*«И всё это, и вся эта заграница,
и вся эта ваша Европа, всё это
одна фантазия, и все мы за границей,
одна фантазия... помяните мое слово,
сами увидите!»*

Ф. Достоевский «Идиот»

Часть 1

Кесарийская известковая плита с надписью «Августу Тиберию Понтий Пилат префект Иудеи посвятил...»

«Твой отец – язычник», говорила мне мама не потому, что была ортодоксальной христианкой, а потому, что отец больше увлекался римскими древностями, чем ею. Меня она в сердцах часто называла «поганцем», хотя, если честно, мне больше нравилось, когда в мой адрес бросалось просто «погань». Так было короче, и было на что обижаться. Но я все равно не обижался на маму, потому что она была права. Я никогда не понимал, что означает «вести себя правильно»: в школе говорили, что я веду себя, мягко говоря, «неподобающе», а в компании преуспевающих взрослых я всегда ощущал себя ничтожеством. Таким, как я, место только у заводского станка, искренне полагала моя классная руководительница. Тем не менее, отец настоял на том, чтобы устроить меня в МГУ на исторический факультет, хотя мама была против. Я был полностью согласен с нею, потому что хотел быть банкиром, и, как отец, сидеть в большом кабинете и подсчитывать доходы на калькуляторе. «Если не хочешь, чтобы он учился в финансовом, давай, я устрою его в нашу Плешку», – предлагала мама, но отец настоял на своем. «Сынок, – говорил папа, – если из тебя толку в жизни не будет, ты в отличие от мамы

хотя бы будешь знать, что означает слово «погань». Мой отец слыл среди близких друзей утонченным эпикурейцем, наивно полагая, что удовольствие есть высшее благо.

– Негоже вкушать вам, взгальным, одни удовольствия! – возмущалась моя бабушка, когда подавала горячее в гостиную и принималась судачить с гостями о нашем благородном семействе.

Ах да, бабушка! Я еще совсем ничего не сказал про папину маму, мою бабушку Варю, которая когда-то гладила меня по головке, приговаривая: «Дися, не надо перечить старшим!» Я как мог, старался быть вежливым, но как же было не перечить, когда это было совсем не *comme il faut*. Нас тогда никто не подталкивал, мы сами спешили свалиться в пылкие объятия общества потребления, где можно было все и сразу, и попробовать, и купить, где мораль становилась свободнее, а, значит, каждый мог стать самим собой, не парясь о последствиях, оттого и для бабушки с ее устаревшими взглядами я вдруг стал выродком. Нет, я не превратился в отпетого наркомана и не приходил домой под кайфом, как мои друзья, в рваной одежде, демонстрируя на голом торсе броские тату, но все чаще вместо ласкового «Дися» или просто «Денис» я слышал у себя за спиной именно это грохочущее слово «выродок».

«*Tempora mutatur*», – говорили древние, и мы, студенты девяностых и нулевых годов менялись вместе со временем. Меня пытались воспитывать всем семейством, отчего мою мятущуюся душу несусветно колбасило. Вечерами выводили в театры и рестораны. При этом рядили в подобие русского интеллигента по лекалам лучших итальянских кутюрье, по ходу знакомя с девочками из порядочных семей. Наверное, поэтому бабушке поначалу могло показаться, что они были на правильном пути. А коли так, то последним мазком к незавершенному портрету молодого московского интеллигента, по ее мнению, должна была стать моя неподдельная любовь к творчеству Михаила Булгакова, точнее, к его последнему роману про Мастера. Несомненно, бабушкина тяга к прекрасному была однобока и навязчива, и перечить ей было себе дороже, но в этом-то и заключалась особенность моего вредного характера. Чем убедительнее я давал ей понять, что мне глубоко безразлична книга о любви Мастера к Маргарите, тем чаще это творение оказывалось у меня в комнате, лежащим на углу большого письменного стола, который приобрел отец у своего антиквара по случаю. Поначалу я наивно думал, что это намек на «квартирный вопрос», что так подпортил жизнь москвичам во времена творческих лет Булгакова. Потом оказалось, что это совсем не так, поскольку моими предками к радости бабушки был уже давно внесен крупный аванс для приобретения на мое имя комфортного жилья в строящемся доме на Удальцова у них под боком, и просто мне об этом до поры до времени никто не спешил говорить.

Однажды я застал бабушку Варю у себя в комнате с тем же увесистым предметом черного цвета в руках и с ходу дал ей понять, что худо-бедно прослушал университетский курс по истории Древнего Рима и пока читать весь этот гениальный опус не собираюсь. В ответ на немой вопрос «почему», который застыл в ее потухших от возраста глазах, я не выдержал и выхватил у нее из рук толстый том из собрания Михаила Афанасьевича под номером 5, который был для бабушки скорее Святой библией, чем просто книгой, и, демонстративно раскрыв перед нею вторую главу с кратким названием «Понтий Пилат», стал читать вслух те первые строки, которые уже много лет вызывают неистовый восторг на лицах московской творческой богемы. «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...» – я на секунду прервал свою театральную декламацию и бросил взгляд на бабушку, но не увидев на ее лице ни следа настороженности, а только умиление, продолжил: «Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла...». Я не мог более сдержать улыбки, полной сарказма, и, закрыв книгу, бросил ее на стол.

– Ну что, тебе достаточно, – сказал я с раздражением в голосе, торжествуя оттого, что интриговал ничего пока не понимающую бабушку.

– Чего достаточно, – возмутилась моя благородная воспитательница.

– Как чего?! Я прочел тебе только два первых предложения и сразу обнаружил целых четыре исторические ошибки! Заметь, я учусь в университете только на третьем курсе, но сразу бросается в глаза столько неточностей! Они и в кино потом переключались автоматом. Во всяком случае, так говорил, потешаясь над дремучестью киношников, наш уважаемый профессор по истории греко-римской античности.

– Ты меня за дуру не считай, черт чудной, а объясни толком, – снова возмутилась она.

С некоторых пор я стал отмечать, что извлекать былое из-под спуда постепенно становилось не только сутью моей будущей профессии, но и страстью.

– Пожалуйста, – сказал я с благосклонностью мэтра, – лишь бы ты все поняла. То, что Понтий Пилат был совсем не прокуратором Иудеи, как полагал Корнелий Тацит в своих «Анналах», а префектом, сейчас ни у кого из здравомыслящих любителей истории не вызывает сомнения, особенно если принять во внимание ту археологическую находку, которую итальянцы извлекли в начале 60-х годов XX века из морских глубин у берегов древнего города Кесария в Израиле, где когда-то находилась резиденция римских правителей, в том числе и Пилата. Найденный артефакт в виде известняковой плиты с латинской надписью наконец подтвердил реальное существование Понтия Пилата и его правильной должности. Я видел плиту своими глазами и даже прикасался к ней руками.

– Что же с нами происходит, святой отец, – вздохнула бабушка, – каждый раз долбай мнит себя черт знает кем. Умник, это все, что ты хотел сказать? – бросалась она в меня словами, словно учительница грязной тряпкой.

– Да, это только то, что касается первой неточности, – смутился я.

– Господи, я-то думала, что он такого сыскал! Префект вместо прокуратора? Да и шут с ним, Дися! Разве в этом дело? – воскликнула бабушка, недовольная моими придирадками.

– Может, это и не важно, – мягко, но настойчиво продолжал я, – но в древнем мире правильное название государственной должности определяло и обязанности правителя и то, кому он был подотчетен. Пилат был зависим от римского наместника провинции Сирия, куда Палестина входила составной частью. Имперский легат Сирии проконсул Вителлий жестоко пресекал любое превышение власти Пилатом в Иудее. Своей властью он мог отзывать префекта в метрополию для дачи объяснений на основании жалоб, которые поступали в Антиохию, где размещался наместник, особенно, если жалоба касалась вопроса веры, поскольку политика Рима на Востоке была подчеркнута веротерпимой. Веротерпимой, бабушка. Я готов это повторить для тебя еще раз.

– Не надо, милочка, не трудись. Говорю тебе, чужая душа – потемки. Терпимость – это добродетель, которой не хватает всем членам нашей семейки.

– Я толкую тебе о веротерпимости. Это важно для правильного понимания истории Рима.

– Я не глупая, Дися, только не могу взять в толк, зачем ты мне обо всем этом рассказываешь?

– Я тоже не мог понять тебя и маму, когда вы на пару насильно таскали меня чуть ли не за ручку на скучные пьесы Островского в Малый, и затем, прогуливаясь по скверу, шумно вспоминали слова художественного руководителя театра Юрия Соломина, который в передачах выступал страстным поборником исторической достоверности при постановке спектаклей молодыми режиссерами. Мама посмеивалась над его словами, что если персонаж XIX века намерен на сцене пить чай из самовара, то должен непременно подставлять блюдце, а не чашку, и если у него неожиданно спадают штаны, то он должен предстать перед зрителем именно в кальсонах, а не в трусах. Не было тогда трусов! Для Соломина это архи важно. Я затем, дорогая моя, распинаясь пред тобой, чтобы тебе было проще понять неправоту Булгакова.

– Вот то-то и оно-то, но голову мне не дури и говори проще. Не умничай.

– Так вот, бабуля, обязанности префекта Иудеи заключались в обеспечении общественного порядка, надзоре за поступлением податей и отправлении правосудия. Ответь мне, дорогая, что собирался делать Пилат, выходя в крытую колоннаду дворца Ирода Великого?

– Чего? Суд вершить, чего еще.

– Тогда зачем он оделся так, словно Ершалаиму грозили беспорядки?

– А как же, Дися, он же командир! – убежденно воскликнула бабушка.

– Именно так рассуждал и Булгаков, – обрадовался я ее восклицанию. – Он даже первоначально назвал Пилата генералом. В Риме это называлось легатом. Потом Булгакову, правда, подсказали, что он хватил лишнего, поскольку Пилат не то, что до легата не дослужился, он даже до военного трибуна не дотянул. Тогда слово «генерал» было вычеркнуто из текста. Оно осталось только в ранней редакции.

– Ты, пожалуйста, Денис, Булгакова с собой не равняй, он гений, а ты просто ничто, а сейчас превращаешься в большое ничто. Он был осторожным писателем, и роман у него от того получился гениальным.

– Мастером, бабушка, а не писателем, – взмолился я, – именно мастером, если только мы говорим об этом романе. Он ненавидел это слово. И этот мастер по образованию был историком, и владел аж пятью языками и немного итальянским. А на самом деле он многого просто не знал, поэтому он своего прокуратора первоначально называл в черновиках то ли ротмистром, то ли взводным. Однако по мере работы над романом он эти слова исключил. Был даже момент, когда мастер искренне верил, что Пилат мог послать императору Тиберию телеграмму, допуская тем самым полное смешение эпох.

По правде говоря, я готов был рассмеяться, но увидев сердитое лицо бабушки и вспомнив о своем обещании не усложнять, смиренно продолжил:

– У Михаила Афанасьевича первоначально просто кружилась голова, и он сам писал, что все, что касалось Пилата – это трудный и путаный материал. Так вот, Понтий Пилат вышел вершить суд в воинском облачении, что означало нарушение строгих римских традиций и правил, поскольку даже императоры, войдя в Город после военного похода, спешили немедленно снять с себя палудаментум и облачались в тогу. Тем более, что воинский плащ, напоминающий мастеру мантию, это, бабушка, был не короткий сагум, а скорее палудаментум или даже входящая в ту пору у римлян в моду хламида. Но плащ у мастера был странного цвета: белый с кровавым подбоем, а не красный. Откуда, бабуля, этот плод воспаленного воображения писателя? Цвет римского плаща – это знак отличия. Выходит дело, Пилат вздумал быть похожим на императора? В то время это было опасно, поскольку главным и самым строгим законом Рима был закон «Об оскорблении величия», не величества, заметь, как пишет Булгаков, а величия, то есть величия Богов, римского народа и императора. Слово «Maiestas» что значит «величие», являлось атрибутом римских богов и преклонения перед ними всего народа. Это уже пятая неточность, но о ней я говорить не буду, потому что мы обсуждаем только вторую. Пилат должен был по регламенту выйти в белой тоге непременно с узкой красной полоской по краю шириной в три пальца. Такая тога называлась претекста. В ней ходили все римские магистраты не сенатского сословия. Кто-нибудь может возразить по поводу тоги и ношения ее в жаркий весенний месяц нисана. Плащ мол в жару лучше носить шелковый, но во времена именно Тиберия был принят закон, запрещающий мужчинам использовать шелк в одежде, который рассматривался как знак восточной распушенности, и Пилат это знал. Надеюсь, я доходчиво излагаю?

Мое лицо светилось от самодовольства.

– Дися, я для чего хотела тебя приобщить к прекрасному? Только для того, чтобы ты задумался о своей жизни. Пора, дорогой мой, учиться отделять истинные ценности от ложных, а ты меня какими-то дурацкими непонятными словами пытаешься в сторону увести!

– Я, бабуля, истинные ценности пытаюсь для тебя раскрыть. Извини, совсем просто не получается. Историческая наука – не простая штука и требует подготовки. Кстати, знаменитый русский художник Николай Ге в конце XIX века на своем полотне «"Что есть истина?" Христос и Пилат» изобразил Пилата именно в тоге, правда, ошибочно прописал на тоге широкую красную полосу размером шире ладони, а это уже тога латиклава, то есть тога, которую надевали только сенаторы. Пилат же был всего лишь из сословия римских всадников. И тем не менее эта картина, которая была в постоянной экспозиции в Третьяковке, и должна была бы многое подсказать осторожному, как ты выражаешься, Булгакову, но этой подсказкой он не воспользовался. Похоже, он не читал и новеллу «Прокуратор Иудеи» Анатоля Франса, изданную еще в конце XIX века. Иначе он бы знал, что Понтий Пилат, облаченный французским писателем в тогу, вынужден был вершить суд вовсе не в претории, как в то время назывался дворец Ирода Великого, сидючи в тени дворцовой колоннады на троне из слоновой кости, а под открытым небом на мраморных плитах мостовых, поскольку иудеи не решались войти в пределы претории из боязни оскверниться, так как во дворце были выставлены языческие статуи богов и императоров, чью божественную сущность они отказывались признавать, и Рим шел им навстречу, проявляя терпимость.

– Выходит, ты читал Франса? – бабушкины глаза, разбитые показным страданием, сразу оживились, и взгляд наполнился смыслом.

– Слушай, – с насмешкой в голосе произнес я, – кто сейчас в Москве, находясь в здравом уме, читает Анатоля Франса? Это *mauvais ton*! Сейчас на слуху Маркес и Мураками. Все желают быть оригинальными. Никто не хочет думать, как все. Советуют читать Камю и Кафку. Я не читал Франса, я изучал его новеллу из-под палки вместе с Эллой Андреевной, моим репетитором. Это она мучает меня его меткими афоризмами, заставляя зубрить по-французски заумные фразы. Отцу, похоже, ее издевательства надо мною очень нравятся.

– Будь она неладна! – выдавила из себя моя собеседница, притворно сопереживая со мной.

Наконец на лице бабушки я заметил некое подобие добродушной улыбки, однако, прищурился и подчиняясь импульсу старческой злобливости, она спросила:

– А тебе не приходило в голову, что Булгаков облачил Пилата в белый плащ с красной подкладкой, чтобы просто особый случай подчеркнуть.

– Приходило, – ответил я спокойно, – но скорее всего все происходило с точностью до наоборот, поскольку подобный судебный случай был совсем не редким.

– Как же так? – от досады разведя руками, возмутилась бабушка.

– Все дело в характере самих иудеев, – успокоил я бабушку, усаживая на место. – Это был особый народ, и римляне небезосновательно называли их «врагами рода человеческого». Это был народ немногочисленный, но там где их было много, они были кичливы и упрямы. Они не навязывали свое монотеистическое вероучение другим народам, они просто всех презирали, считая существами нечистыми, коль скоро все другие, не только римляне и греки, но и азиаты, слепо верили в своих многочисленных богов и кумиров, образы которых сами же ваяли иставляли на всеобщий показ. Иудеи же своего бога не облакали в зримый образ.

– Чудно, – сказала бабушка, – а как же святые образа?

– Говорю же тебе, любое прикосновение к зримым образам оскверняло их веру. Даже римские или греческие монеты, на которых изображались лики богов либо царей, не имели хождения на палестинской земле, поскольку иудеи отказывались к ним прикасаться, и они подлежали обмену на местные деньги. Ты лучше зайди к отцу в кабинет и загляни в антикварный столик в углу комнаты, который он вечно запирает. Отец в последнее время увлекся древней нумизматикой.

– Это что еще такое, – властно повысила голос бабушка, в запале еще надеясь влиять на скоропалительные поступки своего единственного сына. Даже если ей сказать, что мой отец

богаче самого царя иудейского, она бы не образумилась и все равно желала бы экономить каждую копейку. А посему я не утруждал себя излишней осторожностью в подборе нужных слов.

– Это, знаешь ли, монеты разные: бронзовые сестерции, даже золотые римские ауреусы, серебряные тетрадрахмы, в том числе и древние иудейские есть.

– Небось, этот взрослый дурень денег за них отвалил несусветно, – продолжала возмущаться бабушка.

– Точно не знаю, но однажды я ребятам с нашего факультета кое-что из отцовских монет показал, так один знаток заявил, что на такой раритет можно целый самолет купить.

– Батюшки, зачем моему сыну самолет-то нужен?

– Я тоже задаюсь вопросом, зачем ему все это. Лучше бы «Хаммер» купил.

– Чего-о-о? – протянула бабушка в отчаянии.

– Елкин корень, бабка, ты с Урала что ли? Машина такая крутая. В переводе с английского – «молоток». В Москве их пока единицы Забойный аппарат.

– На кой ляд? У него же есть машина черная, и шофер всюду его возит. Зачем ему еще?

– Зажигать будет. Не он, так я могу. Это круто, бабуля!

– Ладно, крутой, ты давай по делу говори, а не болтай. «Хаммер» какой-то теперь ему понадобился. Опять беситься вздумал.

Я не стал ей прекословить и продолжил грузить бабулю по полной программе. Пусть терпит, в конце концов она сама об этом просила.

– Беда иудеев была в том, что они сами грызлись между собой из-за различного толкования своего учения. Десятки враждующих между собой сект ежедневно собирались на площадях Иерусалима, готовые яростно рвать друг другу бороды и бросаться свитками с писаниями, проявляя нетерпение к инакомыслию. Народ иудейский жил в ту пору ожиданиями прихода Мессии, поэтому каждый житель Палестины, наделенный природой талантом мага или чудотворца, пытался пророчествовать, нередко доводя себя до иступления. Любое инакомыслие, произнесенное принародно, тут же объявлялось заслуживающим смерти, но для законного исполнения приговора нужно было получить одобрение наместника римской провинции, каковым тогда был Виттелий. Прокураторы в провинциях империи занимались главным образом сбором податей, а в Иудее это было сделать ой как непросто, поскольку жители этой земли по религиозным соображениям уклонялись от всех повинностей, в том числе и воинской. Количество дел, требующих вмешательства наместника, с годами только множилось, поэтому наместники передавали своим прокураторам на местах полномочия вершить суды, и тем самым превращали их в префектов. Пилат не скрывал своего брезгливого отношения к этому народу, который нередко клеветал на него в жалобах и доносах на имя Виттелия и даже Тиберия, упрекая префекта в посягательствах на их обычаи и образ жизни. Десятки раз в месяц иудеи богатые и бедные, ортодоксальные и не очень, подчиняясь воле первосвященников, окружали преторию в Кесарии или Иерусалиме, и лежа в грязи или стоя, громко выкрикивали свои требования, чтобы Пилат утвердил вопреки здравому смыслу очередной кровавый приговор тому несчастному, который в своем безумии ничем не отличался от них самих. И префект Иудеи вынужден был покидать стены претория только в плотном окружении своей свирепой стражи и выходить к безумствующей толпе, принимать нужные решения, в страхе следя за тем, чтобы грязные руки бесноватых религиозных фанатиков не пачкали его белоснежную тогу и не рвали ремни на его сандалиях, и все это ради того, чтобы усидеть на своем доходном месте, а не отправиться раньше срока на скромную пенсию в метрополию. После моих слов о пенсии бабушка оживилась.

– А что, Дися, разве в то время пенсия уже была?

– У римлян, да, – сказал я с уверенностью школьного учителя и в том же назидательном тоне. – Что касается еще одной неточности великого мастера, мне кажется, что писатель нарочно обращает внимание на то, что его прокуратор, всадник Золотое Копье, прозвище,

кстати, звучит, как у индейцев из романов Майн Рида и Фенимора Купера, почему-то подволакивал ноги. Он пишет: «шаркающей кавалерийской походкой».

– Прекрати, нахал, цепляться к каждой строчке, или я ухожу, – пригрозила мне бабушка.

– Хорошо, но тогда мы не решим, где же правда.

Бабушка осталась сидеть на уголке дивана, а я продолжил:

– Действительно, кавалеристы, помнишь «Белую гвардию», шаркали сапогами, и этому есть свое объяснение. Когда подолгу скачешь верхом, а ноги держишь в стременах в полусогнутом состоянии, чтобы пружинить, мышцы ног «забиваются». Оттого-то они и шаркали, волоча ноги по земле.

– Ну мне не надобно много об этом рассказывать, я-то сама в деревне с молодых лет с лошадьми имела дело. Мужиков-то в деревнях не хватало после войны. Бывало, еле ноги таскаешь, вспомнить тошно.

– И не вспоминай, бабуля, не надо, а то мы так весь вечер проболтаем за твою тяжелую жизнь.

– Ну и что ты мне хочешь теперь сказать?

– А то, что в Древнем Риме никто не знал, что такое стремя. Их просто тогда еще не изобрели, и всадники имели другую технику езды верхом. Они вытягивали ноги вперед, как индейцы, поэтому никто из наездников просто не мог иметь шаркающей кавалеристской походки.

– А может, он шаркал от старости, немолодой же Пилат уже был?

– Ему было тогда, как ты выражаешься, всего только округ сорока, не более.

– Во как! А в кино Пилата играл этот, как его, народный артист, который маршала Жукова играл, я запомнила фамилию.

– Действительно, Пилата у нас играли Михаил Ульянов и Кирилл Лавров, и оба по возрасту вдвое старше, чем исторический прототип, который был на самом деле приблизительно ровесником кентуриона Марка по прозвищу Крысобой, с которым он вместе воевал против германцев. Только вот в отличие от Крысобоя Пилат удачно женился как будто бы на родственнице императора Тиберия. Ее звали Клавдия Прокула, и жила она тогда в Иудее вместе с супругом и с их несовершеннолетними детьми.

– Выходит, – недоверчиво глядя на меня, удивилась бабуля, – он был вдвое меня моложе? Все время страдал головной болью и малодушно помышлял о смерти, и только собака у него как будто была Банга, чернявая такая, а кроме нее у него никого не было. По Булгакову он, видать, сильно страдал от одиночества.

– Вот то-то и оно-то, – сказал я, передразнивая пожилого человека. – Но так захотел Булгаков. Вопрос: почему?

– Ну ладно, – бросила недовольно бабушка, – что там у нас осталось, не тяни.

– Изволь, – согласился я с радостью. – Утверждение Булгакова, что Пилат больше всего на свете ненавидел запах розового масла, вызывает у меня большое сомнение. Скорее всего оно появилось от простого незнания Булгаковым истории Рима.

– Да откуда же ему бедному знать-то, он же по образованию был медиком. Роман-то у него, поди, не об истории Древнего Рима, – все не унималась бабуля.

– Однако напомним тебе, что императором в Риме во времена Пилата и Христа был Тиберий, который жил в своем дворце на острове Капри. Старейший римский цезарь лечил там, вдали от посторонних глаз, в горячих термах, свою проказу, называли ее тогда лепрой, при которой гниение тела источало отвратительный запах. Древние медики того времени, как, например, Цельс, считали, что рассадником этого заболевания были сирийцы, в частности, проститутки из тех мест. Палестина, где правил Пилат, была составной частью провинции Сирия. Многие иудеи хронически болели этим страшным недугом, и, разумеется, им был знаком и ненавистен этот запах разлагающейся плоти. Думаю, ты согласишься, что утверждение,

будто найдется какой-то человек, проживающий в Иудее, который не любил бы аромата розового масла, звучит по меньшей мере странно. Кстати, Пилат стал известен в Иудее прежде всего из-за своего желания провести акведук с гор до Иерусалима и обеспечить водой город в целях гигиены, что вызвало недовольство у местного населения, и жалобы на него посыпались самому императору. В конце концов проконсул Сирии встал на сторону иудеев. Римский древний историк Аммиан Марцеллин позже писал, что однажды император Марк Аврелий, направляясь в Египет, проезжал по земле Палестины, и по поводу немытых иудеев, от которых пахло, мягко говоря, не розовым маслом, вдруг не выдержал и скорбно воскликнул: «О маркоманы, о квады, о сарматы... Наконец-то я нашел людей хуже вас!»

Бабушка брезгливо поморщилась, не прерывая однако моего повествования, и я продолжал:

– Что Понтий Пилат, что Марк Аврелий были людьми однобокими, поскольку, порицая суетное тщеславие, никогда не восхваляли прелестей иудейских куртизанок, а зря! Ведь в отличие от набожных иудеев, преломляющих хлеб и жующих сушеные финики в своих убогих жилищах при тусклом свете коптящих светильников, они умели внушать особое расположение и приводить в смятение чувства римских легионеров. Вечерами, когда солнце клонилось к закату и наступала долгожданная прохлада, молодые еврейки с набеленными, исполненными тонкой прелести телами, умащенные благовониями, начинали высыпать на перекрестки кривых улочек, благоухая миртой и нардом. Взгляды накрашенных и блестящих глаз красоток пронызывали темноту в поисках своих жертв. Они были готовы уступить любому, способному платить звонкой монетой. По желанию клиента они исполняли зажигательные сирийские танцы, изгибались, откидывали густые рыжие волосы, смотря на мужчину многообещающим затуманенным взором.

Бабушка кряхтя поднялась с дивана и, выпрямляя спину, удивленно произнесла:

– И впрямь говорить где-то научился! Все годы язык в заднице держал, а вот глянь! Отец вроде не говорун.

Она подошла ко мне почти вплотную и притихшим голосом произнесла:

– И зачем же, о Господи, вы в прошлом году поперлись в этот Израиль всем семейством, если там такая страсть, как ты рассказываешь?

– Во-первых, так отец решил. Ему захотелось побывать в местах Христовых, – ответил я убежденно.

Бабушка раздраженно махнула рукой.

– Твой отец безбожник, и зачем ему это нужно-то? И тебя попер туда, и мать твою с вами увязалась.

– Может, поперся, чтобы возвыситься до восприятия божественных истин, – с намеком пожал я плечами. – Мы с отцом были в Кесарии, именно там, где жил Пилат, и на Тивериадском озере тоже. Даже на реке Иордан омовение совершали, где Иоанн Креститель Иисуса Христа крестил.

– И мать тоже?

– Представь себе, правда остальное время в основном по магазинам бегала, крема с Мертвого моря скупала для подруг своих, да золотом интересовалась. Мы там и были-то всего три дня, на выходные летали.

Бабушка глубоко вздохнула.

– Деньги только зря мотаете.

Она вечно причитала каждый раз, когда мы куда-то ездили.

– Так все что ли, больше у Булгакова ошибок не нашел? – проворчала бабушка с издевкой.

– Да ты что, как нету, я же тебе только два предложения прочел первых.

Она снова присела на диван, откинувшись на спинку, так что ее короткие ноги перестали касаться ковра.

– Давай, ври дальше, послушаю тебя. Когда еще с тобой так поговорить придется, ты язва известная!

Я не хотел прогонять ее из комнаты, тем более, что на следующий день начинались выходные, но и скрупулезно копаться в истории Пилата я желания не имел.

– Бабуль, мне еще к французскому надо готовиться, скоро ваш репетитор припрется.

– Не ври, – перебила меня она, – твоя мать, уходя, сказала, что сегодня ее не будет.

– Я имел в виду завтра, мне же готовиться надо, а то еще и она придираться станет на твой манер, – оправдывался я.

– До завтра времени много. Небось, умотать куда решил, а не заниматься. Непутевые вы все, как я погляжу. Как с тобой только твоя Светка жить собирается.

– Блин, ну ты порой как брякнешь, мне реально страшно становится. Скажешь тоже, «жить». Не пугай меня светлой перспективой сладкой жизни, – я недовольно покачал головой.

– Ишь, какой ранимый! Ты брови-то не хмурь, ты же с ней, со своей Светкой, нам устраивал такие концерты, что порой из этой самой комнаты по три дня не выходил. Родители твои и впрямь с ума сходили, и ее отец сюда приходил, жутко расстраивался. Я-то дура, на родителей шипела, думала, что у вас чего путное выйдет, а вот видишь, как повернулось, один срам вышел. А она тебя любит, – без сомнения в голосе произнесла бабушка.

– Откуда ты знаешь? Мамочка, что ли моя тебе нашептала? Она о любви поговорить мастак. Или Светка тебе сама что сказала?

– Какой там! – Бабуля замахала руками, оставаясь при этом сидеть на полосатом диване. – Да разве вас беспутных поймешь?

– Нас и понимать не надо. На нас посмотреть повнимательней, и все становится ясно. Разве мы светимся от счастья? Сегодня опять звонила эта коза, сказала, что отправилась с подругами на дискотеку, а мне, представь, по барабану, где она, я на этот счет не парюсь вовсе. Накосячили мы с ней немало, это правда, но это все в прошлом. И я не пускаю по ней слюней, пусть скачет там с кем хочет. Эгоистичная дрянь, такая же, как и я сам. Носится со своим бюстом повсюду, пытаюсь засветиться в нужных местах. А любви у нас нет и не было. Одни капризы и животный секс. Она прислушивалась только к своим желаниям и охотно позволяла себя соблазнять.

– А если родит? – Бабушка круто, прямо по-булгаковски, буравила меня глазками и сиротливо держала руку у рта.

– Это вы с дедом боялись, когда были молоды. Она, если и захочет, не родит. Просто не сможет. Жопка крошечная, с кулачок, а сама только накуривать умеет, да деньги у своих родителей стрелять. Впрочем, я на нее похож. Я тоже думал, что если я хочу ее, значит и люблю, а если очень хочу, то и очень люблю.

– Жалко мне, она девка красивая, – сказала бабушка и покачала головой, – а вот тебя все неудачником считает.

– Если в смысле того, что не сумел полюбить ее, то да. А в остальном обычная женская месть. Я в отличие от нее ее никем не считаю. Просто никем. Не горит у меня душа, света от нее нет, хоть и имя у нее светлое. Странно получается, меня любят, а я никого. Даже не знаю, бабуля, что это – любить. Может, не дано? Боюсь, что чуда не случиться никогда. Стремно как-то на душе от этой мысли!

– А ты не дрейфь, ты у матери своей учись, она все знает, – произнесла бабушка с плохо скрываемым раздражением. – Вона как задницей крутит перед мужиками разными на каблучках своих, теперь вот ума хватило собаку в дом привести, – она поморщилась.

– Бабуль, не тупи, это же йорк, он, как кошка, даже меньше.

– Подожди, этот йорк вам все ваши персидские ковры уделает.

– Да ладно, – прервал я бабушку. – Он в доме на газетку ходит. Хочешь, возьми его себе, радость вас с дедом будет.

– Вот еще, скажешь. Мы с дедом живность в городе сроду не держали, тем более сейчас, когда за нами самими уход требуется. Дед твой еле ноги таскает по комнате, во двор с трудом сходит без лифта, а тут собака. На кой черт она нам нужна? Это вашей полоумной семейке все неймется. Прислугу взяли в дом. Зачем, спрашивается. Чужие люди! Раньше никто и слыхом не слыхивал, чтобы так жить.

– Раньше, бабуля, и ты Булгакова не читала!

– Раньше да, а теперь прочитала и не один раз, и тебе под нос стараюсь сунуть, а ты все морду воротить. Ты, милоч, учись не ошибки искать, а истину.

– А я что делаю? Я учусь. Учусь собирать позабытые и разбросанные повсюду осколки полуправды, чтобы выложить паззл некой истины.

– Истины? Да ты хоть знаешь, о чем ты говоришь? Истина – это промысел Божий.

– Боюсь, что ты ошибаешься. Когда-то для Аристотеля разыскать истину, независимую от воли Божьей, было величайшим торжеством, и он доказал, что однажды бывшее не может стать не бывшим, и этот принцип ставит предел всемогуществу богов. Проще говоря, известковая плита, найденная в Кесарии, говорит, что Понтий Пилат существовал, и бывшее никогда не будет не бывшим. Все просто.

– Так это ты о прошлом, а я толкую о будущем. К Богу мы взываем о помощи, и только он способен заглянуть в грядущее.

– Послушай, – перебил я бабушку, – сейчас браться предсказывать означает утверждать, что события будущего уже существуют. Ты сама говорила и не раз, как слушала самого Вольфа Мессинга, когда тот выступал у вас на заводе в Доме культуры после войны с предсказаниями, которые непременно сбывались.

– Я и не отказываюсь, – сказала бабушка, – но это у него от лукавого.

– От лукавого оно всегда, потому что не лежит на поверхности, а кроется в деталях. Я тебе говорю о деталях, отделяя справедливые от лживых, а истина, бабушка, изреченная, есть ложь.

– Чего несет парень, – она хотела гнуть свое, готовая петь во славу того, чье творчество почитала истиной.

– Это не я, то Тютчев, бабуля. «Silentium» – так стихи называются, это на латыни «молчание».

– Как понять-то этого Тютчева, черт-те чего и почему?

– Потому что люди могут излагать истину лишь в пределах своей понятийной базы, поэтому нередко искажают ее, а посему истину не вещают, да она и не должна быть явной.

Похоже, бабушка ничего не поняла. Она долго молчала и наконец тихо произнесла:

– Ты со своими иностранными языками скоро голову совсем потеряешь.

Я был доволен, что она закончила мусолить эту мою личную тему и предпочла сама соскочить с нее.

– Ты права, сама видишь, как меня достали эти репетиторы, которых мать с отцом нанимают. Теперь у отца появилась новая навязчивая идея – обучить меня еще и греческому.

– Они совсем там, что ли с ума посходили? Зачем это нужно? – искренне возмутилась бабушка, и мне было приятно отметить тот редкий случай, что она на моей стороне.

– Бабуль, ты мне вот что скажи, Понтий Пилат, который родился где-то в германских Альпах, с юношеских лет познавший тяготы солдатской жизни, много лет провоевавший на севере римской империи, как он сумел выучить столько языков? В романе у Булгакова Пилат, беседуя с Иешуа Ганоцри, легко начал разговор по-арамейски, потом перешел на греческий, как будто он у него родной, а потом, узнав, что Иешуа говорит еще и на латыни, стал разговаривать с ним и на латыни. Тема их общения была не бытовая, они обсуждали религиозно-фило-

софские вопросы, которые требуют не только глубокого знания языков, но и умелого применения философских и теологических терминов. Ты считаешь, такое возможно? – я смотрел бабушке прямо в глаза, не надеясь получить от нее ответ.

– Откуда мне знать, я сама полуграмотная. Война помешала мне семилетку закончить, а потом приходилось все время работать физически, – и она подняла свои натруженные руки к моему лицу, пытаясь напомнить мне о своем тяжелом прошлом. – Кто такие маркоманы, а кто квады, я не знаю, – она произнесла эти два лишь однажды услышанных ею чудных слова так смешно, что я не смог не улыбнуться.

– Мне кажется, я уже говорил тебе, что это древнегерманские племена.

– Вот видишь, забыла! – ее слегка подрагивающие ладони, протянутые ко мне почти просительно, вызвали у меня почти забытое чувство жалости. А с какой легкостью она признавала собственное невежество, ставило меня в тупик.

– А ты знаешь, почему Булгаков буквально в следующем предложении после рассуждений о розовом масле пишет, что вместе с прокуратором в Ершалаим пришла и расположилась на постой во флигеле дворца первая когорта XII Молниеносного легиона? Именно первая, а не, скажем, вторая.

– Я и не в ум, – ответила бабушка, – но звучит грозно.

– Так вот скажу тебе, что когда говорят «первая когорта», обычно намекают на количественный и качественный состав легионеров, поскольку, начиная с правления императора Октавиана Августа, в ней, в этой первой когорте, были подобраны лучшие легионеры, и когорта насчитывала не 600 человек, а ровно в два раза больше. Может, Михаил Булгаков полагал, что во флигеле дворца Ирода могло уместиться столько народа? На самом же деле там могла разместиться максимум одна центурия, и то с большим трудом, а центурия – это десятая часть когорты. Думаю, Булгаков даже об этом и не задумывался. По всей видимости, для него эта деталь была почти не значима, а зря.

– Так зачем же он так написал? – сказала бабушка, при этом почти по-детски округлив от удивления глаза.

– Думаю, затем же, зачем когда-то поэт Ляпис-Трубецкой у Ильфа и Петрова использует лишнюю всякого смысла фразу: «Волны перекачивались через мол и падали вниз стремительным домкратом». Наверное, только для красоты и весомости фразы, которая чарует слух, озадачивает читателя и восхищает одновременно. Булгаков в исторических главах своего романа нуждался в устрашающих словах, смысла которых он порой не осознавал или просто не считал, что в их осмыслении есть необходимость. Папа возил меня в Иерусалим, чтобы я, как он выражался, «надышался историей». Он считает, что чтобы понять Пилата, я должен пропустить через сердце не только свои знания, но и то, что созерцаю, только тогда и познаю истину. «Не в силе Бог, – говорит отец, – а в правде». Булгаков не только не знал, но и не созерцал. Он силой мнимого воображения создал то, во что призывает верить других. У него получается, что все должно строиться на вере! Но ведь вера начинается там, где кончаются знания. Поэтому мне так тяжело читать его роман, – сказал я громче, чем требовалось для выражения тонкого чувства юношеского самодовольства.

– Только не надо кричать. От тебя в ушах звенит, – возмутилась моей горячностью бабуля. – Если в тебе веры нет, то... – она закричала, поднимаясь с дивана, пригрозила мне подагрическим пальцем, затем, подумав, произнесла: – не спеши кичиться своим безверием, это все до поры до времени. Станешь старым, ты меня поймешь!

– Теперь, бабушка, мне понятно становится, почему Булгаков представлял в своем воображении Пилата дряхлеющим стариком, страдающим головной болью, покинутым всеми, кроме собаки Банги. Иначе в его возрасте он бы и не задумался об истинных ценностях и спасении души.

Я бросил мимолетный взгляд на бабушку, которая выглядела встревоженной.

– И настанет царство истины, да, бабушка? – спросил я, смеясь.

Она отрешенно посмотрела на меня и с досадой покачала головой.

– Настанет, внучок, обязательно настанет, когда таких выродков, как ты, не будет, историк хренов. Научили на свою голову.

Она прошептала эту фразу еле слышно и, плюнув себе под ноги, направилась к двери.

– А куда же тогда мне деться? – почти прокричал я ей вслед.

– Сгинь! Да хоть туда, где жил булгаковский сатана Воланд со своей свитой.

– Ну-ка, ну-ка, напомни, где им Булгаков место нашел? Может, на Колыме? – я продолжал подтрунивать над бабушкой Варей, которая бросала на меня колючие взгляды, как будто метала молнии Юпитера.

– Не-е-т, не там! – она подошла к столу, медленно переставляя ноги, при этом раскачиваясь всем телом, как будто находилась в лодке, и, взяв в руки том Булгакова, потрясла им в воздухе, как черной меткой, словно желая воскресить самого дьявола.

– Смотри, опасно вызывать к жизни силы зла, дремлющие в преисподней со времен Пилата. Лично я не собираюсь торговать своей грешной душонкой, чтобы отправиться вслед за ними в ад, – пародируя бабушку, завопил я дребезжащим тенором, предупреждая о последствиях, но она меня уже не слушала. Тербя страницы книги корюзлыми пальцами, она все время поминала Бога.

– Да где же это место, Бог ты мой! Во-о-т! – торжествуя, прокричала она. – Вот гляди, написано: Ницца!

Она поднесла мне к носу книгу.

– Этот противный Коровьев сказывал Никанору Ивановичу Босому, что в этой Ницце, шут его знает, то ли город там, то ли какая-то деревня, будь она неладна – будто там у этого Воланда была небесной красоты вилла. Вот поедешь за границу с родителями или как, нарочно заезжай посмотреть, мне потом расскажешь.

Она вышла, унося с собой книгу, и тихо прикрыв дверь.

Через два года я все-таки закончил МГУ, правда, так и не поняв, зачем туда поступал, однако маме все же сумел объяснить, что слово «погань» из её бранного лексикона происходит от латинского «*Paganus*», или английского «*Pagan*», что означает «идолопоклонник» или «язычник».

– На самом же деле, – сказал я маме, взяв в руки толстенный латинско-русский словарь, – «*paganus*» означает «деревенщина» либо «деревня». Кстати, сам Пушкин во второй главе своего «Онегина» привел слова Горация в качестве эпиграфа: «*O, rus!*» и дал свой перевод: «О, Русь!». На самом деле «рус» в Древнем Риме означало «деревня».

– Ну и что, – сказала мама, пожимая плечами. – Сейчас всякое могут написать.

– При чем тут сейчас, – возразил я и приволок из отцовской библиотеки увесистый том Пушкина издания Брокгауза и Эфрона девятьсот девятого года в кожаном переплете. – Вот, смотри, – ткнул я пальцем в эпиграф.

– Ну и что, – еще раз повторила мама.

– Ну как же, это интересно. Выходит, «Русь» и «погань» в устах Пушкина – это одно и то же.

– Ах, оставь, – сказала мама, – весь в отца пошел, – и покрутила пальцем у виска, поглядывая на бабушку в поисках поддержки.

Так я стал историком, но по специальности не работал ни дня. Отец устроил меня в одну французскую фирмешку, где я неплохо, причем безо всякого энтузиазма, зарабатывал, используя деловые связи своих родителей, и одновременно совершенствовал французский.

Отец всегда возвращался домой поздно, мама – немногим раньше. В доме у нас было всё, о чем я только мог мечтать, поэтому я не торопился перебираться в свою милую квартирку. Отец был обычно немногословен и замкнут, он сидел у себя в кабинете и упивался чтением

Брюсова и Пастернака. Мама его не понимала. Чего стоило одно только коротенькое стихотворение, любимое отцом «О закрой свои бледные ноги», звучавшее в его устах упреком. А когда подходил к концу февраль, отец в полночь открывал окно и впускал весну в дом, при этом декламируя пастернаковское «Февраль. Достать чернил и плакать...» Отец пил дорогой коньяк из большого фужера, вкушая его тонкий аромат, и в глазах его блеснули слёзы. Мама пожимала плечами и уходила в столовую пить чай. Я шёл за ней. У отца была любовь к знаниям, у мамы – к шику. «Книжный червь», – бросала в адрес отца мама. «Торгашка!» – отвечал отец. «Сам вор!» – парировала мама. После таких шуточных перебранок предки расходились по комнатам. Мать удалялась в спальню и предавалась любимому занятию пересчета толстых пачек денег в крупных купюрах, а отец уединялся в библиотеке или, созвонившись с друзьями, спешил по ночным дорогам в стрип-бар «Мятный носорог», что в переулке Старого Арбата. «Streep, streep!» – орали его закадычные друзья, брызгая слюной при появлении очередной красотки. Или еще лучше, когда отправлялся в «Dolls», где под чувственные песни самого Александра Иншакова раздевались пышногрудые кубинки. Отец любил их бархатистую кожу и прайвит-дэнсы особенно, когда крепкие соски нежно касались широких бортов его дорогого костюма. Он не жадничал и частенько оставлял в кружевных трусиках зеленые купюры. Где был тогда я? Иногда где-то рядом, но в заведениях поскромнее. Да-да, почти, как у Пушкина: «там, там, за сению кулис молодые дни мои неслись».

Отец любил проводить отпуска в походах по антикварным магазинам, мама предпочитала отели «Ритц» либо в Лондоне, либо в Париже. Родители были финансово независимы друг от друга. Сколько получал отец в своем банке, знал только он. Мама держала деньги не в банке, а просто во вместительных сумках, она руководила экономическим управлением в одной организации под крылом Моссовета и курировала строительство дорог. Когда после страшной аварии вдруг родителей не стало, мне отошли мамины автомобили и подмосковные дачи, а, когда папины друзья пригласили меня на встречу в его банк, я понял, что не просто богат, а... Впрочем, это уже моё личное дело и, как говорили древние, «*Silentium est aureum*», что означало: «Молчание – золото»!..

Часть 2

Коммод

Всю неделю на французской Ривьере моросил мелкий противный дождь. Было почти безветренно, и оттого казалось, что однородная тягучая масса серых облаков будет висеть над горами вечно, безлико отражаясь в зеркальной глади неприветливого моря. Когда к тому же заметно похолодало, хрупкая надежда на ранний приход весны совсем перестала питать изнеженные души французов, привыкших к теплу и житейскому комфорту. Но вчера вдруг зацвела мимоза. Значит, февраль в Вильфранше наступил.

Ночью я не мог уснуть – болела голова и слегка подташнивало. Несколько раз я поднимался с постели, босиком подходил к большому арочному окну и, стоя на прохладных плитках пола, ощущал, как ветер, наполненный запахами морских водорослей, задувает в щели оконных проемов. Снаружи, подвластная сырому ветру, раскачивалась развесистая финиковая пальма, образуя на блестящем асфальте подвижную тень, да шевелил мелкими веточками куст самшита. На небе, наконец, появились звёзды, и далекий маяк на мысе Ферра, еженощно бросающий мне в глаза свои яркие сигналы с интервалом в две секунды, теперь не казался мне таким одиноким в черных просторах Средиземного моря.

Мой очаровательный друг, серебристый йоркширский терьер по кличке Мартин, довольный моим бодрствованием, в который раз спешил опередить меня и занять место на моей подушке и, как только я присаживался на кровать, грозно рычал и неохотно, но всё же уступал место. Я ложился, почти не накрываясь одеялом, заложив за голову руки, а Мартин, требуя покоя, сворачивался клубком у меня под мышкой и время от времени звучно сопел и ворочался. Уснули мы только к утру и проснулись оба поздно. Правда, осознал я это не сразу, а лишь когда вышел на балкон. Яркое солнце своими острыми, как бритва, лучами резануло меня по глазам, я инстинктивно зажмурился и стоял так довольно долго до тех пор, пока не принялся громко чихать. Мартин от испуга прервал свою традиционную процедуру ленивого потягивания и прижался к моим ногам. Мраморный пол был холодным, и стоять босиком неподвижно, пусть даже и недолго, было неприятно. Вдруг стало теплее, но одновременно и мокро,

и я опустил глаза. Мартин писал короткими прерывистыми струями мне на ступни, нарочито высоко задрав заднюю лапу, и, подобно балерине, гордо развернув голову, бесстыже смотрел мне в глаза.

– Ты, парень, обнаглел, – сказал я псу по-русски так, чтобы он всё понял, и посмотрел на часы. Шел второй час пополудни, и я понял, что был к нему несправедлив. Именно в это время по понедельникам и четвергам ко мне приходила служанка, чтобы сделать влажную уборку и помочь по хозяйству, поэтому я поспешил в дом, чтобы успеть одеться и привести себя в порядок. Мартин бодро засеменил вслед за мной, уловив в моем поведении беспокойство, никак не связанное с его безобразной выходкой. Пес всегда радовался каждому, кто приходил к нам в дом, а коль скоро гости появлялись у нас редко, то звук шагов Лейлы у наших дверей привел его в такой восторг, что он стал захлебываться слюной, хрюкать и неистово вертеть хвостом.

Я читал свежий выпуск «Нис Матен», сидя на кушетке в просторном холле, пил горячий кофе и сквозь распахнутые во внутренний двор двери любовался изумрудной зеленью своего небольшого сада и коротко стриженного газона на фоне ярко-синего моря. Убираясь, Лейла, как всегда, ворчала и делала мне замечания за неаккуратность, недоумевая, как я вновь умудрился оставить столько крошек по всему холлу, съев один-единственный круассан.

– У вас, у русских, наверное, все такие, – высказывала она по-французски с легким арабским акцентом свои однообразные придирки в мой адрес. Мартин же, по всей видимости, думал, что Лейла обращается к нему, и продолжал ещё яростнее цепляться за её тапочки. Лейла почему-то всегда носила длинные, почти до пят юбки и блузки, которые были ей явно не по размеру. Они так обтягивали ее полнеющее тело, что когда она нагибалась с тряпкой, складки на её животе грозили превратить многочисленные пуговицы в мелкокалиберные пули. Если верить ее рассказам, родилась она в Марселе, в семье бедных марокканских эмигрантов, а её здоровенный муженек, неизменно подвозивший супругу к нашему дому на крохотном «Рено», был в прошлом довольно известным волейболистом в Алжире. У них было трое уже взрослых детей, и они с мужем, как она полагала, были вполне счастливы. Счастье – понятие философское, и я, конечно, не пытался оспорить видение Лейлой ее счастья, особенно когда смотрел на её неухоженные пятки и ярко покрашенные длинные ногти на ногах, которые, как мне казалось, каждая уважающая себя женщина должна была скрывать от придирчивого взгляда француза-петушка. Ну, а необходимость брить ноги не подвергалась малейшему сомнению, поскольку настоящая женщина начинается с ног.

– Слушай, – обратился я к служанке, – прекрати трогать мои книги, мы же договорились!

– А как я, позволь спросить, могу убираться в доме, если они разбросаны повсюду?! Тогда собери их сам и отнеси к себе в кабинет. Образованный человек, двадцать восемь лет, уже не мальчик, – недовольно покачала она головой. – Хоть бы здесь женщину себе нашел постоянную, и мне полегче бы было, а то приводишь невесту кого!.. Или из своей России кого-нибудь привез, чтобы она тебя порядку научила! Уже почти два года здесь живешь, а всё один!

– Не бойся, скоро приедет!

– Посмотрим-посмотрим, – пробурчала себе под нос Лейла, а потом тихо добавила по-арабски, – иншалла.

Лейла кряхтя выпрямила спину и быстро взглянула на меня большими карими глазами, стараясь понять, не шучу ли я. Ловко орудуя влажной тряпкой, то ли действительно во власти негодования, то ли, желая по-матерински пожурить меня, она не унималась:

– Если бы я знала два года назад, что буду работать у такого грязнули, разве бы я согласилась?! Твой покойный отец был не чета тебе, степенный, уважительный – он мне сразу понравился. Помню, привезли его библиотеку, мебель стали в кабинете расставлять, и он, – а твой отец ко мне только на «Вы» обращался, – говорит: «Лейла, вы будьте, пожалуйста, осторожны со стеклом». Учил меня уважать книги. Я таких красивых раньше не видела, все в коже и золоте.

– Не понимаю, к чему ты это. Я, что, не уважаю книги? Я с ними работаю, как с живыми людьми!

– Вижу, как работаешь! Вчера, наверное, тоже работал? – Она поправила съехавший на глаза яркий шелковый платок с люрексом.

– А что вчера? – насторожился я.

– А то! Что за чернокожая девица курила у тебя днем на балконе? Даже не постеснялась стоять в одной мужской рубашке, – она смерила меня своим колючим взглядом. – Уж не в этой ли, что сейчас на тебе?

«Не слишком ли много она на себя берет», – подумал я и спросил:

– Я что, не имею права пригласить к себе в дом друзей?

– Конечно, имеешь, только в который раз тебя просят – охрану предупреждать надо, и соседей тоже. Да, ты живешь в отдельном доме, хорошем, но соседи тоже люди не бедные и не хотят иметь неприятностей. Приедет такая, обсмотрит все, а потом сам знаешь, что бывает! А нас, – она ткнула себя в грудь коротким пальцем, – случись что, первыми подозревать начинают.

– Да, знаю, но так получилось. Я сам не предполагал.

– Выходит, опять привел проститутку с Променада?

– При чем тут Променад, она же негритянка, а на Променаде такие не промышляют, там все больше славянской внешности, из Восточной Европы!

– Скажи ещё, что она из России! Дуру из меня делает!

– Представь себе, почти, – ответил я Лейле и расхохотался, видя её простодушное недоумение. – Да-да, можно сказать, что в какой-то степени она из России.

– Это откуда же в вашей снежной тайге такие черные девушки?

– Она, между прочим, у нас в городе Ростове училась целых шесть лет! По-русски говорит почти как я. Хорошая, веселая девчонка!

– Ничего не понимаю, ты что, тоже в Ростове учился?

– Ты же знаешь, я учился в Москве, – я отложил недочитанные газеты и нехотя поднялся с кушетки.

– И ты пригласил её оттуда приехать во Францию?

– Да, господа, не знал я её раньше, вот пристала, – со смехом выкрикнул я. – Мы познакомились два дня назад в Риме. Я же тебе говорил в четверг, помнишь, что хочу на один день слетать в Рим, и просил, чтобы твоя Марго в пятницу приглядела за Мартином. Я ещё звонил ей из Рима, предупредил, что на одну ночь задержусь – опоздал на рейс и был вынужден возвращаться поездом.

– Это что же, тебе пришлось всю ночь в поезде провести?

– Что ж поделаешь, так вышло. А эту девушку зовут Адель. Я пригласил её к себе на выходные. А вообще, она работает в Риме.

– И ей тоже пришлось всю ночь с тобой трястись? Как романтично, – съязвила Лейла.

– Какая там романтика! – я сделал вид, что не почувствовал иронии в ее словах. – В спальное купе набилось аж шесть человек! Оказывается, у макаронников в поездах даже нет спальных люксов! Адель же согласилась на два дня приехать ко мне в гости, но только поездом, потому что с самолетом у неё проблемы – паспорт на оформлении, а для поезда паспорт не требуют. В одиннадцать ночи сели в Риме, а в восемь утра уже были в Вентимильи. Вчера вечером я её отправил обратно из Ниццы в Вентимилью и посадил на поезд до Рима.

– А зачем именно она тебе понадобилась, разве здесь девушек не хватает?

– Я же тебе сказал, для меня она почти русская! Мы все два дня по-русски проговорили, вспоминали студенческую жизнь. Жаль, но тебе, видимо, не понять!

– Да, всё я понимаю, только не всегда имею право мнение свое высказать!

– Да ладно, по-моему, только и делаешь, что высказываешь свое мнение, но я на тебя не в обиде – ты хороший работник, это я засранец.

– И все-таки понять не могу, зачем тебе сдалась эта чернокожая африканка? – почти прокричала служанка.

– Ты знаешь, сам удивился, но по духу она настоящая русская девчонка, весёлая, простодушная. Я таких раньше не встречал! В пятницу в Риме я записал на видео материал на Древнем Бычьем рынке Пьяцца Сан-Джорджо, мне нужны были детали арки Агрентариев и Януса, и я пошел через Старый Город на Пьяцца Фарнезе, чтобы записать на камеру фонтан, частью которого является гранитная ванна из терм Каракаллы. Впрочем, Лейла, зачем я тебе все это рассказываю. Голову только забиваю! Короче, немного заплутал в узеньких улочках. Обратился к одной уверенной в себе, интеллигентного вида, чернокожей девушке за помощью, мешая итальянские слова с английскими. Видимо, моя тирада её здорово насмешила, и она расхохоталась. Между прочим, у неё прекрасная улыбка!

– Это ты к чему? – нетерпеливо спросила Лейла, с любопытством ожидая продолжения.

– Да просто так, – мечтательно ответил я, вспоминая, как её зубы поблескивали в темноте ночи, когда она, опершись на локоть и улыбаясь, смотрела на меня. – В итоге она спросила меня на идеальном английском, на каком языке мне легче говорить. Ну, я ради прикола ответил ей, что по-русски. Так что ты думаешь, она тут же стала объяснять на русском, причем без всякого позерства, как лучше пройти к площади. Она спешила в офис с обеденного перерыва, и я пригласил её вечером поужинать в одном хорошем ресторане на площади Республики, рядом с «Гранд-Отелем». Не думал, что она придет, но ошибся. Я рассказал, что живу недалеко от Ниццы. Она ответила, что мечтает увидеть Монако и приедет, как только у нее будут время и деньги. Ну, я и уговорил её поехать со мной на уик-энд, оплатил дорогу, показал Монако, купил мелкие подарки...

– Ничего себе мелкие! Вон какие коробки и пакеты по комнате разбросаны! Я хоть и небогатая, в фирмах разбираюсь – дочка просвещает. Интересно, что ты ей купил в «Эскаде»? Я бывает, любуюсь на эту витрину на Рю де Франс.

– Свитер, юбку и белую блузку для офиса. У них фирма солидная, строгий дресс-код.

– А туфли от «Sergio Rossi» зачем? – Николь поддела тапком черную коробку.

– Послушай, она ведь приехала в джинсах и куртке, а мы в субботу вечером в оперу ходили. Ну, не в кроссовках же ей идти?!

– Тогда хвалю, а то я думала, все два дня дома просидели. Или провалялись, уж и не знаю, как правильно сказать!

– Так дождь же всё время шел! Я прокатил её на машине от Монако до Канн, зашли в пару магазинов, и всё. А остальное время – да, сидели здесь и смотрели российские каналы.

– Телевизор они смотрели... Умора! Мне соседские охранники рассказали.

– Да хватит тебе слушать этих фантазеров!

– Они мне сказали, что эта «штучка» была стройная, как эбонитовая статуэтка, и ростом почти с тебя, прямо модель! Ноги всё свои длиннющие на балконе выставляла и смеялась во весь голос.

– А я что, сказал тебе, что она похожа на Эллу Фицджеральд? И ноги у Адель получше, чем у теннисисток сестер Уильямс, но я пригласил ее к себе прежде всего как русский человек русскоговорящего. Посидели, поговорили, посмеялись, выпили вина, она даже чуть-чуть водки, ну и всё такое. Мартин с нами тоже посидел, про Россию послушал, даже поскуливал.

– Ах ты, боже мой, какая идиллия!

– Увы, французам не понять русскую душу, вы же всё на деньги переводите! Раньше сантимы считали, теперь центы в уме складываете.

– А по-моему, это вы, русские, постоянно из-за денег разборки устраиваете!

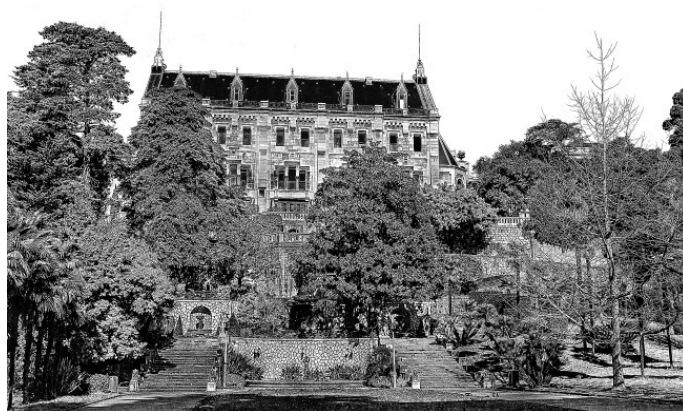
– Она была не права, а коли женщина не права, проще попросить у неё прощения. Я выдавил из себя ожидаемое ею «пардон», и она, мило улыбнувшись, тут же сменила тему разговора.

При всех своих нестандартных габаритах Лейла была расторопной работницей и, когда через два часа её волейболист протяжно посигналил под окнами, она уже завершила уборку и была готова ехать домой. Стоя перед зеркалом в прихожей, она красила смуглые пухлые губы яркой помадой, и, по всей видимости, была вполне довольна собой.

Я надел легкую куртку, и мы с Мартином наконец отправились на прогулку. Мой серебристый кабриолет «Пежо-306 СС» стоял на площадке возле дома. Я толкнул скрипучую калитку и подошел к машине. Мартин запрыгнул в салон и без привычных капризов устроился на заднем сиденье. Теплая и солнечная весенняя погода создавала мне хорошее настроение, а собаку приводила в возбуждение. Морской воздух, приносящий с собой запахи ещё не просохшей после ночных дождей земли и уже повсюду зеленеющих кустарников, как всегда весной, наполнял моё сердце радостно-тревожным ожиданием.

Мы направились в Ниццу и на удивление легко нашли место для парковки на площади Массены, совсем рядом с садом Альберта I. Площадь в окружении элегантных красных фасадов старинных зданий, построенных в туринском стиле, напоминала горожанам, что Ницца когда-то входила в состав итальянских княжеств. Удивительно, кстати, почему Маяковский, сидя на этой площади, назвал Ялту Красной Ниццей?! У меня же площадь Массены всегда ассоциировалась с прекрасным французским актером Бельмондо в любимом фильме отца «Кто есть кто», а близость казино «Руль» вселяла в меня ощущение праздника.

Отсюда, с Променад-дез-Англе, мы с собакой обычно начинали свои многочасовые прогулки и, поднимаясь через парк вверх, в сторону Симьеза, любовались самым красивым в Европе бульваром, идущим через дворцовые парки Зимнего Дворца и Эрмитажа к отелю «Регина», построенному в конце XIX века для зимнего отдыха английской королевы Виктории. Великолепная архитектура периода «Belle Époque» перестала восхищать нас своим шиком, как только мы с Мартином повернули от отеля налево. В тенистых узких улочках с садами за высокими заборами было прохладно и сыро, что очень нравилось Мартину. Пёс жадно вбирал в себя волнующие запахи, временами чихал и фыркал от удовольствия. Мы шли по булыжной мостовой, и оттого, что дорога спускалась всё круче вниз, ноги не слушались и несли нас вперёд, отчего я помимо своей воли перешел на бег. Впереди замаячили готические верхушки помпезного белокаменного дворца «Вальроз», утопающего в зелени своего знаменитого сада.

Дворец Вальроз

Здесь, в саду Университета Ниццы, на площадке, отделяющей Шато Вальроз от бывшего дворцового театра, мы обыкновенно устраивались на отдых. Я брал с собой купленные

по дороге газеты и сидел на отдельно стоящую не крашенную деревянную скамейку, любясь сверху видом на парк, укрывавший шапкой буйной зелени университетские строения. На сей раз нам не повезло – наше место было занято: на скамейке сидела ничем не примечательная девушка с книгой в руках. «Студентка», – раздосадовано подумал я. Надкусанный сэндвич лежал на коленях, затерявшихся в бесформенных широченных джинсах. Рядом со скамейкой стоял велосипед. Рюкзачок лежал почему-то отдельно, покоясь на ветхом металлическом стуле. По тому, как девушка отрешенно читала книгу, медленно перелистывая страницы, было ясно, что это надолго. Я не хотел никому мешать и тихонько потянул Мартина в сторону лестницы, но пёсик, видимо, учуяв запах аппетитной начинки хлебного треугольника, уперся, недовольно зарычал и стремительно запрыгнул на свою любимую скамейку. Девушка вздрогнула от неожиданности, подняла голову и с улыбкой посмотрела на собаку. Она отложила книгу в сторону, перевернув её страницами вниз, чтобы не закрывать.

– Мой ангел, – наклонилась она к Мартину, не обращая на меня никакого внимания, и провела узкой ладонью по его спинке.

«Какие тонкие запястья», – невольно подумал я.

Пёс, услышав добрую интонацию, затеребил хвостом и стал лизать девичьи руки. Я бросил взгляд на книгу. Это был Теодюль Рибо, «Опыт исследований творческого воображения». «Понятно», – подумал я, вспомнив свою давнюю студенческую подружку с психфака МГУ.

– Как тебя зовут, – снова обратилась к Мартину девушка.

Рыжая копна вьющихся волос почти полностью закрывала лицо, глаз не было видно, проглядывался только маленький курносый носик и кусочек тонкой шейки под широким воротом серого свитера рыхлой вязки. Одним словом, прелестный «пуделёк»!

– Он не понимает по-французски, – пошутил я, – да и вряд ли ответит, – однако на мои слова она не отреагировала.

– Так как же тебя зовут, – повторила свой вопрос студентка, ловко подхватив собаку на руки и крепко удерживая турбулентное тельце.

– Осторожно, не испачкайтесь, у него лапы мокрые. – Немного помедлив, и так и не дождавшись внимания к себе, я добавил: – его зовут Мартин.

Мартин? – удивилась рыжеволосая студентка. – Почему Мартин, а не Мартен, он же мальчик?

– Потому что моя мама любила Джека Лондона, помните, «Мартин Иден», наверное, ей казалось, что это оригинально. Она тогда не предполагала, что её единственный сын будет постоянно жить в Ницце вместе с её собакой.

– У нас такая же порода, только чуть поменьше и окрас потемнее. Он любимец моего отца.

– А зовут его, конечно, Калупсун, как у Бельмондо?

– Ну, почему?... Разве мало красивых кличек? А где вы жили раньше, извините?

– В Москве.

– Как в Москве? Вы из России? – опять искренне удивилась незнакомка, ничуть не приотворяясь.

– Вынужден признаться, что да, – с иронией в голосе ответил я.

– Вы действительно русский? – она наконец пристально оглядела меня с ног до головы, не скрывая однако некоторой настороженности. – Странно, очень странно, – выдавила она, – а говорите вы на идеальном французском! У нас много новых русских обосновалось, да и туристов ваших хватает, но все говорят, как правило по-английски, и то... – она небрежно повертела рукой, что, по-видимому, означало «ком си ком са».

– Русские разные бывают. Не только внезапно смертными, но и внезапно богатыми. Так вышло, что я тоже русский, но в отличие от упомянутых вами, немного говорю по-француз-

ски, – улыбнулся я, но на лице девушки я не увидел ни тени улыбки. Наоборот, она как-то напряглась, аккуратно опустила Мартина на землю и, как бы оправдываясь, сказала:

– Друзей у меня много, но русских среди знакомых никогда не было. Здесь часто пишут о разборках «новых русских», о том, что они скупают недвижимость, открывают бизнес!

– Вас, французов, не поймешь! Когда-то вы были недовольны, что к вам понаехали бедные русские эмигранты, теперь вы попрекаете нас богатством, не думая о налогах, которые мы платим в вашу казну. Для вашего сведения я тоже имею здесь недвижимость.

– Значит, Вы тоже «новый русский»?

– Если судить по-вашему, выходит так.

– Поразительно... – сказала златовласка, натянуто улыбнувшись, и почему-то прижала ладошки к щекам.

«Ну, точно пуделёк», – подумал я и не удержался от снисходительной улыбки.

– А здесь, в зеленом парке Вальроз вам одной находиться не страшно? – спросил я игриво-устрашающим тоном, растягивая слова, – от нас же один криминал!

Девушка рассмеялась.

– До этого было не страшно.

– Странно, сидеть у замка, принадлежавшего знаменитому когда-то «новому русскому» не страшно, а разговаривать со мной стремно!

– Не поняла. Вы кого имеете в виду?

Я был приятно удивлен, увидев, что мне наконец удалось ее заинтересовать.

– Кого? Вообще-то заложил и построил этот красивейший замок Павел Григорьевич фон Дервиз, или Павел Георгиевич, не знаю как правильно, в одной передаче его даже Павлом Петровичем называли!

– А как на самом деле?

– Так, как звал его граф Витте, который хорошо знал всё семейство Дервизов и называл его именно Павлом Григорьевичем. Правда, граф Витте признавался, что писал свои «Воспоминания» уже далеко немолодым человеком, поэтому мог что-то перепутать. Поэтому утверждать не возьмусь.

– А почему вы называете Дервиза «новым русским»?

– Потому что таковым его посчитала вся великосветская русская Ницца, когда он приехал сюда в 1867 году лечить своих детей, страдавших туберкулезом.

– Вы знаете, – прервала мой исторический экскурс студентка, – мне иногда кажется, что своей красотой Ницца обязана исключительно трагической ошибке врачей, полагавших 150 лет назад, что мягкий климат Лазурного берега целебен для людей, страдающих заболеваниями легких.

– Согласен, весь Лазурный берег – это цветущее кладбище высшей родовой знати Европы XIX века, причем, как правило, молодой.

– Извините, что прервала вас. Так что Дервиз? – спросила она серьезно и без эмоций, словно сидела в университетской аудитории и слушала профессора.

Не скрою, мне было приятно, что наша беседа строилась не на показном интересе, формирующем, как бывает, первую беседу двух незнакомых людей, а на взаимном уважении к истории.

– Вы спрашивали о «новых русских». Так вот, Дервиз действительно считался одним из них. Он не принадлежал к высшему обществу в России, однако считался одним из первых русских капиталистов, при том безумно богатым. Здесь его сразу окрестили «русским Монте-Кристо», не ведая о природе происхождения столь огромных средств. Русские аристократы предпочитали держаться от Дервиза на расстоянии, особенно когда поняли, что и сам он не пытается сблизиться с представителями «голубых кровей» Европы. Даже наоборот, своими чудачествами и подчеркнутым стремлением к одиночеству он снискал себе славу «Железной

маски». Его эпатаж проявлялся во всем. Дервиз хотел везде быть первым и считал, что его дом в Ницце должен быть «круче» чем Шато дез Оллер князя Ростовского или дворец княгини Кочубей. Поэтому начал он как истинный русский нувориш. В Ницце он выбрал лучшее место для будущего замка, купил одиннадцать гектаров земли и заложил парк, да такой, каких этот южный город в то время ещё не видывал. Фонтаны, ручьи, каскады, озеро – всё утопало в розах, его любимых цветах. Из России был выписан садовый архитектор Владимир Фабрикант, который с помощью местного молодого садовника господина Шарля посадил в парке все известные в то время сорта этих цветов и перевёз из Италии все виды наиболее живописных пальм. Дервиз назвал свой дворец, точнее, замок «Val Rose», по-русски «розовый дол». Его создали два русских архитектора, а в строительстве участвовали 800 жителей Ниццы. Вон там, – я отошел немного в сторону и показал внимательно слушавшей меня студентке пальцем на портик дворца, – барельеф с изображением детей Павла фон Дервиза, Варвары и Сергея, а наверху, видите – фамильный герб семьи: рыцарский щит со звездой и сердцем, что означает храбрость и сердечную доброту представителей рода. Знаете, когда я впервые оказался здесь и стал расспрашивать, где в Университете находится театр, поскольку указатели давали только направление, все, как один, указывали мне на «Замок». На самом деле театр расположен рядом, – я повернулся и, протянув руку, сказал: – вот он. Именно в этом театре, рассчитанном на четыреста мест, состоялась европейская премьера оперы «Жизнь за царя». В России после 1917 года она стала называться «Иван Сусанин». Дервиз содержал за свой счет семьдесят музыкантов и хор, жили они в малом замке. Здесь 130 лет назад Павел Григорьевич давал лучшие в Ницце светские и благотворительные концерты, причем выручка от билетов шла исключительно на нужды города. Сам Дервиз никогда не показывался на публике, для него были сделаны отдельный выход из Шато и личная жога. Похоже, выход не сохранился, – добавил я с сожалением. – Одним из его чудачеств была выписка из своего имения в Киеве русской избы, где он частенько пил чай. Изба была украшена текстами русских поговорок, выполненными старославянской вязью. Надо отдать должное французам – они всё сохранили практически в первозданном виде, даже вон того бронзового коня работы хорошо известного у нас в России Трубецкого, – я показал девушке на стоящую в глубине парка статую, выкрашенную в желтый цвет студентами, с нацарапанной на спине традиционной надписью «Я был здесь».

Девушка улыбнулась, как будто знала, чьих рук это дело, но раскрывать имя юного вандала не стала. Убедившись, что ей интересен мой рассказ, я продолжил:

– К всеобщему сожалению после скоропостижной смерти этого мецената и филантропа музыкальная деятельность в Вальрозе прекратилась. Пожалуй, что только Дервиз как русский Иван-дурак, мог позволить себе такую расточительность, несвойственную французам.

– Ну почему же, не такие уж французы и прижимистые, – вступилась за соотечественников моя собеседница, – просто поведение русских нам не всегда понятно. Только они, живя в пятизвездочных отелях, дают официанту на чай 300 евро, по утрам пьют дорогущее шампанское, но при этом торгуются, когда снимают дешевых уличных проституток.

– А я считаю, что прагматизм – главная черта именно западноевропейского мышления. Дервиз был другим, он был первым «новым русским» Лазурного берега. Жаль, что его пример не взяли на вооружение современные нувориши типа Бориса Березовского, купившего на Кап-д-Антиб «Chateau de la Garoupe».

– У нас считают, что Березовский так богат, что, наверное, легко мог бы сейчас купить и замок Вальроз.

– Вполне возможно, что не он один. Таких в России сейчас немало, к примеру, Роман Абрамович. Однако дело в том, что этот замок сейчас просто не продается. Но если город и надумает когда-нибудь его продать, то будьте уверены, скорее всего, его купит именно русский. Знаменитые виллы европейских миллиардеров на Кап Ферра наших мало интересуют, они скрыты от посторонних глаз, а нам же нужен выпендрёж! Как однажды написал в своих

«Философических письмах» признанный в Европе мыслитель Петр Чаадаев, «русские заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь».

– А откуда вся эта информация? Вы что, читали или сами писали книгу о Дервизе?

– Книгу о Дервизе никто не написал и вряд ли когда-нибудь напишет. В России о нем вообще мало что известно, и это при том, что музыку к знаменитому романсу «Вечерний звон», который часто исполняется и так любим россиянами, написана именно Павлом фон Дервизом.

– Наверняка, как и все романсы, он печальный?

– Угадали. Один мой университетский преподаватель на лекции как-то сказал: «Почему печальна русская песня? Потому что печальна русская история»! Я по образованию историк и серьезно занимался когда-то историей жизни русских царей Николая I и Александра II, но отец мой полагал, что в перестроечный период зарабатывать знаниями в области истории России невозможно, и поэтому настоял на моем втором образовании, поскольку хотел, чтобы я стал, как и он, финансистом. Так вот, изучая в Финансовой Академии историю развития капитализма в России, я штудировал воспоминания первого русского премьер-министра России по фамилии Витте. Вот там и наткнулся на откровенные воспоминания о Дервизе и странностях его характера.

– Ничего себе в России фамилии: Витте, Дервиз! – на ее губах появилась легкая улыбка, и я, оценив ее способность шутить, улыбнулся в ответ.

– Но вы же догадываетесь, это не исконно русские фамилии. Важно то, что это истинно русские люди, хотя с прибалтийскими и голландскими корнями. Так вот, меня как «нового русского», каковым вы меня считаете, интересовала история расхищения казенных денег, а также подкупа и взяточничества в России в те времена. Я уже говорил вам, что в нынешней России всё возвращается на круги своя, только теперь уже в виде фарса. Вот вам пример. Здесь на улице Дюбушаж много лет жила и умерла княгиня Долгорукая (граф Витте по материнской линии тоже происходил от князей Долгоруких), или Юрьевская, называйте как угодно, бывшая морганатической женой русского царя Александра II. Так она не брезговала принимать от него крупные подношения. Однажды произошел такой случай: эта молодая княгиня, ещё будучи просто любовницей императора, настаивала в своих корыстных интересах, чтобы Александр II отдал концессию на строительство железной дороги Ростов-Владимир Полякову, в те годы крупнейшему российскому железнодорожному тузу, человеку и так безумно богатому. Между прочим, этот Поляков просто носил русскую фамилию, а на самом деле был родоначальником известной династии богатейших российских евреев, один из которых даже получил российское дворянство. Самое удивительное заключается в том, что пресловутую концессию Поляков так и не получил благодаря порядочности и своевременному вмешательству министра путей сообщения графа Алексея Бобринского, кстати, двоюродного правнука Алексея Орлова, бронзовый бюст которого стоит у нас в Вильфранш-сюр-Мер.

– Простите, я не ослышалась, у «вас» в Вильфранше?

Странно, но насмешливость в интонации студентки уже не выводила меня из себя.

– Да, я живу там уже почти два года, у меня свой дом.

Так вот откуда прекрасный французский! А то я поражалась, неужели возможно так хорошо выучить язык в Москве! Теперь ясно! Так что вы говорили об Орлове?

– Я говорил о его двоюродном правнуке Алексее Бобринском, который, будучи порядочнейшим человеком, отдал концессию не Полякову, а некоему инженеру Штенгелю, который построил дорогу Ростов-Владимир, и ничего, по мнению Витте, у России не украл. Штенгель нажил себе честное состояние. Не миллионы, конечно, а несколько сот тысяч рублей, что было по тем временам очень большими деньгами. Но в России бывало, что благие дела не проходили безнаказанно. Вот и был тогда Бобринский примерно наказан Александром II по науськиванию мстительной Долгорукой. Должностью своей поплатился, но чести не замарал. Так я к чему – всех их: Дервиза, Полякова, Юрьевскую, Александра II и Бобринских-Орловых объединяет

одно – Южный берег Франции. Каждый из них мечтал сладко жить и даже закончить здесь свои дни. Хотя нужно сделать одно немаловажное уточнение: многие из них тогда считали Ниццу Италией. Даже Сергей Витте в своих «Воспоминаниях» пишет, что Дервиз построил себе замок в Италии, полагая, что здешний Лазурный берег является итальянским.

– Дервиз, конечно, был женат, а кто была его супруга?

Она заметила удивление на моем лице и продолжила:

– Просто я часто бываю в Музее изящных искусств в квартале Бомет, и там на одном из центральных мест размещена картина с изображением благородной дамы с этой редкой фамилией. Многие посетители останавливаются возле нее. Это, по всей видимости, и есть его жена?

– Приятно удивлен, спасибо за вопрос! В России сняли прекрасный многосерийный документальный фильм о русских, живших в Ницце: «Русские зимы в Ницце», а в крупных московских книжных можно встретить толковую книгу писателя Носика «Прогулки по французской Ривьере». Так вот, и в фильме, и в книге женщину, которую вы упомянули – прекрасную молодую даму, высокую, с узкой талией и роскошным бюстом называют женой Павла фон Дервиза, хотя на самом деле это не так!

– На чем же тогда основывается их предположение?

– Наверное, над ними, как и над вами довлеет стереотип поведения прежних «новых русских», которые, впрочем, как и нынешние, предпочитали связывать жизнь исключительно с молодыми красивыми женщинами, становясь их мужьями или любовниками.

– Да, я заметила, что многие ваши мужчины выгуливают на Променаде своих высоких модельного вида спутниц. Так, по вашему мнению, кем же приходится фон Дервизу эта женщина?

«Эта златовласка мозг выносит капитально», – не без приятного удивления подумал я.

– Вероятно, она жена Сергея, его сына. Естественно, я тоже бывал в этом музее, а он располагается, кстати, в бывшем дворце русской княгини Кочубей, и обратил внимание, что во время написания портрета художник, чьи годы жизни указаны под картиной, должен был быть совсем юным, если предположить, что эта дама в красном действительно являлась женой Павла фон Дервиза. А вот портрет его реальной жены тоже висит в том музее ровно напротив! Просто на него мало кто обращает внимание, поскольку на нем изображена немолодая женщина с простым русским лицом и в неброском платье. Звали жену Дервиза Вера Николаевна, девичья фамилия – Титц. В нашей литературе её называют женщиной доброй и светской, настоящей душой замка Вальроз.

– Так все-таки, какая черта преобладала в характере барона: чудаковатость или загадочность? – спросила студентка, чуть прищурившись, вглядываясь в крышу замка.

Эта чудная девчонка сидела на лавочке, поджав под себя ноги и, уперев локти в колени, подпирала кулачками подбородок.

– Лично мне более точными кажутся определения, которые дал барону граф Витте, хорошо знавший всех братьев. Витте полагал, что от богатства и роскоши Дервиз «совершенно сбрендил», о чем свидетельствовали его поступки во время жизни в Ницце. Впрочем, судите сами, в день серебряной свадьбы супругов, на которую были приглашены все родственники барона, он выступил с продолжительной речью, в которой поблагодарил свою давно уже не любимую жену за верность и доброту, и объявил о своем особом подарке – в зал вошли слуги и внесли на подносе один миллион рублей золотом. Когда Вера Николаевна приняла подношение, Дервиз снова выступил с речью, обратившись к жене с просьбой оставить его, так как он больше не желал быть с ней вместе. Барон в то время имел много увлечений в кругах знатных дам, на которые не жалел денег, они же буквально разоряли его. Женщинам, которые ему нравились, Павел Григорьевич готов был отдать все, и порой занимался благотворительными проектами лишь в угоду какой-нибудь знатной русской кокотке. Один из родных братьев Дервиза, Николай, был очень беден. Он был тенором в Мариинском театре, и выступал под псевдони-

мом «Энде». Павел Григорьевич пригласил брата на летний сезон для выступлений в театре «Вальроз». За несколько месяцев, что Николай выступал в театре, Павел Григорьевич ни разу не пригласил его к себе во дворец! Единственно, после завершения сезона он выдал брату перед расставанием кошелек золотых монет сверх оговоренной суммы контракта. Как всё это в духе «новых русских»! – вздохнул я с сожалением.

– Интересно, как вы, русские, сумели разбогатеть так быстро? Насколько мне известно, в Европе это мало кому удается.

– Да, в России это уже стало нормой. Уверен, что как только вы, европейцы, разгадаете алгоритм того, почему Дервиз так быстро разбогател в 70-е годы XIX-го века, то вам сразу станет ясно, что происходит с Россией сейчас, уже в XXI-м. Дело в том, что в экономической политике царизма в России фаворитизм и коррупция при отсутствии независимого суда имели давние и крепкие корни. В частности, капиталы железнодорожных обществ были гарантированы казной, поэтому получалось, что частные по форме предприятия действовали целиком за счет казны. В таких условиях правительственная гарантия обеспечивала прибыли и гарантировала от убытков. Оставалось только заручиться чьим-либо покровительством и получить, скажем, концессию на строительство, а дальше и ты, и твой покровитель становились богатыми, собственно, и воровать-то по-крупному не было нужды, надо было только быть честным по отношению к своему покровителю. Поначалу Дервиз был всего лишь сенатским чиновником. Позднее его школьный товарищ Рейтерн, став министром финансов, предоставил Дервизу концессию на постройку железных дорог.

За то короткое время, что мы увлеченно беседовали, поведение моей собеседницы коренным образом изменилось. Она стала раскрепощеннее и смелее.

– Скрывать не стану, я и все мои знакомые относимся к русским с опаской, – тихо сказала студентка и, как бы оправдываясь, добавила, – может быть, не было случая познакомиться с кем-то из них поближе, поэтому мы вас не знаем, поэтому, естественно, вы для нас чужие. Правда, когда училась в школе, я была поклонницей Марии Башкирцевой, запоем читала её дневник, посещала музеи, где выставлены её картины и скульптуры. Удивительно, но я сразу почувствовала, что она очень близка мне по духу. Я ею даже восхищалась.

– Вам так близки идеи феминизма? – не удержавшись, удивленно воскликнул я.

Девушка впервые посмотрела на меня очень приветливо, долго не отводя глаз.

– Скорее, были, или просто так казалось. Муся Башкирцева для меня и теперь остается великой женщиной. Какой сильный человек – с детства мечтала о карьере певицы, но к 15 годам пропал голос, стала успешно заниматься музицированием, и новое испытание – к 17 годам частично оглохла... Но она не сдалась, стала художницей, скульптором, писательницей. Какая целеустремленная волевая натура!

– На самом деле, старые «новые русские» были в большинстве своем очень на неё похожи, – я сделал паузу и, пребывая в некоторой нерешительности, спросил: – А вы уверены, что хорошо знаете биографию Башкирцевой?

– Да, уверена, хотя, – немного помывшись, она продолжила, – боюсь, что вы сейчас попытаетесь убедить меня в обратном.

– Не волнуйтесь, я всего лишь историк, – сказал я и вежливо улыбнулся, – и пытаюсь смотреть на вещи объективно. Для начала – вы читали книгу Колетт Кознье «Un portrait sans retouches», которая вышла в 1985 году в Париже?

– Нет. Я сочла, что для понимания её личности достаточно того, что я трижды перечитала её «Дневник», а именно полную его версию, опубликованную «Обществом друзей Башкирцевой».

– Это понятно, но была еще и Колетт Кознье, первая француженка, которая основательно подошла к раскрытию этой незаурядной личности. Она работала в Национальной библиотеке с

оригинальными дневниками Марии Башкирцевой, обращалась, что называется, к первоисточнику, а не к сокращенным изданиям. В ее работе много любопытного...

– Опять хотите задушить интеллектом?

«Надо же, как осмелела, – подумалось мне тогда. – И чего я, действительно, распинаюсь!»

– Если помните, это вы завели разговор о Башкирцевой! Я-то пришел сюда погулять с собакой, а не держать экзамен по эрудиции перед студентами, – я поспешно встал и посмотрел на часы. Оказалось, что я проговорил с незнакомкой почти полчаса, и даже не заметил этого.

– Не спешите, прошу вас. Простите мне мою бестактность, я благодарна вам за рассказ. Так чем вас заинтересовала Башкирцева, что нового можно было найти у Кознье?

В действительности спешить мне было некуда, да и собаке нравилось лежать на влажном мелком гравии под скамейкой, полусонно вслушиваясь в нашу болтовню. К своему удивлению я снова послушно присел на краешек скамьи.

– Вы ошибаетесь, я отнюдь не интересуюсь ни жизнью, ни творчеством чуждого мне по духу человека.

– Чуждого?! Но ведь она была умницей, безумно талантливой во всем, да ещё и вашей соотечественницей!

– Да, какая она к черту русская?! То, что она родилась под Полтавой и первые десять лет жила в России, совсем не сделали её русской. К тому же, по крови она на четверть французенка. Свой знаменитый бестселлер она написала по-французски, и в этой книге клялась, что её родина – Ницца. В Россию же они никогда и не собирались возвращаться. Она мечтала жить в Париже, выйти замуж за богатого и знатного француза, быть светской дамой, и желала в жизни только одного – славы! Единственное, за что я уважаю Башкирцеву, так это за её полную искренность.

– И всё-таки не убедили, – воскликнула студентка, – Башкирцева была русской!

– А вы-то откуда знаете русских, чтобы судить? – я почувствовал раздражение и готов был уйти. Вы же только что признались, что о русских имеете смутное представление, боитесь нас.

– Если бы русские умели любить людей так, как Башкирцева, то я бы точно вас не боялась! – в ее глаза ударил луч солнца, и я поразился их фиолетово-голубому оттенку.

– А, может быть, все совсем наоборот? – спросил я.

– То есть?

– Да как вы не поймете, вам по нраву Башкирцева именно потому, что она совсем не похожа на русскую. Она настоящая французенка!

– Я не согласна!

– Отчего же? Она сама писала, что мечтает выйти замуж за наследного принца, стать великосветской дамой, на худой конец герцогиней, нежели просто считаться первой среди мировых знаменитостей. Мама Башкирцевой, пережившая свою дочь на несколько десятков лет, упорно пыталась убедить русского читателя, что Мария всегда мечтала вернуться в Россию, а во Франции она якобы просто училась. Мое мнение – это чистая ложь! Мать тщательно отредактировала дневник Марии, самостоятельно решая, что нужно знать русскому читателю, а что нет. Так что имейте в виду, ваш любимый «Дневник» был подвергнут капитальной тройной цензуре – родственной, французского и русского издателей. Вот ведь как бывает! Если честно, то я и сам до конца не решил, кто в России русский, а кто нет. У нас любят мусолить эту бесконечную тему, а первым столкнулся с ней ещё Иван Грозный, когда задумал отправить на учебу в Европу большую группу детей из богатых русских семей. Представьте, никто из них после окончания учебы в Россию не вернулся! То ли климат у вас лучше, то ли люди добрее... Вот тогда-то и родился в устах царя-батюшки термин «враг народа», и совсем не Сталин его придумал. Может, поэтому Владимир Даль – выдающийся русский иностранец, датчанин по происхождению, составитель русского толкового словаря, и сказал, что русский человек это тот, кто любит Россию, живет в ней, думает по-русски и изучает русскую историю. И Екатерина,

великая русская императрица, немка по происхождению, объяснила нам в своих «Записках», что значит быть русским и любить свою родину. Вот она-то и была настоящей русской, даже своему брату запрещала приезжать к ней в гости, полагая, что здесь немчуры и без него полно. А вот ваших Вольтера и Руссо боготворила, хотя во времена её царствования Франция была злейшим врагом России.

– А о Башкирцевой, как я понимаю, – все? – спросила девушка со вздохом.

– Да вроде мне нечего больше добавить, – я пожал плечами.

– Но что-то вас всё же зацепило, если вы копали так глубоко, – девушка хитро сузила глаза.

Я задумался на пару секунд и, вытянув ноги, позволил Мартину забраться мне на колени.

– Кое-что мне действительно показалось любопытным, но только как для историка, ведь я, как вы поняли, отнюдь не являюсь почитателем этой самоуверенной кокотки.

– А что же вас заинтересовало в Башкирцевой как историка?

– Да есть кое-что... – медленно сказал я, сомневаясь, стоит ли продолжать эту неожиданно начавшуюся и надолго затянувшуюся лекцию. «Ну раз так интересуется», – подумал я и продолжил... – Дело в том, что Мария приехала в Ниццу со своей мамой где-то в 1870 году, то есть в год окончания строительства «Шато Вальроз».

– И что?

– Так вот. Её тетя, очень богатая вдова и, в отличие от мамы, довольно некрасивая внешне, купила прекрасный особняк на Променаде. Она, эта тётя Надин, любила в жизни только три вещи – табак, казино и свою племянницу Мусю. Напрашивается вопрос – откуда у младшей сестры мамы Марии Башкирцевой такие деньги? Оказывается, она удачно вышла замуж за старого холостяка, сказочно богатого Фаддея Романова. Через год после свадьбы он скоропостижно скончался, но успел составить завещание, по которому всё его огромное состояние отошло молодой жене. Поползли слухи, что старого алкоголика в момент приступа белой горячки отравили не без помощи одиозного Жоржа – любимого дяди Марии Башкирцевой, который, собственно, ранее и способствовал тому, чтобы дурнушка Надин заполучила богатого мужа. Родственники Романова, в частности, его родная сестра, оспорили завещание, утверждая, что подпись на нем поддельная. Начался процесс, растянувшийся на долгие-долгие годы. А пока суд да дело, вся многочисленная семья Марии Башкирцевой по линии матери, по фамилии Бабанины, оказалась в Ницце. Дядя Жорж и не только он один, и в Ницце продолжал жить, как у нас говорят, «не по понятиям», так что жалобы русской диаспоры со всего побережья потекли в русское консульство. Дошло до того, что русские семьи во Франции отказывались принимать их в своё общество. Даже родная тетка Марии по линии отца, мадам Тютчева, так же жившая в Ницце, никогда не приглашала к себе никого из семейства Бабаниных. Более того, после переезда семьи в Париж, где Мария успешно училась в лучших артшколах прославленных мужей Франции, она мечтала через русского посланника войти в высшее общество, но и к нему вход для их семьи был закрыт. Мне кажется, до конца жизни Мария так и не поняла, насколько серьезен был процесс против её тети Надин.

Девушка слушала меня очень внимательно, чуть склонив курчавую голову, находясь, видимо, в полном замешательстве от полученных сведений.

– Я этого не знала, ведь в дневнике Марии этого нет, и в комментариях к книге тоже!

– Именно поэтому я вам и посоветовал обратиться к книге Колетт Кознье, вашей соотечественницы. Видимо, её публикация прошла у вас в Ницце относительно незамеченной. Всё, что касалось неприглядного поведения дяди Жоржа во Франции и даже какие-либо упоминания о нем стараниями матери Марии были изъяты из «Дневника». Также оттуда убрали все сведения об отце Марии, Константине Башкирцеве, а ведь ему не позволяли видаться с дочерью, с которой он встретился, когда она была уже почти взрослой. Поэтому можете пофанта-

зировать на досуге, как бы сложилась судьба вашей Марии, если бы тетя Надин в свое время не вышла замуж за богача Фаддея Романова?

– Теперь становится понятно, почему тогда, в конце XIX века, мать Марии не позволила напечатать весь дневник, хотя дочь умерла молодой и очень хотела, чтобы её воспоминания стали достоянием всех и без сокращений, – сказала девушка с сожалением в голосе.

– Наверное, по совокупности этических причин и потому ещё, что мать понимала, какую судьбоносную роль сыграли в жизни ее дочери дядя Жорж и тетя Надин. Если бы не они, Мария вряд ли бы стала такой, какой её узнал и запомнил мир.

– Согласна.

– Так вот, что касается замка Вальроз, продолжил я, – вам как фанатке Башкирцевой, наверное, будет не лишне знать, что ни она сама, ни её многочисленные родственники ни разу не переступили порога этого знаменитого замка. Барон фон Дервиз, как я уже говорил, самый богатый представитель русской колонии, постоянно давал благотворительные балы на православное Рождество. В это время года почти весь русский свет перебирался на южный берег Франции. Можете себе представить, что в Вальрозе перебивали все, кроме Башкирцевых!

– Как же обидно все это слышать! – девушка грустно отвела взгляд.

– Я всего лишь пытаюсь быть объективным. Меня интересуют факты, а не сентиментальные рассуждения пусть и замечательной писательницы о самой себе. Порой самые, казалось бы, постные факты, умело сложенные историком воедино, становятся не менее захватывающими, чем, если бы они вышли из-под пера известного беллетриста, умеющего завораживать читателя своей фантазией.

– Есть конкретный пример или это так, общие рассуждения?

– Ну как же я, да без примера.

Мои слова вызвали у девушки сдержанную улыбку.

– Ну, вот, допустим, такие события, – продолжил я, немного подумав. – Башкирцева скончалась в Париже от чахотки в 1884 году, не дожив до двадцати четырех лет. Тремя годами раньше та же болезнь в Бонне уносит жизнь приехавшей туда на учебу шестнадцатилетней Варвары, единственной дочери фон Дервиза, обещавшей стать знаменитой пианисткой. Петр Григорьевич решает похоронить дочь в России, но, увидев на вокзале цинковый гроб с ее телом, умирает от разрыва сердца. После его смерти «Шато Вальроз» перестает интересоваться кем-либо из родственников Дервиза. Его жена возвращается в Москву, где открывает свою частную школу и разрешает всем девочкам из неимущих московских семей по имени Варвара учиться в ней бесплатно. Между прочим, поэтесса Марина Цветаева училась именно в этой школе и посвятила свой первый поэтический сборник памяти Башкирцевой, которую она, как и вы, просто боготворила. Последний раз в «Шато Вальроз» громко играла музыка и запускались фейерверки в марте 1881 года во время посещения дворца великим князем Николаем Николаевичем. В марте того же года, кстати сказать, в Петербурге был убит русский царь-освободитель Александр II. Его единственным желанием на протяжении последних лет жизни было оставить царский трон своему наследнику, второму сыну Александру, а самому уехать на покой в Ниццу с любимой женщиной, морганатической женой княжной Долгоруковой-Юрьевской. Почему именно в Ниццу? Легко догадаться. Во-первых, Александру очень нравился здешний климат, но скорее всего, потому, что в этом месте умер его любимый старший сын Николай, необыкновенный мальчик, пожалуй, самый талантливый из всех Романовых. Кстати, Николай умер тоже молодым, в возрасте 22 лет и тоже от туберкулеза, правда, было это в 1865 году. Жена же Александра II, княгиня Юрьевская после смерти мужа все-таки перебралась сюда с тремя их детьми из Петербурга. Здесь она и прожила всю оставшуюся жизнь на одной и той же, довольно скромной вилле на бульваре Дюбуаж, 10. Вилла эта до сих пор называется «Жорж». Связи никакой, но все равно почему-то неизменно возникают ассоциации с любимым дядюшкой Марии Башкирцевой, порядком начудившего как в России, так и в Ницце, увлекавшегося

авантюрными романами и не брезговавшего местными проститутками. А коль скоро часовня в память цесаревича Николая построена тем же русским архитектором, что сделал проект «Шато Вальроз», и из того же материала, у меня возникает предположение, что если бы не трагическая смерть Александра II, павшего от рук террориста, именно «Шато Вальроз» стал бы постоянным местом жительства отставного русского императора! И не пошел бы этот прекрасный дворец гулять по рукам безликих русских банкиров и боливийского богача, а, значит, и университета вашего могло бы здесь и не быть! Хотя при чем тут сослагательное наклонение? Совсем недавно я получил от друзей из Москвы газету со статьей Владлена Сироткина, профессора российской Дипломатической Академии, утверждающего, что и «Шато Вальроз», и дворец «Бельведер» в Ницце согласно купчим разных лет без сомнения могут быть отнесены к собственности российского государства.

– Что же, смелое заявление! Я обязательно поделюсь этим с папой ради прикола, вот он посмеется. Он любитель исторических парадоксов!

– Я считаю, вполне логичное и исторически обоснованное, согласны?

– Предположим, но зачем такой восторг?

– Наверное, вы сумели задеть самолюбие «нового русского», каковым вы меня считаете.

Вот, я и попробовал вас немножко подразнить.

– Ну и как считаете, вам это удалось?

– Мы на минуту замолчали, не глядя друг на друга, после чего я тихо сказал:

– Извините, я не ищу здесь собеседников или оппонентов, чтобы скрасить свое одиночество, и поверьте, мне вполне комфортно в собственном обществе! Во всяком случае, спасибо за такой интерес и внимание.

Девушка опять попыталась мне что-то возразить или, возможно, задать очередной вопрос, но я решительно поднялся. Мартин, уловив моё настроение, тоже с готовностью вскочил и бодро засеменил к лестнице. Мы с собакой уже приближались к воротам главного входа по авеню «Вальроз», когда девушка, стуча колесами велосипеда по каменным ступеням, догнала нас и, немного волнуясь, спросила:

– Простите, а если мне вдруг понадобится обратиться за какой-нибудь исторической справкой, можно, я вам позвоню?»

«Долго решалась, если только сейчас догнала нас», – не без удовольствия отметил я про себя.

На сей раз Мартин не обратил на нашу вынужденную собеседницу никакого внимания. Набегавшись по влажной траве, он превратился из шелковистой смешной игрушки в крысёнка на тоненьких грязных ножках с мокрыми висячими усами. Он дрожал всем телом и был таким беспомощным, что, глядя на него, хотелось плакать от жалости. Я перевел взгляд с собаки на девушку и теперь уже более пристально оглядел ее. Роста она была невысокого, а бесформенный крупной вязки свитер, болтавшийся на худых плечах, лишал меня возможности хотя бы попытаться оценить её фигуру. Лицо её, казалось, никогда не знало косметики. «Да, – с грустью подумал я, – они стоят друг друга – мой пёс и французская студентка, вид жалкий, но всегда добьются, чего хотят»!

– Не вижу препятствий, позвоните, если будет необходимость, – ответил я, с трудом пытаясь говорить безразличным тоном. Я вынул из нагрудного кармана куртки свою яркую визитку и протянул ей.

Девушка, удерживая одной рукой велосипед, взяла карточку другой так неловко, что книга, которую она совсем недавно внимательно изучала, выскользнула и упала на мокрый асфальт обложкой вверх. Я нагнулся и поднял ее, страницы намокли, но почти не испачкались. Я открыл её наугад. Фраза в конце страницы была подчеркнута карандашом, и я прочел: «Человек с богатым воображением делает построение с помощью пластических форм. Жизнь охватывает, опьяняет его, поэтому он нигде не скучает».

– Интересная мысль, – сказал я девушке и, протянув книгу, указал на подчеркнутую строчку.

Девушка улыбнулась белозубой улыбкой. «Ну, хоть зубы хорошие», – подумал я про себя.

– Так вас зовут Денис? – произнесла она мое имя, нарочито растягивая «н» больше, чем нужно.

– Да, – бросил я вполоборота, поскольку Мартин уже убежал далеко вперед.

– А меня...

Девушку звали то ли Сара, то ли Клара, я толком не расслышал её последних слов, а переспрашивать не стал. Мне это было совсем не важно....

Обедали мы скромно в маленьком придорожном кафе в Нижнем Симьезе. Я сидел на высоком стуле у барной стойки и ел овощной суп «минестроне». Мартин суетился у моих ног, время от времени получая кусочки отварной куриной грудки, которую по моей просьбе принес гарсон. Стена, в которую упиралась барная стойка, была сплошь оклеена объявлениями. Я бросил беглый взгляд на это разноцветное конфетти желаний и невольно улыбнулся, когда прочел наугад одно из них: «Студентка из России ищет работу: уборка, глажка, готовка». Её телефон был мне ни к чему, поскольку я был вполне доволен работой выносящей мне мозг Лейлы. Солнце клонилось к закату, радужно освещая помещение кафе через изящные витражные окна. Становилось даже чуть жарко от тепла, исходящего от кухни. Меня стало клонить в сон, а Мартин, пресытившись куриной грудкой и согревшись в моих ногах, дремал уже давно, шевеля во сне ушами и подрагивая лапками. Пора было возвращаться к себе в Вильфранш.

Когда Мартин запрыгнул на кожаный диван в моём кабинете и стал скрести лапками мой плед, в комнате было совсем темно, и ветер, влетая легкими порывами в распахнутое окно, шевелил занавеску. На небе уже слабо светили звезды. Пёс энергично лизал мне пальцы на ногах, но дремотное состояние меня не покидало. С улицы веяло теплом и букетом запахов ласкового московского мая. Зазвонил телефон. Ежедневно, ровно в семь вечера, если до этого времени я сам этого не делал, из Москвы звонила бабушка, чтобы справиться о моих делах. Родители моего отца были ещё в полном здравии и не понимали, зачем мне нужно жить на чужбине, когда в России теперь и так всё есть. Мне же не удавалось убедить стариков, что осень и зиму им было бы полезнее проводить со мной на Лазурном берегу, в тепле и дыша морским воздухом. Но незнакомый мир их пугал, для них здесь была чужая земля. Я был не склонен осуждать дорогих мне стариков за их заблуждения. Что поделаешь, если они до сих пор живут прошлым, а по телеку смотрят только канал «Культура». Я с чувством вины снял трубку, но, к своему удивлению, бабушкиного голоса не услышал. Незнакомый женский голос произнёс моё имя, и я не сразу понял, что это был тот самый рыжий «пуделёк». Я надеялся, что вспомню имя девушки, но потуги были напрасны. Она же называла меня по имени так просто и так часто, словно мы были знакомы уже много лет. Я растерялся, причем настолько, что сразу признался, что вечер у меня свободен, и я не возражаю, если она сейчас заедет к нам ненадолго, хотя осознавал, что еще не нагулял аппетита к общению и не испытывал тяги к чему-то большему.

– Как ко мне лучше подъехать? Откуда? А, из центра? Со стороны вокзала? Тогда лучше не вдоль берега, а сразу на Mont Alban. Да, да, Rue Barla, затем Corniche Andre de Joly и Moyenne Corniche. Только не промахнись, как только на перевале закончится Ницца, нужно сразу вниз, на Villefranche-sur-Mer мимо теннисных кортов, потом налево на авеню du Soleil d'or. Моя стоянка напротив виллы «Yildiz».

Я положил трубку.

– Ну, вот, Мартин, твоя новая подружка уже едет к нам, – сказал я, почти осязая, как тягостное сознание малодушия снова овладело моим полусонным настроением.

В голову ударил разговор с Лейлой. Что теперь мне сказать соседям, охране? Я ведь даже не знал, кто она такая! Студентка? С рюкзаком через плечо и в джинсовых шароварах?! Лейла меня точно сожрёт!

Телефон зазвонил вновь, и я вздрогнул. На сей раз это действительно был звонок из Москвы.

– Это я, бабуль, извини, забыл. Да, у нас всё хорошо, я тебе обязательно завтра пораньше сам позвоню. Дед, надеюсь, здоров? Мучается давлением? Снег идет? Скользко? Ну, будьте осторожнее. Пока!

Я стоял в темной комнате у стола с телефонной трубкой в руках. Ветерок из распахнутого окна становился все свежее. Мыс Ферра зажег свои огни и стал похож на пароход, уходящий в ночное плавание. Я включил свет в кабинете и, надев джинсы с рубашкой, произнес вслух: «Черт бы её побрал»! Мартин, видимо, тоже был недоволен и, как будто поняв моё беспокойство, нервно подергивал головой. Я расположился в холле и минут через десять увидел, как возле дома припарковался новенький белый внедорожник «БМВ». Из машины появилась копна уже знакомых золотистых волос, потом худая фигурка в бесформенном свитере и просторных джинсах.

– Вот и наша гостья, – сказал я Мартину, – а ведь могла бы и принарядиться...

Она не скрывала своего любопытства и не чувствовала себя скованно, что, я полагал, должно быть свойственно всем молоденьким девушкам, впервые пришедшим в дом малоизвестного молодого мужчины. Не спрашивая разрешения, она подошла к журнальному столику и взяла книгу со множеством моих карандашных пометок на полях, которая была раскрыта где-то на середине. Девушка быстро пролистала страницы, испещренные планами и диаграммами, и оторопело посмотрела на меня. Вся пышная копна её выющихся волос рассыпалась по плечам. Она закрыла книгу, хотя об этом я её не просил, и вслух прочла её название: «L'Armée Romaine sous le haut-Empire» («Римская армия эпохи ранней Империи»). Её брови многозначительно поднялись вверх, отчего серо-голубые глаза стали круглыми, как у совёнка. Молча, с книгой в руках и уверенной походкой она проследовала в мой кабинет, дверь в который была распахнута и где при зашторенных гардинах почти постоянно горел свет. Я не стал кричать ей вслед традиционное в таких случаях «Чувствуйте себя как дома», поскольку, похоже, в этом не было никакой необходимости. Внимательно оглядев все книжные завалы и висевшие на стенах гравюры Пиранези на тему *Vedute di Roma*, а также бросив недоуменный взгляд на разбросанные по комнате вещи, она вернулась в гостиную. Вместе с ней из кабинета выбежал и мой пес, волоча по полу непонятно по какой причине не замеченный Лейлой не первой свежести носок. Я уже держал в руке кофейник и жестом дал понять гостье, что приглашаю её попить кофе. Она положила книгу на место и сказала:

– Поразительно, как у мужчин все одинаково! У моего папы в кабинете такой же «творческий», как он выражается, беспорядок.

Она оглядела гостиную еще раз.

– Обалдеть, сколько фильмов, – искренне поразила гостья, глядя на большой встроенный шкаф, заполненный дисками. – Любишь кино? – бросила она через плечо, не поворачиваясь и наклонив голову набок, рассматривая названия.

– Не фанат, просто много свободного времени.

– Завидую, у меня все наоборот, но кино – моя страсть.

Она взяла первый попавшийся под руку диск и, улыбнувшись, показала мне его обложку с крупным планом Рассела Кроу с мечом в руке.

– Я недавно тоже смотрела «Гладиатор». Вообще-то я не очень люблю историческую тематику, но эту картину посмотрела действительно с удовольствием. Потрясающие сцены! А тебе как?

Я тайне порадовался, что у нее в руках оказался именно этот диск, а не «Калигула» Тинто Брасса, который стоял рядом, и признался:

– Конечно, смотрел, и не один раз.

Она обрадовано спросила:

Значит, понравился?

– Фильм не может не нравиться. Он зрелищный и музыка прекрасна, и актеры, особенно Конни Нильсен.

– А кто это? – спросила она, и, вспомнив, сама же ответила, – ах, да, там, по-моему, только одна женская роль.

– Да, она в роли Луциллы. С тех пор, как она появилась в «Адвокате дьявола», я стараюсь найти все фильмы с её участием. Именно так, покупаю DVD, не воспринимаю компьютер.

– Ну, конечно, независимо от жанра на экране мужчины в первую очередь обращают внимание на сексапильных женщин!

Мне показалось, что студентка хотела меня поддеть.

– Да причем тут это, – воскликнул я, – просто я убежден, что выбор Конни Нильсен на эту роль идеален, он более соответствует историческому образу красавицы Луциллы, дочери императора Марка Аврелия, и небезызвестной распутницы Фаустины-младшей, чем великая Софи Лорен, когда-то сыгравшая Луциллу в «Падении Римской империи».

Я замолчал и, разлив кофе по чашкам, открыл дверцу холодильника, чтобы найти что-нибудь подходящее к столу.

– Не надо, не ищи. Я ничего не хочу, недавно обедала, – сказала студентка, и я понял, что она окончательно перешла на «ты».

– Зато я хочу, да и вон тот, что крутится у меня в ногах, тоже не откажется, того и гляди сожрет мой носок.

Девушка улыбнулась, вновь блеснув ровными белыми зубами.

– А больше о фильме тебе нечего сказать? У тебя в кабинете я видела старинные гравюры и книги. Создается впечатление, что тема Древнего Рима – это часть твоей жизни.

– Что вы, я не знаю древнегреческого, и латынь хромает у меня на обе ноги. Скорее эта тема была интересна моему отцу. Это был его кабинет. А мне?.. Да, интересна, однако мне кажется, что как оригинальные гравюры Пиранези, так и их копии французских авторов начала прошлого столетия, да и вообще вся тема Древнего Рима вряд ли сегодня кого-то серьезно волнует, кроме специалистов. Историки люди занудные, заикленные на прошлом. Не зря моя мама их терпеть не могла. А для женщин так вообще история скучна, за редким исключением, впрочем.

– Женщины разные бывают. Кстати, я ведь только наполовину француженка, мой папа итальянец, да ещё с примесью венгерской крови. Он, между прочим, тоже большой знаток древностей.

– Я в данном случае имею в виду людей нашего поколения, где-то до 30 лет.

– Представь, меня эта тема привлекает. Я готова терпеть людей занудных, лишь бы они были интересны мне.

– «Paroles, paroles, paroles», – пропел я со смехом. – Сама же только что сказала, что не очень любишь исторические фильмы.

– Я имела в виду, что часто не «схватываю» их сюжетную линию. Наверное, я слишком поверхностно знаю историю, чтобы сопереживать. Хотя сюжет «Гладиатора» особо не обременен историческими деталями, мне так и не стало ясно, почему герой фильма этот Максимус, который вроде был главным генералом в армии императора Марка Аврелия, возвращаясь к себе на родину в Испанию, где жила его семья, вдруг потом оказался в рабстве? Его, больного, перевезли из Испании в другую провинцию Римской империи и там продали в гладиаторы. Странно как-то, не находишь?

– Что ж, – я невольно широко улыбнулся в ответ на ее лукавый взгляд, – признаться, и меня не покидает ощущение, что нас, зрителей, немного ввели в заблуждение. То ли сценарист что-то напутал, то ли в фильме ланиста Прокуло преступил римский закон. Действительно, по существующему тогда закону никто, в том числе и император, не имел права обращать свобод-

норожденного гражданина в рабство. Казнить могли, выслать на поселение тоже, но насильно обратить в рабство не было позволено никому, за исключением случая, когда свободный гражданин, вступая в стовор с заинтересованным лицом, сам продавал себя в рабство. Вот только тогда по постановлению Адриана этот человек и должен был остаться в этом статусе. Разумеется, если римлянин решением суда получал пожизненный срок, тем самым он терял статус гражданина, превращаясь в так называемого «раба кары».

– Получается, Максимуса насильно обратили в рабство?

Совершенно верно, словно это вовсе и не древний Рим, а какое-то средневековье, когда пираты в Средиземном море воровали людей, например, в Испании и вывозили на продажу в рабство в Алжир. Но в Древнем Риме согласно закону, именно, закону Фабия о плагии, каждого, кто смел заключать в оковы, прятать, а также продавать свободнорожденного римского гражданина в рабство, преследовали. В наказание за содеянное тем же законом предусматривался штраф в размере ста тысяч сестерций, а это была более чем значительная сумма.

– Но могло же случиться так, что практика применения этого закона была недоработана.

– Не думаю. Этот закон очень древний, к тому же в Дигестах Юстиниана до нас дошел трактат известного юриста Ульпиана времен правления того же Коммода и Севера под названием «Об обязанностях проконсула». Это было не столько юридическое сочинение, сколько административная инструкция для магистратов всех провинций, входящих в состав Римской империи. Так вот, в девятой книге этого трактата он дал подробное разъяснение к применению закона Фабия о плагии.

– А что означает этот термин? – тихо поинтересовалась девушка.

– Плагий – это и есть похищение свободных людей с целью продажи их в рабство. Вот и получается, что по сюжету фильма ланиста Проксимо незаконно всего лишь за одну тысячу сестерций купил самого Максимуса, да в придачу к нему еще и темнокожего охотника, который был тоже, по-видимому, свободным человеком. Если бы только в тот момент кто-либо из свободных граждан подал иск о возвращении свободы такому рабу, то Проксимо вместе с лицом, продавшем их ему, сразу бы оказался в тюрьме, если бы, конечно, не выплатил огромный штраф. Как ни удивительно, авторы фильма этот момент обошли молчанием, и поэтому полное искажение римских реалий стало странным, необъяснимым с научной точки зрения, вводящим в заблуждение краеугольным камнем сюжета. Удивительно, но Максимуса даже к концу фильма, когда он сам признается, что он, кого зовут гладиатор по кличке «Испанец», и есть любимец Марка Аврелия, тот самый знаменитый генерал Максимус, жители Рима все равно продолжают называть рабом.

– Конечно, то, что ты говоришь, это бесспорно важно, но все равно фильм сделан классно, а вот «Падение Римской империи» для меня был просто скучен, – призналась девушка.

– Пожалуй, соглашусь с тобой. Правда, понимать-то в этих фильмах особенно нечего, поскольку Голливуд прежде всего ставит перед собой задачу не столько донесения исторической правды, сколько зрелищную, чтобы народ валил в кинотеатры. Этой цели американцам удалось достичь ещё пятьдесят лет назад, ну, а сейчас тем более. А тема, заметь, одна и та же. События точь-в-точь совпадают по времени, только сценарии обоих фильмов чуть отличаются и вполне соответствуют своим названиям. А, между тем, кроме известных имен Марка Аврелия, Луциллы и Коммода ничего исторического в фильмах просто нет, всё надумано.

– Как это? Разве Марка Аврелия не убили? Разве римляне не воевали с германцами, гладиаторы не так сражались в Колизее?

– Всё вроде бы так, да не так! Марка Аврелия, конечно, никто не убивал, Коммод правил Римом целых 12 лет, а не полгода! Вот, Луцилла, пожалуй, действительно унаследовала ум от отца, а красоту от матери, если верить древним историкам. Но судьба ее трагична, Коммод впоследствии её всё-таки казнил – умертвил на острове Капри, и было за что! Историки полагают, что, если бы не заговор Луциллы, то, наверное, Коммод не стал бы таким крово-

жадным. Слова наемного убийцы Квинтиана, занесшего над Коммодом кинжал: «Смотри, что тебе посылает Сенат!» воздействовали на его и без того неустойчивую психику. Они потрясли молодого императора до такой степени, что он стал мстить всем вокруг, не доверяя уже более никому из своего окружения. Поначалу и Коммод тоже был красивым и добрым молодым человеком. Он был хорошо сложен, у него были светлые вьющиеся волосы и милая улыбка, а вот не в меру выпученные глаза он унаследовал от своей матери Фаустины-младшей, которая страдала базедовой болезнью. Главное – Коммод был левшой, к тому же еще гордился тем, что ему разрешали держать большой щит в правой руке. Для всех остальных в армии это было строго наказуемо по уставу. В фильме Коммод наоборот черноволосый и меч держит только в правой руке. Выходит, создатели фильма либо не читали Диона Кассия, либо им было на это наплевать.

Как всегда, стоило мне оказаться в плену своих мыслей, либо увлечься фантазиями, я становился не в меру рассеянным. Вот и в этот раз я по неосторожности немного пролил горячий кофе на стол и чуть было не ошпарил руку, поэтому помчался на кухню за полотенцем.

– Я так понимаю, твой список опровержений ещё далеко не исчерпан, – насмешливо сказала девушка, когда я вернулся. Она потянула у меня из рук полотенце и ловко вытерла им журнальный столик.

– А как ты думала, в этих фильмах вообще нет римского духа! – сказал я, садясь в кресло, – Обидно. Римом нельзя забавляться на утеху зрителю, историю его нужно уважать, он этого заслуживает. На словах чтят все, а на деле... Императорский Рим – это прежде всего закон. Почему, когда смотришь любой фильм об этом государстве, тебя не покидает ощущение дикости и кровожадности, хотя на самом деле римское общество было царством закона! Ведь существовал Закон о Величии, то есть о всемогуществе государства, а, значит, и его императора. Любой виновный в нечестии по отношению к своим высоким магистратам, не говоря уже об императоре, как действием, так и словом, должен был быть наказан смертью. Даже самые выдающиеся в истории Рима императоры, такие как Антонин Пий, Марк Аврелий, Адриан, Траян всегда настаивали на этом праве, хотя и не думали им воспользоваться. А посему все эти зверские убийства от имени императора были вполне законными. Коль скоро практически все фильмы Голливуда либо о Нероне, либо о Калигуле или Коммод, то и кровь льется с экрана постоянно. Другое дело, что режиссеры, по всей видимости, не знают об этом законе, так же как и о не менее строгом законе под названием «О святотатствах», запрещающем под страхом смерти в частности справлять нужду возле храма, бросаться в священные статуи камнями, и который довольно часто нарушали так называемые «первые христиане», за что и подвергались наказанию в строгом соответствии с законом. Режиссерам этим, наверное, кажется, что Рим – это царство бесправия и силы. Рим – это не феодальное государство, и войны он вел масштабные. Это тебе не гражданская война в Америке 200 лет назад, когда безграмотные физически слабые и голодные крестьяне с ружьями бегали по полям, стреляя друг в друга, либо коля штыками неприятеля, часто совсем не понимая за что. И когда американцы это показывают, тут все достоверно. А вот, когда Голливуд берется показывать римские события, произошедшие за 17 веков до их гражданской войны, вкладывают многие миллионы долларов в костюмированное шоу под названием «Древний Рим», – это, к сожалению, лишь сказка в стиле фэнтези, мало похожая на правду. Уж если сам Скотт признавался, что уже собрав съемочную группу и приступив к съемкам на Мальте второй части фильма, он только в этот момент узнал, к своему изумлению, что население Рима во 2 веке нашей эры превышало один миллион человек, то я могу себе представить, сколько важных фактов не было учтено в работе над картиной, хотя надо отдать ему должное, этот режиссер создал грандиозное по масштабу кинематографическое творение, разительно отличающееся от таких признанных американских шедевров, как «Quo Vadis», «Клеопатра» и «Бен-Гур».

Кофе почти остыл, и я с удовольствием сделал несколько глотков. Девушка терпеливо ждала, когда я поставлю чашку на место.

– Жаль, если тебе больше нечем меня удивить.

«Что это? – подумал я. – Реальный интерес или девичье кокетство?»

– Отчего же, говорить о недостатках можно до бесконечности, но, может, лучше ты своего отца-любителя истории, побеспокоишь?

– Себе дороже, – раздраженно ответила студентка и бросила на диван полотенце, которое все еще продолжала держать в руке, – он такой сложный, просто ужас, любит, когда я сама во все вникаю, вечно поучает.

– Он сложный, а я, выходит, простой.

– Дело не в этом – мне с тобой легко.

«Интересные дела», – подумал я и нехотя промямлил:

– Высказать свое мнение мне несложно, но наверняка, тебя будет раздражать мое профессиональное занудство.

– Отчего вдруг такая апатия, – искренне удивилась студентка, – и при чем тут занудство?

– Оттого, что занудство – это не столько черта характера, сколько скрупулезность. Сейчас в чести поверхностные суждения. И потом сомневаюсь, что тебе важно обилие деталей.

– Неужели ты думаешь, что если бы это было так, то я приставала бы к тебе с расспросами?

– Тогда признаюсь, ты единственная такая из всех, кого я встречал.

– Ну давай, давай, – с нетерпением в голосе обратилась ко мне гостья.

– Не думай, в нашем российском кино тоже не все так непогрешимо. К примеру, как-то мне попала картина о писателе Иване Бунине, ее даже хотели послать от России на «Оскар». Бунин, лауреат Нобелевской премии, длительное время жил в Грассе с женой, любовницей-лесбиянкой и секретарем-гомиком. В общем, веселый треугольник. Короче, фильм начинается с того, что он, ещё не старый мужчина, со своей женой едет из Ниццы в Рим и по дороге умирает в вагоне поезда. Но ведь на самом деле Бунин умер почти девяностолетним стариком в своем доме в Париже! Представь, почти все российские зрители, даже те, кто интересуется этой темой, считают показанное в фильме вполне достоверным.

– Но это же естественно – все режиссеры и сценаристы хотят успеха своему фильму за счет создания исторической интриги, связанной с великим именем. Я тоже недавно ходила в кино с подругами специально на Джорджа Клуни. Девчонки от него тащатся. Он там играет комедийную роль римского легата и возвращается в Рим по приказу Тиберия. Все это происходит якобы при жизни Иисуса Христа. Он приближается к окраинам Вечного города и говорит сослуживцам, что мечтает смыть соленый пот в термах Каракаллы, хотя термы эти в Риме начнут строить только через 200 лет после распятия Христа. Я обратила внимание своих подруг на этот ляп, но они ответили: «А зачем нам этим заморачиваться, мы же пришли посмотреть на любимого актера». По дороге домой я все думала: «А что, собственно, в этот момент он мог назвать вместо громадных терм Каракаллы, которые вообще-то на слуху». Термы Траяна или Тита, огромные термы Константина или Диаклетиана, – все они тоже построены гораздо позже Рождества Христова. Пожалуй, остаются только очень скромные по размеру термы Агриппы, которые существовали в Риме в годы жизни Христа. Агриппа передал свои личные термы в общественное бесплатное пользование незадолго до своей смерти.

– Да ты, оказывается, просто умница, – похвалил я девушку за начитанность.

– А ты думал, я экзальтированная идиотка? Не забывай, во мне течет и итальянская кровь и, может быть, поэтому мне эта тема очень близка. Знаю, что термы Агриппы были довольно скромными как по размерам, так и по отделке. Единственная ценность – это оригинальная бронзовая статуя Апоксиомена, творение знаменитого Лисиппа. Плиний признавался, что она настолько нравилась Тиберию, что тот, как только пришел к власти, забрал ее в свое личное

пользование и установил у себя в спальне. Римский плебс обратился в Сенат с просьбой о возвращении статуи на свое место, и принцепс, скрипя зубами, был вынужден подчиниться воле римского народа.

Пока она говорила, я мог без стеснения разглядывать ее, приходя к выводу, что личико у нее вполне миловидное. Видимо, заметив наконец интерес в моем взгляде, она со смехом спросила:

- Ну ладно, что там не так с «Гладиатором»?
- Неужели тебя это мое критиканство еще не достало?
- Представь себе, нет.

Я налил себе ещё кофе, дал собаке сушеное говяжье ухо и неохотно начал рассказ, успокаивая себя тем, что другая общая тема вряд ли найдется.

– Согласись, желательно, чтобы те, кто серьезно хочет вникнуть в детали, хотя бы поверхностно ознакомились с историей Рима. Иначе исчезает познавательный аспект этого дела, что принципиально. Например, всем историкам хорошо известно, что в Древнем Риме не знали, что такое стремяна. Нет, уздечка и удила уже были. Кое-кто из всадников даже был экипирован вполне удобными кельтскими седлами, но вот стремян не было! На первый взгляд – ерунда. Если посмотреть известные фильмы, приходишь к выводу, что все военные действия у римлян происходят мобильно, с использованием лошадей и тяжеловооруженных всадников. Можно только восхищаться, как на экране римляне легко мчатся на резвых скакунах. Я понимаю, что кумиры американской нации – это отважные ковбои, но римляне никогда не лихачили верхом на лошадях! Обычный зритель, когда смотрит фильм «Бен-Гур», получивший, между прочим, 11 «Оскаров», и, в частности, плод тяжелейших съемок, но лучшую часть фильма – цирковые ристания на запряженных квадригах, должен задать себе вопрос: «Почему римляне подвергали себя такому риску, стоя на колеснице, а не гонялись по кругу ревущего цирка верхом на лошади, как сейчас»? Есть догадки? – спросил я свою собеседницу.

Немного помолчав, она покачала головой, словно думала о чем-то своем.

– Все те же стремяна! Между прочим, Большой Римский Цирк, «Circus Maximus», вмещал не 50 тысяч, как Колизей, а 250 тысяч зрителей! Более того, колесничие ценились в Риме гораздо выше, чем гладиаторы, и после крупной победы могли стать очень богатыми людьми и иметь славу, сравнимую с императорской. Представь себе переполненную чашу Цирка...

Девушка, не шевелясь, сидела в кресле и, чуть приоткрыв рот, смотрела на меня широко открытыми глазами.

– Сейчас это нелегко вообразить, поскольку аналогов просто нет. Длина поля 550 метров, ширина 180! К тому же это ещё и разрешенное властями место для свиданий, ведь на ристаниях, в отличие от гладиаторских боев и театральных представлений, мужчины и женщины могли сидеть рядом. Римский цирк был основным и любимым местом развлечений всех римлян. Принимаются ставки, заключаются пари, денежный оборот колоссальный. Трибуны неистовствуют, по рядам ходят торговцы с лотками. Чтобы представить такое, нужно попасть на финал чемпионата Европы по футболу, услышать ревущую при голевых моментах сотысячную толпу и... умножить это в несколько раз. Почему в несколько, а не чисто арифметически в 2, 5?

Девушка только пожала плечами, хотя ответа от нее я и не ждал.

– Да потому, что гонки на лошадях – это зрелище от начала и до конца, это истерзанные трупы возниц, лошадей, толпы беснующихся в возбуждении зрителей, переживающих не только за любимых наездников, но и за свои кровные деньги, поставленные на кон. Вообрази, в дни праздников процедура начиналась с раннего утра и заканчивались с заходом солнца, проводилось до 24 заездов на бригах или квадригах! Но вопрос не только в том, что римляне так и не изобрели стремяна, а еще и в том, что лошади были не такими как сейчас. Они были не так быстры и вдобавок не отличались выносливостью. Каждый римский мальчик обучался

верховой езде, каждый римский легионер проходил специальный курс посадки на лошадь в своем полном тяжелом вооружении. Представь, всадник надевал на себя кольчугу весом до 15 килограммов, на голове – шлем, тяжеленный, как большая кастрюля фирмы «Цептер», плюс железный меч, кинжал, копье... – а стремян-то нет! Как поддерживать равновесие, как вообще сесть на лошадь? Так вот, римские легионеры обучались этому в специальных лагерях. Наверное, поэтому в римском легионе численностью в 6 тысяч человек было не более 120 всадников, и использовались они исключительно для оперативной связи когорт и для разведки. Преследование убегающего противника осуществляли не они, а легкие и проворные легковооруженные воины, как правило, нумидийцы из вспомогательных частей. Они набирались в Африке и в восточных провинциях и состояли из воинов, которые могли управлять лошадью не только без стремян, но и без удили и уздечки, просто голыми пятками и носками, почти как американские индейцы. Можно понять, почему Траян, одолевший даков, вообще отказался от легионной конницы. Историки до сих пор гадают, отчего римлянам так и не удалось выковать сталь, хотя это изобретение было уже делом совсем малого времени. Римляне завоевали полмира, воюя короткими мечами из низкосортного железа, передвигаясь пешим порядком, а не верхом. Стремена пришли значительно позже из Китая, и с их появлением в VIII веке в Европе наступила эра рыцарства. Выходит, не было у римлян заметного преимущества над противниками даже в вооружении, если меч они скопировали у испанцев, шлем у галлов и т. д. Как знатоки баллистики, они смогли изобрести такие стрелковые орудия как баллиста и катапульта, но вот странность – приспособления, с которыми мог справиться один человек, например, арбалет или длинные луки, им было изобрести не под силу. Так за счет чего же римляне побеждали? На этот вопрос они ответили сами, обожествив понятие «Дисциплина» и отчеканили соответствующую монету. Ты спросишь: «Неужели это обычное житейское понятие стоило обожествлять»? Стоило. Под дисциплиной они понимали воинское ремесло, обучение которому осуществлялось через послушание. Другими словами: воинская наука и послушание – это двойное понятие и было обожествлено под единым словом. «Дисциплина» приобрела персонифицированный образ богини, которой молились солдаты. Поэтому невозможно было осуществить слияние римской армии с богом христианским, хотя все христианские источники, напротив, подчеркивают восприимчивость легионеров к новой христианской вере. Ну как можно было совместить несовместимые по сути понятия: воинская присяга «*Sacramentum*», приносимая государству в лице императора, и христианское таинство, тоже называвшееся «*Sacramentum*»? Христианская мораль запрещала кровопролитие, отсюда появляются отказники по убеждениям и дезертиры. Кстати, давай еще раз вспомним, за что Максимуса продают в рабство, но только немного с другого ракурса. Ланиста Проксимо, видно, не знавший юриспруденцию человек, прочитав на плече Максимуса известную аббревиатуру римской республики «*S.P.Q.R.*», делает неожиданный вывод, что он легионер и, скорее всего, дезертир, покинувший расположение легиона. Действительно, в «Кратком изложении воинского дела» Вегеция значилось, что каждому воину перед тем, как зачислить его в списки легиона, на коже выжигались некие точки, обозначающие его принадлежность к данному легиону, но никак не буквы, составляющие аббревиатуру знаменитой формулы римских постановлений. Приняв присягу, легионер должен был делать все, что прикажет император и никогда не покидать воинской службы и не отказываться от смерти, если нарушит ее. К легионеру, согласно римскому военно-уголовному праву, не применялся такой вид наказания, как лишение свободы с привлечением к принудительному труду, в том числе в рудниках, поскольку существовало понятие воинской чести. Смертная казнь избавляла легионера от позора. Все наместники императорских провинций имели право самостоятельно выносить легионерам смертные приговоры. Если у Проксимо возникло подозрение, что Максимус – легионер и находился в длительной самовольной отлучке, то он был обязан немедленно сообщить об этом городскому префекту, поскольку это квалифицировалось как тяжкое преступление. Ни сценарист, ни режиссер фильма не должны были забывать,

что военно-уголовное законодательство римской империи в то время имело высокий уровень юридической культуры. В частности, во II веке нашей эры даже рабовладелец, пожелавший продать раба в гладиаторы или в бестиарии, обязан был обратиться в суд за официальным разрешением! Нельзя путать времена эпохи Спартака, т. е., I век до нашей эры, со временами Марка Аврелия! Укрепление армии осуществлялось по принципу качества, что вело к огромным расходам. Римская армия была профессиональной. Коль скоро так, то для соблюдения достоверности и историчности нужно показывать именно римскую дисциплину, а Голливуд и европейский кинематограф во всех фильмах насаждают христианские мотивы, которых просто не было в эпоху ранней империи или, как по-другому называют, в «Золотой век Римской империи». Даже Максимус, этот яркий приверженец лучших римских традиций, молится не римским богам или Митре, что было бы вполне логично, а своему богу, обращаясь к Святому Отцу и Святой Матери. Он называл себя командующим Северной Армией и как генерал легионов Феликс в начале фильма, садясь на лошадь, он с легкостью просовывает ноги в стремена и первым бросается в бой, как заправский декурion, мечом разрубая воздух, как саблей. Спрашивается – а кто же тогда вместо него будет командовать всей армией?! При первом же столкновении с хаотично бегающими варварами он падает с лошади, и шлем почему-то сразу слетает у него с головы, хотя императорско-галльский шлем, который носили все легионеры во II-м веке нашей эры, просто не мог соскользнуть, поскольку широкие нащечные пластины крепко-накрепко фиксировали его. Более того, в такой мясорубке отличить простого легионера от командующего, сразу растерявшего все знаки отличия, просто невозможно! И где здесь хваленая дисциплина?! По завершении битвы Максимус докладывает, что в его армии из 5 тысяч человек – три тысячи раненых и обмороженных. Тогда получается, он совсем не армией руководит, а всего лишь легионом, он – не командующий армией, а простой легат, ведь легион тогда насчитывал всего 6 тысяч тяжеловооруженных солдат, ну плюс кое-какие вспомогательные отряды.

– Ну что, – обратился я к девушке, – интересно тебе слушать эту историческую хрень?

– Если было бы не интересно, я бы здесь не сидела, а тусовалась с друзьями в клубе, – ответила она.

«Черт, она меня приятно удивляет, этого только не хватало», – подумал я, поражаясь самому себе.

– Тогда давай расскажу еще и о ристаниях колесниц. Во время Игр в день организовывалось до 24 заездов. Скачки проводились на колесницах, запряженных двумя, четырьмя, шестью и даже восемью лошадьми. Колесничие разбивались, как правило, на четыре команды, и, разумеется, весь бушующий Цирк тоже делился на соответствующее число болельщиков. За правилами следили жестко. Например, в фильме «Бен-Гур» демонстрировался заезд девяти колесниц, запряженных четверками, до финиша было заявлено 9 кругов. Съемки, конечно, потрясающие, только вот тебе пожалуйста очередной ляп Голливуда, рассчитанный на зрителя-профана: именно римский колесничий, а не иудейский или сирийский, установил на колесах металлические ножи, способные разрушать спицы колес противников. Во-первых, кровавых сцен на скачках и так было предостаточно, думаю, такого судьи просто бы не допустили. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, – этого бы не позволили и зрители. Если бы подобное случилось, к примеру в самом Риме, то добрая половина болельщиков взбунтовалась бы прямо на стадионе, а это почти 200 тысяч римских граждан! Да они разнесли бы к чертовой матери не только всю преторианскую гвардию, но и весь Палатинский холм с императорскими дворцами, которые находились в 30 метрах от Большого цирка. Между прочим, эта чья-то глупая голливудская фантазия нашла свое отражение и в фильме «Гладиатор» в сцене гладиаторской битвы под командованием Спичиона Африканского против ненавистного Риму Карфагена. Кстати, в фильме «Падение Римской империи» тоже есть великолепно снятый эпизод скачек на колесницах, запряженных двойкой лошадей. В смертельной гонке соревнуются два бывших друга –

командующий Северной Армией Марка Аврелия по имени Ливий, голливудский предшественник Максимуса, и сын императора, пресловутый Коммод. Причина так глупа, что стыдно произнести: Коммод приезжает в Виндобон, точь-в-точь как в «Гладиаторе», только не с Луциллой, а с когортой римских гладиаторов, и перед боем легионеров с германскими племенами объявляет Ливию, что собирается научить его многоопытных солдат, много лет успешно воюющих на Рейне, как надо правильно сражаться. Уже абсурд! Более того, Коммод первым бросается в бой! Это ещё не всё, после боя Ливий объявляет когорту Коммода трусами и начинает процедуру децимации, то есть казнит каждого десятого солдата. За это Коммод бьет Ливию по лицу плетью во время построения легиона. Такой сценарий может родиться только в голове у людей, не знающих истории Рима и не понимающих сути жесточайшей римской дисциплины и субординации. Подозреваю, что не поинтересовался темой римской военной дисциплины и Ридли Скотт, потому и извратил центральный сюжет сценария, касающийся заговора Луциллы с участием сенатора Гракха и бывшего легата Максимуса против Коммода. Гракх должен был выкупить свободу Максимуса, тем самым подтверждая законность обращения генерала в рабы, а тот обещал добраться до Остии, где почему-то, в нарушение традиций и закона, находится на отдыхе его армия, вернуться в Рим, убить Коммода и передать власть Сенату. Так якобы хотел Марк Аврелий, правда, великий сенатор Гракх об этом понятия не имел, как и его дочь Луцилла... Получается, опытного сенатора Максимус сознательно вводит в заблуждение. Только Луцилла демонстрирует проницательность и предупреждает Максимуса, что Коммод уже поменял в армии всех легатов на своих ставленников, да и в самой столице народ от него без ума. Кстати, было за что любить императора: он устроил для народа 160-дневные Игры, организовал бесплатные раздачи хлеба, а армия получила дополнительные деньги. Максимус обещает поднять пятитысячный легион верных ему солдат и войти в город. А в городе, между прочим, только преторианских гвардейцев почти 10 тысяч человек, прекрасно вооруженных и хорошо знающих местность. Оставим как несущественный вопрос, а почему, собственно, Северная Армия Максимуса в тот момент находилась в Остии, городе, расположенном в непосредственной близости от Рима, тогда как по закону легионам запрещалось находиться на территории Италии? Исключение составляли лишь отдельные легионеры, получившие императорский приказ о передислокации к другому месту службы. А тут ещё преданный помощник Максимуса, опытный солдат Цицерон, сообщает своему командиру, что его легионеры жиреют от безделья. Ерунда полная: в римской армии легионерам запрещалось находиться без дела даже несколько часов, не то, чтобы месяцев! Видимо, Ридли Скотт и это счел не важным и не учел, что легионеры были профессионалами и получали за службу хорошие деньги. Верностью присяге и доблестной службой они пытались заработать себе достойную пожизненную пенсию и налоговые льготы – совсем, как американские полицейские. Как только к власти приходил новый император, легионеры приносили присягу на верность уже ему и получали дополнительную сумму денег. Присяга для них тогда была всё равно, что Иисус для христиан. Если бы к моменту начала съемок Скотту было известно, что Рим был миллионным городом, и что в те времена он состоял из нескольких десятков районов, что там были открыты более двадцати общественных библиотек, почти дюжина театров, была расположена сотня крупных площадей, через Тибр вели 8 мостов, десятки огромных акведуков ежедневно поставляли в город более миллиарда литров воды для полутора тысяч общественных фонтанов, тысяч бань, в том числе и грандиозных общественных терм, он бы засомневался, могли ли в него беспрепятственно войти 5 тысяч легионеров? Они не только Рима никогда не видели, они и в Италии-то толком не были! Да и за что должны были бы воевать легионеры Максимуса? Если бы он сам захотел стать императором и пообещал легионерам повышение платы и новые раздачи... Так совсем нет!

Глотнув вконец остывшего кофе и убедившись, что моя вольнослушательница внимательно смотрит на меня, я продолжил:

– Режиссер приступил к съемкам фильма в Марокко, где нашел арабские развалины 14 века, лишь отдаленно напоминающие амфитеатр, а в качестве другой натуры выбрал примитивнейшие глинобитные сооружения. Скотту, видно, было невдомек, что уже к концу II века нашей эры почти во всех городах римских провинций были построены совершенно восхитительные по своей архитектуре амфитеатры, причем из мрамора, камня и бетона! Они до сих пор отлично сохранились, особенно в странах Северной Африки на всем протяжении Средиземноморского побережья от Алжира до Ливии. Рим был велик не только своей столицей – в одной Северной Африке тогда существовали десятки городов с потрясающей мраморной архитектурой, шикарными театрами, храмами и термами. Ридли Скотт же умудрился показать в своем фильме якобы одну из римских провинций на севере Африки, с невыразительными мрачными строениями. Для пущей убедительности сцены были приправлены арабскими костюмами и мелодиями. Черт возьми, да в то время в Северной Африке арабами и их культурой просто не пахло! Даже верблюд был большой редкостью! Вот львы водились и тигры встречались, и вообще природа средиземноморской Африки в то время даже отдаленно не напоминала выжженную пустыню. Только одна проконсульская Африка была способна обеспечить всю Римскую империю оливковым маслом и пшеницей! Иначе, с чего бы во времена Коммода затеяли строить на территории современного тунисского Эль-Джема колоссальный амфитеатр, по своей величине сравнимый лишь с Колизеем, а по архитектурной выразительности даже превосходивший римское чудо? Он к моей радости до сих пор находится в весьма приличном состоянии. Ты, конечно, в курсе, что эпические фильмы о древнем Риме снимали не только американцы. За эти сюжеты осмеливались браться и румыны с немцами, и итальянцы с французами, ну и куда без католической Польши. Вот только русские этой темы почти не касались. Это понятно, снимать исторические фильмы дорого, и надо, чтобы они окупались. И ещё мне кажется, что до сих пор от Рима пытаются больше взять, нежели отдать ему причитающееся. Мне все время думается, что всем, что в нас есть человеческого, мы обязаны языческому Риму. Впрочем, если вспомнить фильм «Калигула», снятый по сценарию Гора Видала, гомосексуалиста-извращенца, то все представляется совсем в ином свете. Неспроста отец долго запрещал мне смотреть эту картину, и, когда наконец мне все-таки разрешили и я увидел первую заставку на экране монитора со словами «Pagan Rome», за моей спиной я услышал голос оказавшийся в этот момент в моей комнате мамы, со смехом озвучившей заглавные титры в свойственной ей простецкой манере: «Поганый Рим». Признаться, ее ложная этимология, заставившая меня поежиться, была в данной ситуации совсем не лишена здравого смысла.

Моя гостя сказала, что была тоже не в восторге от этого мирового шедевра, переполненного сценами немотивированного насилия и извращенного секса с привлечением голливудских звезд первой величины, и добавила:

– Помню, на какой-то лекции нам цитировали одного английского исследователя древности, который считал, что своё отношение к Риму каждая творческая личность определяет в зависимости от своей сексуальной ориентации, национальности и вероисповедания. Поэтому во всех этих фильмах римляне находятся в положении защищающихся, над ними обязательно все берут верх если не с помощью силы, то уж духом обязательно. По-моему, объективно отразить историческую действительность пока не удалось ни одному режиссеру. У них такое видение, и все тут.

– Причина в том, что они никогда не были в том Риме, – улыбнулся я. – Я очень рассчитывал на Ридли Скотта. Помнишь, в начале фильма Марк Аврелий спрашивает Максиму, что такое Рим, и тот отвечает: «Рим – это свет!» Но Марк Аврелий с ним не соглашается. «Нет, – говорит он, – ты просто давно не был в Риме». А ведь и сам Марк Аврелий на тот момент в Риме не был давно, он так и умер вдалеке от родины от чумы. В своих «Размышлениях» он лишь рождал мысли о демократическом государстве, управление которым осуществляется на основе равенства и свободы слова, и о монархии, в которой более всего ценилась бы

свобода подданных. В его деятельности на посту императора это никак не реализовывалось – он никогда не стремился реформировать систему Римской империи. Между прочим, что касается христиан, то в годы правления Аврелия жестоким преследованиям подвергались христианские общины в Малой Азии и в Галлии, в частности, в Лугдуне, ты знаешь, это современный Лион. Свидетельств того, что Аврелий был хоть сколько-нибудь знаком со взглядами христиан, не существует, а как ни странно, он был самым выдающимся мыслителем своего времени. Кстати, единственная бронзовая конная статуя, дошедшая до нас, это статуя Марка Аврелия, но и то, только потому, что христиане думали, что это статуя Константина. Нетерпимость христиан к чужим верованиям отчасти объясняет антипатию Марка к христианству. Если быть максимально корректным, то и произошедшие в Лугдуне гонения на христиан были связаны не с политикой императора, а с ненавистью языческих народных масс, считавших христиан виновниками настигших тогда Галлию голода, наводнения и эпидемий. И совсем не религиозные языческие представления, а чисто философские соображения определяли отрицательное отношение Аврелия к христианству. Умер он в марте 180 года в Виндобоне, современная Вена, от чумы, хотя есть интересная работа, написанная, кстати, по-французски, двух авторов – историка и медика, в которой высказывается гипотеза о том, что симптомы его болезни говорят о язве желудка. Историю жизни императора люди узнавали из очень ограниченных исторических источников, среди которых самым ценным является бесспорно свидетельство современника Аврелия, историка Диона Кассия. Но даже его «Римская история» в части описания времени правления Марка сохранилась лишь в извлечениях Ксифилина, сделанных в XI-м веке. Наверное, именно это дает право американским режиссерам и сценаристам позволять себе осуществлять творческую переработку причин смерти императора как в картине «Падение римской империи», так и в «Гладиаторе».

– Ты что хочешь сказать – спросила моя гостья, внимательно прослушавшая весь мой монолог, – что Ксифилин мог извратить факты?

– Мы не можем исключить этого. Прецеденты есть. К примеру, в конце XIX-го века два известных историка Гошар и Росс опубликовали свои исследования, в которых доказали, что знаменитая «История» Корнелия Тацита принадлежит в действительности перу известного итальянского гуманиста Поджо Браччолини. Поэтому, если считать, что на протяжении долгих веков история государств оставалась по преимуществу церковной историей, то, естественно, её и писали в основном духовные лица. А посему нам «бережно» донесли наукообразные компиляции первых христианских теологов, старавшихся приспособить новую религию к политическим и культурным реалиям Римской империи. Дошло до нелепости. Стало бытовать мнение, что в армии Марка Аврелия были целые легионы, состоявшие исключительно из христиан, и они своими молитвами помогали императору побеждать германцев. Явный бред, но кто-то верит! Я помню ваш франко-итальянский фильм «Понтий Пилат», где главную роль исполнил Жан Марс. Там герой тоже считал, что Рим – это свет. Он стремился построить в Палестине великолепный акведук, чтобы обеспечить всех жителей, и богатых, и бедных, водой на долгие годы. Съёмки эпизода строительства этого водного сооружения поражают масштабом и красотой. Только вот самим иудеям это всё было не нужно, им был необходим только свой храм, они жили в ортодоксальном мире своей религии и подняли восстание против римлян. В одной из сцен удивленный Пилат говорит своей возлюбленной Саре, что религия иудеев не дает им самим увидеть свет будущего человечества. Кстати, тебя ведь тоже зовут Сара?

Девушка тряхнула головой и звонко расхохоталась. Я тоже улыбнулся. Действительно комичная ситуация: она у меня в гостях, а я даже не запомнил ее имени.

– Нет, Клара.

– Извини, – я улыбнулся, – это замечательно.

– А что же замечательного ты нашел в моем имени?

– Просто история времен Коммода помнит имя Клары, Дидии Клары.

– А кем она была?

– Дочерью одного будущего незадачливого императора, которого лично воспитала мать Марка Аврелия, но это так, к слову. Если ты не против, я продолжу. Марк Аврелий, известный своей терпимостью, во время недолгого пребывания в Иудее в 175 году был удивлен, что у ее жителей осталась традиция обрезания крайней плоти. Тогда Марк подтвердил прежнее распоряжение Адриана о запрете калечить людей. Евреи едва не взбунтовались, и их местные старейшины пришли к Марку, умоляя того разрешить им совершать древний обычай. Под их натиском император согласился, но высказал свое негативное отношение к тем, кто вершит насилие над своим телом во вред здоровью, в глубине души считая, что в своем фанатизме иудеи превосходят даже маркоманнов, квадов и сарматов – германские племена, глупее которых, как он полагал, на земле нет.

– Слушаю тебя, и создается впечатление, что не существует ни одного знающего тему режиссера. Тебя бы им в консультанты. На самом деле важно ли это, главное – от этих фильмов получаешь удовольствие! Для меня-то, обычного зрителя, эти мелочи вообще не имеют никакого значения.

– Послушай, я же не говорю, что эти фильмы плохи. В них во всех добро побеждает зло. И, вообще, мне очень по душе идея Голливуда вернуться к теме Древнего Рима после долгого молчания. И то, что Ридли Скотт в своих комментариях после съемок признался, что стремился быть очень аккуратным, чтобы сцены выглядели правдоподобно, уже прекрасно. Опасения режиссера можно понять, ведь прославился он, снимая фильмы с фантастическими сюжетами, а для съемок «Гладиатора» пришлось спуститься на землю и окунуться в историю древнего государства. И все же в фильме много субъективного. Суди сама хотя бы по тому, как Скотт сначала был аккуратен в подборе экипировки легионеров, как скрупулезен в деталях одежды преторианской гвардии, везде доминирует настоящий императорский пурпур. Безукоризненно изготовлены у легионеров и шлемы, и сегментарные лорики, и оружие – причем всё именно в модификациях второго века. Лично я догадываюсь, почему в шлемах императорско-галльского типа в фильме чересчур заужены нащечные пластины и уменьшен задний козырек: если бы было как в реальности, то лиц практически не было бы видно. С точки зрения личной защиты это было разумно, а с точки зрения операторской – недопустимо. И ещё обрати внимание – во II веке кольчуги и лорики изготавливались из железа, отчасти из меди, бронзы и даже серебра. Поэтому тяжеловооруженный легионер перед боем весь буквально блестел, особенно когда расчехлял свой щит, в котором тоже было много металла. Этим, кстати, римляне умело пользовались, поскольку противника это деморализовывало. Например, знаменитый историк Иосиф Флавий, описывая подготовку штурма легионерами императора Тита города Иерусалима сообщает читателю, что тот затеял перед штурмом раздачу солдатам жалования и продовольствия. А в таких случаях по принятым обычаям войско выступало с открытыми щитами и в полном вооружении. Окрестности города засверкали золотом и серебром. Церемония продолжалась целых четыре дня и произвела на осажденных устрашающее впечатление. А вот Скотт не одобрил яркий блеск металла на легионерах, поэтому для облегчения участи актеров он дал указание своим ассистентам изготовить все вооружение из алюминия, а чтобы металл не блестел, вообще протравить его кислотой. Поэтому-то, хоть режиссер и стремился к исторической достоверности, всё получилось вопреки общеизвестным фактам, и легионеры, особенно преторианцы, стали похожими на католических монахов во время крестного хода. Мечи же, на которых в фильме так выразительно сражались легионеры и гладиаторы, напротив своим блеском и звоном указывали, что сделаны из высококачественной дамасской стали. На самом же деле изготавливались из обычного железа и вообще не сверкали. К тому же по технологии изготовления мечи получались с естественными зазубринами, во II веке заостренная часть меча была короткой, как и сам меч «гладиус», длина которого не превышала 55 см. У командиров же ранга Максимуса и Коммода меч должен был быть ещё короче, и уж,

конечно, высшие офицеры римской армии не бросались первыми в бой на лошадях с характерными плоскими длинными мечами под названием «Спафа», да без личной охраны.

– Но тогда фильм мог бы потерять свою зрелищность, – звонким голосом прервала меня моя вольнослушательница.

– Согласен, но приобрел бы очарование историчности! А любителям сражений на мечах можно посоветовать смотреть фильмы в жанре «фэнтези», их пекут сейчас, как блинчики. Скрежет мягкого металла и звон стали – разные звуки, а ведь сам Скотт по его словам стремился к максимально возможному сохранению исторических деталей.

– А ты что же считаешь, возможно создать зрелищный фильм с настоящими историческими персонажами без творческой фантазии режиссера и сценариста?

– Стоп, дорогая моя, тогда давай начнем всё с самого начала.

Ощувив сухость во рту, я подошел к холодильнику, достал из-под морозильника ледяную бутылку «Пепси» и, перед тем как продолжить, сделал большой глоток. Взглянув на меня, Клер поежилась и жестом показала, чтобы я ей не предлагал.

– Ридли Скотт, поистине выдающийся режиссер, никогда прежде не снимавший фильмов о Древнем Риме, не скрывает от почитателей своего творчества, как принял решение снимать свою картину. Однажды к нему зашел продюсер Уолтер Паркс со студии «DreamWorks» и перед тем, как дать Скотту прочесть сценарий, показал ему репродукцию известного полотна под названием «Идущие на смерть». Скотт посмотрел на неё и воскликнул: «It's fantastic!», и в ту же секунду решение было принято – он с энтузиазмом взялся за изучение сценария. В свое время это же известное творение вдохновило и создателей первого голливудского фильма о Древнем Риме «Кво Вадис». Представляешь, о чем речь?

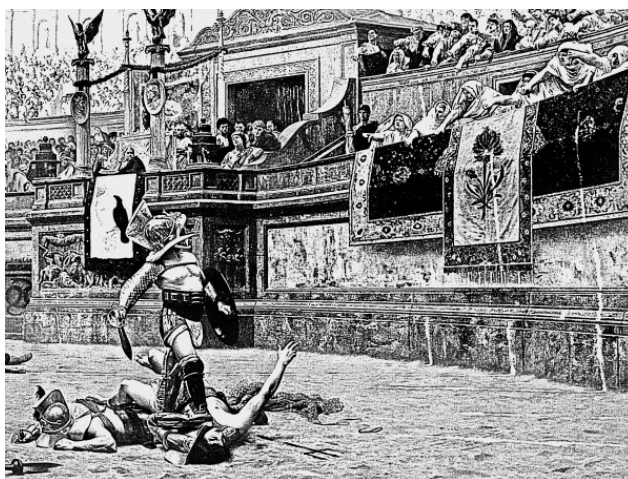
– Не вполне, – призналась моя собеседница.

– Жаль, тогда расскажу. На нем изображена арена ревущего Колизея. Гладиатор стоит одной ногой на побежденном противнике, молящем о пощаде, и ожидает решения императора. По арене разбросаны несколько окровавленных тел. Беснующаяся толпа зрителей, большинство из которых женщины, видимо, весталки, поскольку свободным женщинам разрешалось сидеть только на самом верхнем ярусе, а он не попал на холст художника, требуют одного – смерти побежденного гладиатора, и делают это, опуская большой палец вниз. Заметь, весталки-девственницы, жрицы-добродетельницы и хранительницы огня, к которым запрещалось просто прикоснуться и которых за нарушение обета целомудрия даже бескровно казнили, живьем закапывая в землю, именно они, все как одна, требуют смерти, опуская большой палец вниз. Ты не находишь, что это по меньшей мере смешно?

– А ты не находишь, что перегибаешь палку, повсюду ища проколы, хотя, впрочем, и я обратила внимание, что в фильме женщины в Колизее сидят на всех рядах вместе с мужчинами.

– Молодец, что заметила. Режиссер Скотт, изучив полотно, видимо, решил пойти дальше художника. В своем фильме он усаживает всех вместе: и мужчин, и женщин, и даже детей! Это хорошо видно в сцене раздачи бесплатного хлеба на Колизее. Желая наглядно продемонстрировать ответ на лозунг римской толпы: «Хлеба и зрелищ», он показывает сцену раздачи хлеба с повозок, выезжающих на песок арены. Если полагать, что на первом ярусе сидели только патриции и сенаторы, а на втором всадники, то чтобы добросить круглые буханки хлеба до третьего яруса Колизея, нужно было бы вызывать по меньшей мере олимпийских дискоболов. В фильме буханки долетают только до первого яруса, при более удачных попытках – до второго. Получается, что те, кому хлеб и предназначался, должны были бы остаться голодными. И ещё, эта знаменитая картина французского художника XIX-го века Жана-Леона Жерома на самом деле называется «Пальцы вниз», что на латыни звучит как «Pollice Verso». Многие годы ученые XIX-го века полагали, что художник практически идеально с исторической точки зрения изобразил всё действо. Сейчас же ясно, что в картине множество исторических ляпов. Главное

– это отсутствие сетки безопасности в императорской ложе. Далее: в нижней части Колизея на самом деле было четыре яруса мест, а у художника их только два, и, конечно, отсутствие на арене арбитра, другими словами, судьи, который имел право в любой момент бой остановить. На арене проходили гладиаторские игры, и каждая игра имела свои правила. Режиссер был обязан их знать, это основа основ! Второе, следовало детально разобраться во всем, что относится к самому понятию «гладиатор». Слово происходит от термина «гладиус» – это испанский укороченный меч длиной чуть более 50-ти сантиметров. Поскольку для того, чтобы побеждать на арене, гладиатор должен был быть не только храбрым, но прежде всего физически сильным, мощным, в школах гладиаторов при Колизее, а их было целых четыре, их заставляли интенсивно тренироваться, хорошо кормили, постоянно наблюдали лучшие римские врачи. За одну только победу в бою на Колизее гладиатор получал деньги, равные годовому жалованию римского легионера. Подобным образом в Риме одновременно проходили подготовку около двух тысяч гладиаторов. Ланисты и профессиональные арбитры внимательно следили за ними и подбирали пары для боев таким образом, чтобы поединок был максимально интересен для зрителей. В противном случае организатор игр, то есть лицо, полностью оплачивавшее расходы, поскольку вход в Колизей был бесплатным, имел право строго наказать ланисту либо дрессировщика зверей за отсутствие зрелищности представления, вплоть до его казни прямо на Колизее. Вообще очень интересна сама история создания амфитеатра Флавиев. Она была связана с цепью важных исторических событий. Если интересно, расскажу.

«Pollice verso». Жан-Леон Жером

Внимательно слушая меня, девушка молча кивнула головой. Она так и не притронулась к чашке с кофе. Этот странный день, так выбившийся из вереницы привычных моих дней, подходил к концу. За окном совсем стемнело, и луна из-за облаков тускло освещала свинцовую гладь моря. Сидя в кресле поджав под себя ноги, моя гостья, кажется, и не помышляла о скором возвращении домой.

– К 84-му году нашей эры центр Рима был в основном плотно застроен маловыразительными низкими зданиями, поскольку строительство города велось из сырого кирпича, не способного выдерживать большие нагрузки. Именно тогда почти весь центр выгорел в результате разрушительного пожара. Император Нерон воспользовался этим обстоятельством и захватил в свою собственность 200 акров освободившейся земли, где и построил свой прекрасный Золотой дворец, а рядом выкопал красивейшее озеро. В эту эпоху произошел мощный технологический прорыв в строительстве: римляне стали использовать обожженный кирпич, позволявший строить не только многоэтажные инсулы для римских бедняков, но и монументальные домусы для имущих классов, где он использовался уже и как декоративный материал. Другими

словами, Нерон кардинально перестраивает весь Рим, и в этом его заслуга. Если император Август в начале своего правления принял город глиняным, а оставил после себя мраморным, то Нерон сделал столицу ещё и небывало прекрасной. Однако в 69 году Сенат, недовольный неумелым управлением Нерона государством, вынес решение подвергнуть его наказанию. А таковым, согласно традиции, являлась смертная казнь. Чтобы избежать позора, Нерон принял решение покончить жизнь самоубийством и осуществил свой план. В этом же году после жестокой борьбы достойных претендентов императором стал Веспасиан, который в то время вел кровопролитную войну в Иудее. Евреи подняли восстание, оказав жесточайшее сопротивление, но в 70-м году три римских легиона под командованием сына Веспасиана, будущего императора Тита, жестоко подавили его, разграбили Иерусалимский Храм и привезли в Рим 100 тысяч рабов. Это оказалось как нельзя кстати, поскольку Веспасиан задумал разрушить Золотой Дом Нерона, и на его месте начать грандиозное строительство первого каменного амфитеатра – народного дворца. Веспасиану было шестьдесят лет, и он мечтал оставить в Риме вечную память о себе. Никому точно не известно имя создателя Колизея, ученые не исключают, что это даже мог быть великий Рабирий. Дворец планировалось построить за 10 лет, к 79-му году. Здание было грандиозным не только по своим размерам, но и по гению инженерной мысли. До сих пор специалисты продолжают спорить, действительно ли 50 тысяч зрителей, заполнявших амфитеатр, могли менее чем за 5 минут полностью его покинуть, причем без какой-либо давки. Только недавно исследователи согласились с тем фактом, что сразу после открытия, ещё когда он был двухъярусным, в амфитеатре Флавиев было возможно проводить навмахию, иными словами морские гладиаторские бои. Как же всё это осуществлялось? Здание Колизея строилось из травертина – сверхтвердого камня, который добывался в каменоломнях в Тиволи, в 17 милях от Рима. Тит пригнал отцу в Рим 30 тысяч рабов-евреев для помощи в строительстве инженерам и мастерам, остальные трудились в том числе и на каменоломнях. Кроме травертина, жженого кирпича, железных скоб и свинца, с помощью которых закрепляли между собой тёсанные глыбы, в строительстве начали широко использовать новый вид бетона – суперводостойкий, способный застывать даже под водой. В бетон стали добавлять красную вулканическую пыль из Везувия под названием «подсолана». До сих пор такой вид бетона считается самым твердым искусственным строительным материалом! Извержение Везувия в год смерти Веспасиана заставило взойшедшего на трон Тита поторопиться с открытием Амфитеатра, чтобы опровергнуть мнение горожан, что боги прогневались на династию Флавиев. Тем не менее, и Тит умер через полгода после открытия амфитеатра от неизвестной болезни. Его брат Домициан продолжил строительство, но отказался от проведения в нем навмахии. Он переделал все подвальные помещения, чтобы осуществлять в амфитеатре самые смелые режиссерские задумки. Например, стало возможным выпускать на арену более 70 львов одновременно. А чтобы ещё больше прославить династию Флавиев, Домициан начал грандиозное строительство Палатинского дворца. Архитектор Рабирий создал ещё один шедевр архитектуры. Друг Тита, известный поэт Марциалл назвал амфитеатр Флавиев Восьмым Чудом Света, затмившим своим величием все предыдущие. Действительно, это сооружение больше напоминало дворец, поскольку в здании пол был сделан из отшлифованного до зеркальности травертина, стены – из лучших сортов мрамора, а во всех нишах стояли позолоченные бронзовые статуи. Только вообрази, питьевая вода подавалась на все ярусы и протекала по желобам, охлаждая помещения, по зданию распылялись благовония, и, конечно же, венчал все это звездный велларий, в деталях описанный историком Плинием. Солнечные зайчики играли по арене, и создавалось впечатление, что это вовсе не амфитеатр, а чудо-планетарий. Клер, ты наверняка знаешь, что во времена Римской империи амфитеатр никогда не назывался Колизеем, это название появилось позднее из-за того, что рядом с амфитеатром Флавиев находилась сохранившаяся после разрушения Золотого Дома Нерона колоссальная статуя в 35 метров высотой, изображавшая Бога Солнца с ликом Нерона. Следуя примеру Флавиев, каждый из следующей династии Антонинов

стремился тем или иным путем увековечить свое имя в римской архитектуре. Траян завоевал Дакию, и обозы с золотом тысячами потянулись в Рим. На эти деньги он перестроил Большой Цирк, который своей красотой и размерами смог затмить Колизей. Когда 250-тысячный цирк, стоявший рядом с Палатинским дворцом, поднимал крик, приветствуя одержавшего победу возничего, гул был способен сотрясти Колизей. А когда рядом с ним он построил свой Форум – шедевр архитектурного шика, по размерам равный всем остальным форумам вместе взятым, с многоэтажным рынком, похожим на современный мега-молл, то имя Траяна зазвучало наиболее громко. Адриан тоже не оставался в стороне от деятельности по укреплению величия Рима и построил рядом с Колизеем самый большой по размерам храм в империи, посвятив его Венере и РOME, и одновременно закончил строительство Пантеона, оба здания заблестели золочеными крышами, став очередными архитектурными жемчужинами. А вот император Марк Аврелий остался в памяти римлян не как строитель, а как великий воин и философ, написавший знаменитую книгу «Наедине с собой». После смерти отца в холодном Виндобоне Коммод поспешил заключить мир с германскими племенами и вернулся в сверкающий золочеными крышами Рим, мраморный город-дворец. Всё, что любил в своей жизни Коммод, можно уместить в одно слово – «гладиаторы». Он их просто боготворил, создавал для них лучшие условия. Себя же просил называть Геркулесом, а лучше Павлом, не в честь Святого Павла, конечно, а по имени знаменитого гладиатора.

– Я слышала еще в детстве из рассказов отца, что в Риме во все времена гораздо выше гладиаторов ценились цирковые возничие.

– Действительно, было время, когда в Риме высоко ценили цирковых возничих, которые, рискуя жизнью, часто погибали под колесами квадриг, победители же получали огромные денежные призы и были окружены любовью и славой. Возничие были храбрецами и ловкими спортсменами, но в отличие от гладиаторов они не обладали ни высоким ростом, ни статью, ни физической силой... Не случайно в то время слово «гладиус» среди простого народа отождествлялось со словом «фаллос». Гладиатор времен Коммода стал настоящим секс-символом Рима. А теперь представь, что к концу II века н. э. великолепные каменные амфитеатры были уже построены не только во всех крупных городах империи, но и в небольших канабах и мануципиях, и в каждой провинции их были десятки. Отличные каменные дороги оплели римскую империю с юга на север, их общая протяженность составляла 288 тысяч римских миль. Через каждую тысячу шагов на дорогах стояли мильные столбы, указывавшие расстояние до ближайших городов. Так было. А что же показано в фильме?!.. Именно в то время, когда Коммод ещё не успел разграбить государственную казну и упивался своей славой, из южной провинции к городу Риму, восхвалявшему имя нового императора грандиозными гладиаторскими играми, по пыльной грунтовой дороге едет жалкая повозка ланисты Проксимо с группой слабо подготовленных непрофессиональных гладиаторов во главе с прославленным легатом Максимусом. Город покрыт песчаной пылью, как будто располагается в Сахаре. Все здания не то что не блестят золоченой бронзой, а своей мрачностью напоминают средневековую арабскую архитектуру. Чуть не тысяча подготовленных к играм гладиаторов, разбитых по парам и командам, в ожидании своей очереди отступают перед приехавшими из африканской глуши двумя дюжинами любителей. И начинается великое представление, только вот участники его по своему облачению не соответствуют ни одному из существовавших шести основных типов гладиаторов. Вооружены они не только мечами, кинжалами и трезубцами, они ещё держат в руках длинные копыя, а против них выступают соперники, одетые в легионеров армии Спициона Африканского, вооруженные непонятными длинными луками, арбалетами, и стоят они в колесницах. Коммод расположился в первом ряду ложи и восторженно наблюдает за кровопролитной схваткой. Летящие во все стороны стрелы и копыя никого из зрителей не пугают. Никаких тебе правил и арбитров! Максимус тоже не вопрошает у толпы и императора разрешения, а просто убивает всех противников без разбора. Между прочим, «Игры без Пошады» были

запрещены ещё Августом, и ровно за 100 лет до описываемых в фильме событий, короче, правила гладиаторских боев стали незыблемыми еще с 80-го года. Тогда сразу возникает вопрос: почему, если Ридли Скотта так вдохновила картина «Пальцы вниз», в своем фильме он не учел правила боя? Опять же, коль скоро всех на арене переубивали без какого-либо обращения к зрителям и императору, то с чего вдруг император думает, поднять ли ему палец вверх или опустить вниз? Подозреваю, что многим, кто смотрел фильм, было непонятно, почему Максимус, добив со своими солдатами даже раненых при помощи щитов, а затем сев на лошадь противника и поднимаясь в стременах, держа в руке копьё, направляется к ложе императора, смиренно сидящего на троне, но копьё это в императора не бросает? Вообще, Максимус в фильме постоянно нарушает правила гладиаторских игр: уже в первых своих боях в качестве гладиатора он убивает своих противников, потом бросает меч в ложу хозяев игр, да ещё произносит нравоучительную речь, которую восторженно слушает публика и награждает аплодисментами, хотя по существующим тогда правилам его должны были бы сразу казнить. Дальше – больше, в Колизее Максимус поворачивается спиной к императору, а опять же по закону стоящий рядом с ним преторианец обязан был сразу нарушителя заколоть. Правда, римская история знает массу чудес. Описан случай, что когда Нерон читал на публике свои стихи и один слушатель заснул. Преторианцы должны были бы сразу убить его за неуважение к императору, но оказалось, что этим слушателем был Веспасиан – в то время уже известный легат, герой войны, а на слушаниях его просто сморила усталость. Веспасиана пощадили. Но, слушай, здесь Максимус – раб намеренно поворачивается спиной к императору и несмотря на это остается в живых! Кстати, по римской статистике в большинстве схваток побежденному даровалась жизнь. Публика ценила гладиаторов и совсем не была кровожадной.

– Ерунда какая-то получается. А какие были кассовые сборы, – воскликнула Клер.

– Не ерунда. Фильм лучший из всех, что были сняты о Риме, но как я говорил, он получился наполовину «фэнтези», а поскольку большинство зрителей римской истории не знает, то все убеждены, что всё так и было на самом деле. Это опять к вопросу о познавательности кинематографа.

– Ужас! Выходит, искажение фактов помешало миллионам зрителей правильно понять исторические события? – Клер вскочила со стула, и подойдя ко мне, села на подлокотник кресла.

Теперь я не видел ее лица, но ощущал тепло худенького бедра, чувствовать которое не мешала даже плотная ткань просторных джинсов.

– Честно говоря, Клер, иногда мне и самому кажется, что это не так страшно, ведь почти вся История Рима для нас, живущих уже в XXI веке – и так настоящая фантастика. Мы до сих пор восторгаемся римской архитектурой, но даже в самом буйном воображении не можем представить того, что было на самом деле. Достаточно перелистать каталог графических работ Пиранези, художника 18-го века, чтобы понять, что всё увиденное нами в фильме: дворцы, храмы, стадионы, термы – это лишь примитивная реконструкция настоящих сооружений того времени.

– Тем более, для успеха фильма нужен был герой, подобный Максимусу! – поспешила добавить студентка. – И, если бы даже не было реального прототипа, сценаристам нужно было создать именно такого персонажа!

– А зачем было Максимуса выдумывать, не было необходимости, был такой, даже круче, и именно в годы славы Марка Аврелия. Это был действительно благородный отважный воин, к тому же очень умный и образованный. Его высоко ценил император, и он в реальности был командующим Северной Армии. Более того, им очень дорожил новый император Коммод, после смерти которого в 193 г. именно этот человек стал во главе империи.

– Прости, что перебиваю тебя, – Клер пошевелилась, чтобы поудобнее устроиться на подлокотнике кресла, – а что, разве о существовании этого человека сценаристам не было известно?

– Сложно сказать. Я лишь, как и ты, смотрел сам фильм, а после него «фильм о фильме» под названием «Кровь, песок и киноплёнка». Там один из сценаристов допустил традиционное даже среди специалистов заблуждение, утверждая, что после смерти Марка Аврелия закончился «Золотой Век» Римской империи и наступил «Железный век». Поэтому я не исключаю, что американские сценаристы, если и изучают историю Рима после 180 года, то так сказать, погружаются в источники неглубоко.

– А ты, я вижу, изучал слишком серьезно? – сказала девушка, не скрывая иронии, и насмешливо посмотрела на меня.

– Тут мне нужно оговориться. Я, если и занимаюсь историей Рима, то исключительно с момента смерти Марка Аврелия и не понимаю, почему в академической традиции конец династии Антонинов считается концом благополучия Римской империи и «Золотого века». Впрочем, это долгий разговор, да и тебе уже, наверное, пора.

Я бросил взгляд на старинные часы, стоящие на бронзовом треножнике. Стрелки показывали восемь вечера. Клер настороженно проследила за моим взглядом и с нескрываемым волнением в голосе спросила:

– А ты что, уже собираешься спать?

– Да нет, дело не в этом, не собираюсь, я ложусь очень поздно, иногда в то время, когда ты только просыпаешься. Извини, но ты навязала мне эту тему, я завелся и теперь, получается, должен остаться без ужина.

– А куда ты обычно ходишь?

– По-разному. Как правило, я ненадолго оставляю пса дома, а сам спускаюсь к набережной в район отеля «Welcome», там всегда многолюдно, царит оживление.

– Дружка себе там подыскиваешь? А ты случаем сам не голубой? А то там ещё со времён Кокто преимущественно такие завсегдатаи!

– А что, есть признаки? – засмеялся я. – В отличие от Коммоды, – я осекся и воскликнул, – черт, видишь, что ты со мной сделала, никак не могу переключиться, – которого Скотт подзревает во всех грехах, включая мужеложство и инцест, я адекватный и нормальный. Кстати, римский закон жестоко карал за развратные действия не только рабов, но и свободных граждан.

– Да бог с ним, с законом! Лучше скажи, а вообще что – то в фильме тебя тронуло так, чтобы до глубины...

– Ну конечно, Луцилла.

– Это я все помню – Конни Нильсен, музыка к фильму.

– Подожди, пожалуйста! Я рад, что помнишь, но в данном случае я говорю про Луциллу как про римлянку. Хочется верить, что режиссер сам восторгался созданным им изумительным и достоверным образом настоящей римлянки-патрицианки. Женщина в древнем мире была бесправна и глупа, даже для мудрых греков жена – это всего лишь хозяйка в доме, бесправная продолжательница рода, а вот для римлянина со времен первого императора Августа женщина – это уже подруга и спутница жизни.

– При этих словах Клер гордо вскинула голову и тряхнула курчавыми волосами.

– Здорово, – с улыбкой удовлетворения воскликнула она.

– Конечно, здорово. Своими законами Август утвердил понятие семьи как опоры римского общества. Он поощрял рождение детей. Женщина, родившая более трех детей, в случае смерти мужа по закону становилась наследницей его имущества. Август ввел специальный налог на холостяков, чтобы жизнь не состоявших в браке мужчин не казалась им легкой и беззаботной. «Что не позволено женщине, не позволено и мужчине», гласил закон. В римском

языческом мире женщина стала воплощением всего земного величия. Красивым женщинам при Августе даже ставили памятники.

– Кстати о памятниках, а ты знаешь, что здесь установлен бюст вашей императрице Александре Федоровне? Представляешь, даже мой папа в свое время имел к этому отношение, когда помогал мэру города в оформлении юридических документов.

– Вот как? Естественно, знаю. Скажу больше, это первый и единственный в мире памятник русской императрице, жене Николая I. Один знаменитый русский поэт даже назвал её в своих стихах «гением чистой красоты» – этот оборот потом заимствовал Александр Пушкин, когда воспел в стихах свою возлюбленную. У нас в России женскую сексуальность долгое время не выставляли напоказ. Доказательство тому – картина Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Знаешь, почему он совершил это убийство?

– По реакции Клер я понял, что и об этой картине она представления не имеет.

– А потому, – продолжил я, видя растерянность на ее лице, – что застал в минуты отдыха беременную жену сына, одетую лишь в исподнее. В средние века на Руси идеалом женщины была крепкая и достаточно крупная женщина, вынужденная носить тяжеленную одежду, которая максимально скрывала талию и грудь. Только в исподнем женщины могли надеть пояс и несколько обнажить грудь. Видеть её в таком одеянии имел право только муж. Так вот, узрев свою невестку в исподнем, Иван Грозный, взбешенный таким, как он посчитал, бесстыдством, наотмашь ударил её. На шум прибежал сын царя, который встал на защиту жены, но получил от родного отца удар скипетром в висок. С ужасом узнав о смерти мужа, жена его разродилась мертвым ребенком...

– Клер, потрясенная, не могла вымолвить ни слова и только с сожалением качала головой.

«Эта девочка способна сопереживать, это хорошо», – отметил я про себя.

– Что уж говорить о правах женщины на Руси, которым разрешалось выходить со двора только в церковь, и то по воскресеньям. Только Петр Первый в начале XVIII века своим особым указом заставил русских мужиков спать вместе с женами в своих домах – ведь до этого им запрещалось заниматься любовью с женами в доме, на этот случай годилась только баня, и только по субботам! Так вот, вернемся к нашей теме, если ты ещё раз внимательно посмотришь «Гладиатор», обрати внимание на изысканные наряды, в которых появляется Луцилла. Одежда, аксессуары и косметика еще более подчеркивают красоту лица и тела этой чудесной женщины. А как она умна, как правильна её речь?! В этом весь Рим, в этом его величие. Знаешь, сравнительно недавно, может быть, год или два назад, был снят документальный фильм о том, как в пригороде Рима строители нашли древнее захоронение, оказавшееся нетронутым более двух тысяч лет, со времен Августа. Приехали археологи, вскрыли могилы и обнаружили два саркофага с телами матери и ее взрослого сына. Тела были набальзамированы и оставались в хорошем состоянии, сохранилась даже прическа этой патрицианки. На голове у нее была тонкая золотая сеточка, которая поддерживала красивую укладку волос. Толщина золотых нитей составляла 3 микрона, что меньше толщины человеческого волоса почти в два раза. Технология изготовления таких украшений до сих пор не разгадана. Милая Клер, Рим полон загадок! – сказал я и похлопал ее по узкой коленке.

Девушка вздрогнула от неожиданности и смущенно улыбнулась.

– Остается гадать, что же произошло с человечеством, если, начиная с 5-го века нашей эры, целое тысячелетие мир пребывал в спячке!

Я поднял голову и посмотрел на Клер, которая продолжала меня слушать с тем же вниманием, не демонстрируя ни малейшего желания отправиться домой. Стараясь не обидеть непрощеную гостью, я вкрадчиво спросил:

– Слушай, я начинаю волноваться, а тебе не пора, а то я уж, наверное, тебя утомил?

– Ты же говорил, что вечер у тебя свободен, а теперь гонишь меня домой!

– Да не гоню я тебя. Если хочешь, сиди, только получается, я остаюсь голодным, уже девятый час.

– Ой, у меня же в машине продукты, мама просила купить, не волнуйся, все в сумке – холодильнике. Есть сыр, хлеб, ветчина и ещё чего-то. Для этого она и дала мне свою машину. Только одно условие – сейчас я сбегаю к машине и все принесу, а ты мне расскажешь о том прототипе Максимуса. Давай, не отказывайся, я много купила!

– Ну неси, если не жалко, может и собаке что перепадет! По правде говоря, я действительно голодный, как волк!

Клер выпорхнула к своей машине, а мы с Мартином безмолвно стояли в холле. Он сопел и вертел головой то вправо, то влево, не отрывая от меня пристального взгляда.

– Ну, что смотришь? – спросил я собаку. Пёс в ответ весело затеребил хвостом, радуясь, что я наконец обратил на него внимание.

Совершенно обалдевший от этого общения, я отупело смотрел на открытую входную дверь. Мартин продолжал вопросительно глядеть на меня, как будто спрашивая: «Ну что ты распинаешься перед ней, я голодный и хочу гулять». «Чудная ситуация, – думал я, – приглашаешь подружку по собственной инициативе, ясно, как будут развиваться события, а тут...».

Услышав, как девушка пикнула сигнализацией и открыла багажник, пёс сделал резкое движение в мою сторону и подал голос, похожий на жалостный скулеж. Я плюхнулся в кресло и стал нервно листать первый попавшийся под руку журнал. Пёс снова подал голос, пытаясь вызвать во мне сочувствие и жалость.

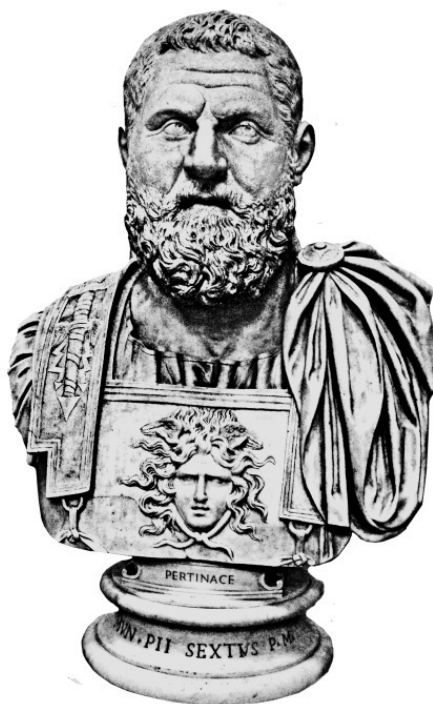
– Я хорошо тебя понимаю, приятель. Тебе нужно общение. Мне тоже, но уж точно не с ней. Зачем она мне? Если она останется у нас допоздна, что опять подумают соседи? Смотри вон туда, а не на меня! – я обхватил руками шелковистую мордочку и развернул к окну. – Видишь, прислуга этого немца – зануды уже засуетилась – девица-то припарковалась на их месте! Посмотри на нашу гостью внимательно, как она одета?! Это же просто пацан какой-то! Зачем нам лишние неприятности? Немного поболтаем с ней, и пусть себе едет домой.

Пёс внимательно выслушал меня, потом послушно лёг и грустно вытянулся на коврике, ожидая гостью.

– Ну, так-то лучше, – я поднялся с кресла и в благодарность за понимание почесал Мартина за ухом. – А, вот и Клер, – сказал я нарочито приветливо и так, чтобы гостья нас услышала. – Жизнь удалась, сейчас мы наконец будем ужинать!

– Не мы, а вы! Я сыта, – по-хозяйски, словно близкая родственница, распоряжалась Клер, выкладывая на стол бумажные пакеты.

Часть 3

Пертинакс

Рим, год 945 от основания Города или 192 от Р.Х.

В самый канун январских календ черное небо Италии, усыпанное яркими мерцающими звездами, сулило Вечному городу очередную холодную ночь¹. Перед вступлением в консульство сенаторов Фалькона и Клара толпы празднующихся граждан Рима спешили купить последние новогодние подарки для друзей и близких, восхваляя при этом двуликого Януса, подарившего своё божественное имя первому месяцу юлианского календаря. В этот поздний час при блеклом свете догорающих факелов и масляных лампад Форум Романум все еще напоминал муравейник. В центре площади, на отбеленную гипсовую доску, служившую прототипом так называемой газеты городских ведомостей, по приказу Коммода наспех размещалось объявление о необычном желании императора произвести свой завтрашний праздничный выход не из Палатинского дворца разодетым в императорский пурпур, а из гладиаторских казарм в одеянии секутора² с мечом и большим щитом в руках. Император продолжал удивлять сограждан своим поведением, к тому же сам жаждал новогодних сюрпризов и щедрых подношений.

Проститутки, уже наводнившие ночной город, надеялись тоже получить от похотливых почитателей и сутенеров всех мастей помимо обычной платы за свои услуги в затертых медных ассах или увесистых бронзовых сестерциях ещё и долгожданный подарок – серебряный денарий, а если повезет, то и золотой ауреус.

¹ Все события и персонажи частей романа, посвященных Древнему Риму и XVIII веку, являются реальными. Автор позволил себе лишь художественно их изложить, не отступая от исторической точности.

² *Секутор* – гладиатор с мечом и щитом.

На улице Патрициев, протянувшейся почти по прямой от амфитеатра Флавиев до преторианского лагеря, что за Сервиевой стеной, было, как всегда, относительно тихо и малоллюдно. Здесь жили знатные римляне, и по этой широкой мощеной улице, согласно строгому караульному расписанию, шагали на службу преторианские когорты. Здесь и проститутки были особые, одетые в наряды, дозволенные для ношения только благородным матронам. В богатом квартале на склоне холма Виминал жрицы любви совсем не боялись приставучих городских эдилов и смело надевали запрещенные для них пурпурные туники, а также вышивку и драгоценности, украшая свои высокие прически широкими белыми лентами. Волосы они красили или в желтый цвет шафраном или в красный свекольным соком. Местные жрицы любви не носили сандалий на босу ногу, как было предписано правилами, а обувались, как матроны, в изящные башмаки из мягчайшей кожи на шнуровке. Обнаженные белые ноги, указывающие на принадлежность к коллегии проституток, они прятали в эти холодные декабрьские дни под столой, а то и под длинной, до пят, паллой, что вообще-то настрого запрещалось законом. В таких условиях не только эдил, стоящий на страже закона, но и бывалый богатый обольститель давал маху, приставая к почтенной матроне, посчитав ее шикарнейшей проституткой, или, наоборот, почтенно кланялся обычной проститутке, принимая её за свободную женщину из знатной семьи.

В самом конце улицы, возле лагеря, на ночную службу уже готовился заступить очередной отряд преторианцев. Построением руководил завсегдатай местного лупанара, центурион по имени Карвилий. Одетый в парадную сегментарную лорику³ поверх пурпурной туники, в коротком плаще и кожаных сапогах, он аккуратно держал в левой руке тяжелый металлический шлем, украшенный гребнем и отделанный желтым металлом. На груди его блестели фалеры⁴. Все преторианцы были в церемониальном облачении, на расчехленных щитах сверкали золотые зубчатые молнии Юпитера.

– Эй, Карвилий! Неужели не узнаешь, – громко засмеялась высокая красавица, и, приподняв столу, обнажила красивое круглое колено. – Я всё ещё жду твоего подарка, красавчик!

В правой руке Карвилий, как и положено командиру, держал свой знак отличия – виноградную трость.

– Будешь так орать, Аэбуция, получишь в подарок вот этот фухтель, – центурион потряс своей палкой.

– Лучше подари ей завтра другой фухтель, он у тебя даже длинней, – заржал опцион⁵.

– Разговоры в строю, – рявкнул Карвилий и подал знак трогаться. Отряд зазвенел оружием...

Темным вечером в богатом и хорошо освещенном доме Пертинакса Публия Гельвия – префекта города, накануне январских календ было многолюдно и шумно. Отец семейства, утомленный служебной суетой, давно вернулся из Курии и искал уединения в лабиринте комнат своего отдельного домуса. Однако многочисленные клиенты, слуги и рабы, жаждавшие услужить хозяину, а с ними вместе его жена и дети, а также родственники и друзья с их постоянными притязаниями и просьбами не оставляли Пертинакса в покое. Личная охрана городского префекта маялась от безделья в длинных проходах от атрия до перистиль⁶, а то и попросту гоняла по триклинию кошек под звон расставляемого к утренним празднествам столового серебра. Любимый пёс префекта, когда-то свирепый и вонючий, как варвар, пытался проник-

³ *Сегментарная лорика* – доспехи из стальных полос, изнутри попарно скрепленных на груди и спине кожаными ремнями.

⁴ *Фалеры* – наградные знаки, прообраз медалей: небольшие металлические бляхи с изображениями богов или прославленных полководцев.

⁵ *Опцион* – помощник центуриона.

⁶ *Перистиль* – открытое пространство, как правило, двор, сад или площадь, окружённое с четырёх сторон крытой колоннадой.

нуть в таблинний⁷ хозяина, чтобы успеть попасть ему вовремя на глаза и напомнить старику, чтобы тот, перед тем как удалиться в свои кубикулы⁸, не забыл перед сном лично угостить кусочком сырого мяса своего преданного друга, когда-то привезенного из Британии, где Пертинакс умирал легионы, поднявшие мятеж против императора Коммода. Сын Марка Аврелия смертельно ненавидел любое проявление добродетели, однако тогда высоко оценил деяния своего старого солдата и назначил Пертинакса управлять Римом за образцовую скромность и умеренность, проявляемую во всем, в отличие от прежнего префекта – Фусциана, запомнившегося горожанам лишь беспощадной суровостью.

Только поздно ночью, позволив спальнику удалиться из комнаты, Пертинакс остался совсем один и, кряхтя, лег в постель. Тициана, жена префекта, в свои неполные сорок лет ещё сохранившая стройность и привлекательность, уже была крайне редким гостем в покоях мужа, хотя и бережно носила на среднем пальце левой руки кольцо, подаренное мужем при обручении и составлении брачного договора. Гельвий Пертинакс, давно разменявший седьмой десяток, имел тучное телосложение и по настоянию личного доктора старался вести подвижный образ жизни для избавления от несколько выдававшегося живота. По утрам у себя в домашнем перистиле он делал интенсивную зарядку, а также два раза в день посещал частные термы, где старался много плавать в бассейне с прохладной водой, и подолгу засиживался в парилке.

С тех пор как Тициана, дочь Флавия Сульпициана, богатейшего и влиятельнейшего сенатора, родила ему сына, Пертинакс предоставил жене полную свободу действий, которой незаурядная и любвеобильная женщина поспешила воспользоваться сполна. Однажды она без памяти влюбилась в малоизвестного кифариста и пару лет испытывала к нему сильнейшую страсть. Тициана наперекор традициям беззастенчиво отстаивала свою независимость, не скрывая нежных чувств к этому посредственному музыканту и нисколько не заботясь о своей репутации в Риме. Хотя супруга префекта и утратила всякое уважение к себе со стороны добропорядочных людей сенаторского сословия, её поведение не было вопиющим фактом – в Риме редкая матрона стремилась следовать предписаниям и соблюдать древние традиции патрицианского рода, ограничиваясь лишь воспитанием детей и гордясь своим умением искусно прясть и ткать. Давно вошло в норму у знатных горожанок стремление родить своим мужьям по молодости сыновей, а затем не рожать вовсе, посвящая свое свободное время изощренному искусству любовных утех. Однако предохраняться от нежелательной беременности приходилось по совету врача Галена все теми же старыми способами, и в первую очередь простой морской губкой.

Пертинакс, доблестный служака, пока ещё чувствовал себя «в силе», тоже не утруждался сохранением супружеской верности и обзаводился любовницами, которые привлекали его куда больше, чем жена. Особенно долго его чувства тревожила безумно похотливая Корнифиция, которая много лет буквально околдовывала его своими женскими чарами. Впрочем, красивые женщины не мешали Пертинаксу честно выполнять свой служебный долг, и его карьера никогда от этого не страдала. Даже сейчас, когда его сын уже приступил к изучению ораторского искусства, а старшей дочери по возрасту уже давно пора было подарить отцу внука, Пертинакс всякий раз оборачивался и замедлял шаг, когда на Форуме мимо него проплывала какая-нибудь грациозная светловолосая жрица любви. Завидев его взгляд, она расталкивала ликторов⁹, несущих положенные ему по должности фасции¹⁰, с тем, чтобы холеной рукой зацепить городского префекта за полу тяжелой шерстяной тоги.

⁷ *Таблинний* – помещение в древнеримском жилище между атриумом и перистилем, служившее в качестве гостиной или кабинета хозяина дома.

⁸ *Кубикула* – спальня.

⁹ *Ликторы* – служители, сопровождавшие и охранявшие высших магистратов.

¹⁰ *Фасции* – или ликторские пучки – пучки вязовых или берёзовых прутьев, перетянутые красным шнуром или связанные ремнями. Атрибут власти высших магистратов.

В последние дни Пертинакс мучился от бессонницы, которая ввергала его в необъяснимую старческую тоску, и он не знал, как её заглушить. Его здравый ум пытался найти решение проблемы: префект постоянно проводил в уме сложные математические расчеты успешных торговых операций, рассуждал вслух о своем завидном здоровье и т. д. Даже страх быть казненными по малейшей прихоти императора Коммода, парализовавший всех магистратов, никогда не довлел над городским главой. Пертинакс нежился в своей теплой постели, и ему было всё равно, убьют ли его преторианцы в ближайшие дни, или он всё же доживет до глубокой старости. Лишь бы поскорее уснуть, лишь бы тоска улетучилась! Пертинакс закрыл глаза и долго лежал на спине неподвижно, вспоминая забавные эпизоды своего детства, проведенного в Апеннинах. В такие минуты он неизменно думал о своем отце. Тот однажды рассказал сыну, что в самый день его рождения жеребенок неведомым образом забрался на крышу их незатейливого жилища. Пробыв там недолго, он, в конце концов, свалился на землю и издох. Тогда халдей¹¹ объяснил отцу Пертинакса, Гельвию Сукцессу, безродному вольноотпущеннику, ставшему торговцем шерстью, что сын его высоко поднимется, но кончина его будет столь же безвременной и внезапной, как и само возвышение. Отец выслушал предсказателя и, усомнившись в реальности исполнения его слов, даже пожалел о потраченных зря деньгах. Гельвий Сукцесс решил дать своему сыну имя Пертинакс, что означало «упорный», с верой в то, что только непрерывный и доблестный труд, а не случай, сделает сына богатым и почитаемым. Сын во всем оправдывал свое имя: он хорошо учился и был прекрасно развит физически. Когда же Пертинакса отдали на обучение греческому грамматике, на мальчика обратил внимание известный в Аппенине ученый муж по имени Сульпиций Апполонарий, который и сделал из него впоследствии преподавателя грамматики. Однако эта престижная профессия не сулила молодому учителю приличного заработка, и при содействии консулара Лоллиана Авита, который был патроном его отца, Пертинакс стал добиваться должности центуриона, что могло обеспечить хорошее и гарантированное жалование, плюс завидную пенсию по окончании военной службы. С тех пор вся жизнь Пертинакса была связана с армией.

Префект Рима протяжно зевнул, и даже внезапный шум, сопровождаемый лаем собак, и незнакомые голоса, доносившиеся из вестибюля, не нарушили его безмятежного спокойствия. Пертинакс лишь медленно приоткрыл веки. На пороге уже стоял заспанный мальчик, сын привратника, а за ширмой тревожно маячил силуэт его спальника Таррутения, державшего правую ладонь на рукоятке гладиуса. Пертинакс легким кивком головы дал разрешение говорить. Вздвигнутый мальчик сообщил хозяину, что два старших офицера преторианской гвардии императора Коммода желают говорить с Гельвием Пертинаксом немедленно. Узнав эту новость, хозяин к удивлению мальчика продолжал спокойно лежать в постели.

– Что же, этих не прогонишь, – горестно вздохнул старик и, повысив голос, добавил: – Если так уж хотят, то зови их прямо сюда, в спальню. Я вновь одеваться не стану, – мальчик направился было к выходу, но хозяин окликнул его: – Постой, они пришли одни?

– Нет, в сопровождении охраны, и их много, – вымолвил с дрожью в голосе мальчик.

Пытаясь отогнать от себя дурные предчувствия, Пертинакс глубоко и обреченно вздохнул. В своих полутемных покоях старик не сразу разглядел грозного и хитрого префекта претория Квинта Эмилия Лета, а вместе с ним и спальника императора Коммода, braveго Эклекта. Старый опытный воин, Пертинакс хорошо разбирался в людях и уже давно опасался за свою жизнь, хотя и не замечал за собой никакой другой вины, кроме той, что был последним оставшимся в живых из числа близких друзей покойного императора Марка Аврелия. Все остальные уже давно отправились в мир иной или были казнены его сыном Коммодом. Лет, как и Элект, уже несколько лет служили тому, как верные псы, хотя, по наблюдениям Пертинакса, до Лета ни один из префектов не продержался на службе у императора более трех лет. Кто был

¹¹ Халдей – бродячий предсказатель, астролог, обычно вавилонского происхождения.

отравлен, кто заколот мечом. Про спальников и говорить нечего – их Коммод убивал, не задумываясь, хотя во всем следовал их советам и внушениям. От цепкого взгляда Пертинакса не ускользнули потухшие глаза двух незваных преторианцев, лица которых всегда излучали лишь надменную жесткость и безграничное всесилие. Хотя оружие у старших преторианцев было при себе, Пертинакс характерным кивком дал понять своему спальнику, чтобы тот оставил его наедине с гостями. Жестом предложил гвардейцам располагаться в комнате и, сославшись на свой возраст и легкое недомогание, извинился за то, что не смог принять высоких гостей у себя в таблиннии. Как только спальник покинул покои хозяина, любезность вмиг слетела с лица Пертинакса:

– Не тяните, исполняйте приказ! И побыстрее, сопротивления не будет.

Лет поспешно убрал руку с меча и поднял её в знак уважения, приветствуя гордого старца:

– Не говори того, что недостойно тебя и твоей прошлой жизни! Этот наш визит служит спасению Римской империи. Мы явились, чтобы вручить тебе императорскую власть! Ненавистный всем жителям Города Коммод мертв, – закончил Лет и посмотрел на Пертинакса, который, изменившись в лице, наконец убрал с подбородка одеяло, обнажив длинную выющую бороду.

Префект прикрыл веки и в задумчивости покачал головой.

– Ты что, не веришь нам?

– Если вы пришли издеваться над стариком, то я должен вам сказать...

Эклект стремительно подался вперед и не дал Пертинаксу закончить свою мысль:

– Пойми, просто ты первый, кому мы сообщаем об этом!

– Даже так? Тогда выходит, вам от меня что-то нужно! Я ведь всего-навсего префект Рима, и хотя сам Коммод выдвигал меня на второе консульство, я вряд ли смогу вам помочь, если в городе начнутся волнения и вас станут допрашивать.

– Но все, что мы сказали тебе, есть чистая правда! Коммода больше нет. Он всегда хотел быть похожим на Нерона, вот и прожил этот первоклассный секутор, как и Нерон, только 31 год!

Пертинакс продолжал недоверчиво смотреть на непрошенных гостей и наконец произнес:

– Мне нужны доказательства!

– Какие? Принести сюда его крашеную, с золотыми блестками в волосах, голову? Сейчас мы этого сделать никак не можем, – отчаянно взмолился Лет.

– И не надо, я имею в виду детали и обстоятельства смерти. Где сейчас находится тело императора? В Палатинском дворце?

– Нет, он в Вектилианских палатах, – ожидая такого вопроса, быстро ответил Эклект. – В последнее время он с трудом засыпал в Палатинском дворце, поэтому недавно принял решение переселиться на Целийский холм.

– Поверь, мы в этом деле ни при чем, – перебил сбивчивую речь Эклекта префект претория. – Во всем виноват этот мастер натираний, Нарцисс! Эта здоровенная скотина не рассчитала своих сил, когда массировала Коммода после бани, хотя сам император повелел массировать его предельно жестко, причиняя физическую боль, от которой он полагал получить удовольствие. Нарцисс не рассчитал, надавил локтем ему на горло и так, сам не желая того, задушил Коммода. Вот так всё и произошло, – закончил Лет.

– И вы думаете, что я вам поверю? – в сердцах выкрикнул Пертинакс, – Коммод не то, что массаж без личной охраны не делал, он даже от своего цирюльника отказался, всё боялся чего-то. Чтобы лишний раз не стричься, сам вечно подпаливал себе волосы на голове и на бороде. Да что я вам все это рассказываю, а то вы сами не знаете, – бросил Пертинакс, кряхтя приподнимаясь и опираясь на подушки.

Рука быстрого на расправу египтянина Эклекта потянулась к мечу, и от взгляда Пертинакса не ускользнуло, как у спальника императора блеснуло на пальце золотое кольцо, подтвер-

ждавшее принадлежность Эклекта уже к всадническому сословию. Лет бросил на товарища злой и недовольный взгляд и, пытаясь угадать в настроении Пертинакса его отношение к факту смерти императора, неуверенно продолжил, хитро прищутив глаз:

– К тому же, мы случайно обнаружили новый список лиц, которых Коммод намеревался казнить этой ночью.

– Точнее, – вмешался Элект, – список обнаружил Филокоммод, тот самый маленький мальчишка, с которым император последнее время играл по ночам и без которого не мог заснуть. Мальчик передал его мне.

Как только Элект замолчал, в комнате стало так тихо, что Пертинакс, прислушавшись к шумам, понял, что в доме, кроме него, все уже давно были на ногах. Лет решил прервать паузу и продолжил:

– Итак, значит, мы его прочли. Первой в списке ожидаемо была Марция, когда-то горячо любимая им наложница. Они с императором, как ты, наверное, знаешь, в последнее время стали откровенно ненавидеть друг друга, не то, чтобы спать вместе.

– Я догадываюсь, кто был вторым, – сказал Пертинакс без какого-либо драматизма в голосе.

– Ну, и кто, – ехидно спросил Лет.

– Либо ты, либо он, – кивком кудрявой головы медленно указал Пертинакс сначала на одного, а затем на другого преторианца.

– А может быть, ты, Пертинакс?!

– Если бы был я, то в списке не было бы вас, а меня сейчас уже не было б в живых. Коммод не смешивал политику со своими личными проблемами. Лучше расскажите, как вам удалось уговорить Нарцисса.

– Расскажи лучше ты, Элект, – кивнул товарищу Лет, – ты же сам всё видел.

– Сначала Марция попробовала напоить Коммода отравленным вином, – начал записывать Элект. – Яд поначалу подействовал усыпляюще, и мы были уверены, что он умрет во сне. Но потом он проснулся, и у него началась сильная рвота.

После этих слов Элект замолчал и сделал шаг в сторону.

– Ну, – скомандовал Лет, – не тяни!

– Ну, чего говорить, ты уже и сам всё рассказал про Нарцисса. Он получил за свою работу ту сумму, которую сам назвал, да ещё согласие Марции на сегодняшнюю ночь – он давно ею бредил.

– Про Марцию это ладно, а вот сам Коммод что-нибудь сказал перед смертью? – не унимался в расспросах Пертинакс.

– Сказал, – улыбнулся Лет и тряхнул головой. – Речь этого перворазрядного секутора всегда была бессвязна. Сам знаешь, что в последнее время Коммод стал так ленив, что всегда ограничивался одной любимой фразой: «Будь здоров»! Даже умирая, он не изменил своей привычке.

Получив ответы на свои вопросы и осмыслив услышанное, Пертинакс, помолчав минуту, спросил:

– И что же вы теперь хотите?

– Хотим исполнить волю императора и остаться здоровыми! – бодрым голосом цинично изрек Лет.

– И как вам это видится, объясните мне, – Пертинакс уже не лежал, а сидел, касаясь подагрическими ступнями мраморного пола. Элект, ничего не говоря, подошел к нему и протянул записку Коммода:

– Прочти сам, ты же знаешь руку императора.

Старик приподнял бронзовый масляный светильник с треножника и с трудом при тусклом свете прочел написанное в свитке.

– Может быть, хватит играть в недоверие?! Мы хотим избежать никому не нужных смертей. Мы считаем, что для Рима будет благом, если императором станет Пертинакс! – городской префект хотел возразить, но Лет движением руки вежливо остановил его, желая продолжить свою мысль: – Верь нам, Пертинакс! Мы не жаждем твоей смерти. Ты заслужил всеобщее уважения римлян. И сенаторы, и плебс верят тебе. Ты опытен в государственных делах и пользуешься популярностью в войсках. Это ты славно прошел путь от центуриона до легата, воевал в Сирии, в Мезии, да и в Дакии тоже. Ты отстоял Норик, за что по настоянию Марка Аврелия тебя наметили в консулы. Ты управлял жаркой Африкой и туманной Британией, тебя знают всюду! Если только ты согласишься, то все командиры Римских армий в Британии, на Рейне и Дунае, а также в Сирии и Египте сразу присягнут тебе. Тебя уважает Писцений Нигер, Клодий Альбин тоже тебе многим обязан, а Септимий Север и вовсе твое доверенное лицо – они все будут рады служить под твоим началом.

Пертинакс сидел, опустив голову, и, казалось, совсем не слушал льстивую речь Лета. Он вдруг вспомнил холодный Норик и Марка Аврелия, то, как император прилюдно сожалел, что не может назначить его, Пертинакса, своим префектом претория, поскольку легат уже числился в списках сенаторов. «Хотя, – улыбнулся себе в бороду Пертинакс, – если бы тогда Марк сделал меня своим префектом претория, то, скорее всего, я бы давно был покойником!»

Старик поднял голову и глубоко вздохнул:

– Я соглашусь принять это звание только при одном условии: если сенат все утвердит согласно древним правилам и традициям.

– Я лично буду отвечать за это дело! – выпалил Лет, довольный собой.

– Но, послушайте, – обратился городской префект к преторианцам, – разве, кроме меня, в Риме не осталось достойных граждан? А сенаторы? Ну, хорошо, а почему бы не предложить это звание Писцению Нигеру? Вспомни, Лет, как он доблестно показал себя в войне с дезертирами шесть лет назад. Или что было бы еще лучше, Клодию Альбину? Это достойные командиры, с большим опытом в государственных делах. Они уважаемы в Сенате, оба из знатных родов, и, главное, достаточно молоды, не то, что я!

– Вот именно, молодые, у всех свои амбиции! – сразу возразил Лет, – это значит, что опять начнется борьба за власть, опять война, опять кровь, а подвалы Храма Сатурна на Форуме давно пусты, этот распутный левша всё растратил. Как держать преторианцев в повиновении, если в Риме нет денег? Выходит, только личным авторитетом всеми уважаемого человека и можно удержать армию и народ от волнений!

– Положим, я принимаю ваше предложение. Что вы намерены делать дальше?

– Я, – сказал Лет, сейчас же направляюсь в преторианский лагерь, чтобы объявить о смерти Коммода от апоплексического удара. Всем известно, что наш император пренебрегал советами врачей не жрать так много на ночь – вот и погиб, задушенный чрезмерной едой. А Элект позаботится о том, чтобы весть о смерти первого секутора империи быстро разнеслась по городу.

– Хорошо, – сказал Пертинакс, – действуйте, но помните о нашем договоре – я приму высокое звание только после его утверждения сенатом.

– Моя охрана останется здесь и проводит тебя, Пертинакс, в лагерь, как только ты приведешь себя в порядок. Мы будем ожидать тебя там. Затем мы проводим тебя в Сенат, сенаторам сейчас будет не до сна! Я позабочусь, чтобы всем им срочно доставили извещения явиться в Курию.

Элект и Эмилий Лет стремительно покинули покои, прихватив с собой всего двух своих охранников. Остальные остались в доме городского префекта, ожидая хозяина. Гельвий Пертинакс, не вставая с постели, хриплым голосом окликнул своего спальника:

– Срочно пошли человека к Виктилианским палатам. Там преторианцы ждут команды, куда нести тело Коммода. Пусть сбегает и лично удостоверится, что император мертв. Я жду его скорейшего возвращения.

Спальник удалился. За своих людей Пертинакс был спокоен, их хорошо знал лично префект когорты ночной стражи, поэтому можно было не опасаться поборов стражников, патрулировавших с фонарями улицы города. Пока слуги хлопотали вокруг него, приводя его одежду в порядок, Пертинакс пребывал в замешательстве. Его терзали сомнения, не совершает ли он ошибку, соглашаясь на такое судьбоносное предложение. Ведь всю свою жизнь он чувствовал отвращение к императорской власти и открыто демонстрировал словом и делом свое негативное отношение ко всему, что связано с ней. Всего того, чего Пертинакс хотел достичь в жизни, он давно достиг, и гордился этим, особенно своим красивым домом с перистилем, богато облицованным мрамором, с большим числом колонн. Он не мог себе представить, как он, человек низкого происхождения, сможет продержаться на троне, который до него занимал император столь высокого и благородного происхождения? А сенаторы? Разве они безропотно согласятся исполнять приказания гражданина, который по всем статьям ниже их? И вообще, разве этого Пертинакс добивался всю свою жизнь?! Он ведь хотел только одного – быть просто богатым и уважаемым римским гражданином, потому что с детства был окружен бедностью.

Городскому префекту вдруг вспомнилось, как у него, молодого командующего флотом в Германии, перехватило дыхание от радости, когда его за военные заслуги решили перевести в Дакию и, главное, назначили жалованье в 200 тысяч сестерциев в год! А каким он был сенатором? Да никаким! Это всё Клавдий Помпейн, зять Марка Аврелия, это он ходатайствовал за Пертинакса, чтобы тому присвоили это ожидаемое всеми римлянами звание, хотя тогда Пертинакс и Курию-то в глаза не видел. А всё потому, что он, молодой командир, хотел услужить Марку Аврелию, которого глубоко уважал и безропотно выполнял все его приказы. Император не забывал отмечать его старания. Сначала он назначил его легатом первого легиона, потом началась жестокая резня за Ретийские области, потом Норик. И тогда вновь сам Марк Аврелий назначил его консулом за выдающееся рвение по службе, хотя за долгие годы военной карьеры он так ни разу и не побывал в Риме! Как же ему тогда, по молодости лет, хотелось снять военные доспехи и облачиться в белоснежную тогу сенатора, а то и в тунику консула с широкой каймой пурпурного цвета, и со всеми знаками отличия пройти по Риму, да так, чтобы все 12 ликторов шли впереди! Или сесть на почетное место на каком-нибудь общественном празднике, чтобы все римские красавицы пялили на него глаза!.. Но планам Марка Аврелия не было суждено сбыться: Кассий поднял против него восстание, и Пертинаксу пришлось в срочном порядке отправляться воевать в Сирию. Потом последовали назначения управлять обеими Мезиями, а вскоре и Дакией. Он успешно справился с заданием императора в этих римских провинциях, и наконец был направлен наместником в Сирию. Смерть Марка Аврелия в Виндобоне от чумы избавила Пертинакса от необходимости бескорыстного служения отечеству, и он вошел во вкус больших денег. Он в деталях помнил, как, будучи консуляром и, управляя поочередно четырьмя консульскими провинциями, торговал освобождениями от работы и военными командировками. Родители Пертинакса к тому времени уже умерли и не оставили сыну никакого наследства. Прибыв в Рим уже очень богатым человеком, он впервые вступил в римскую Курию, хотя и был сенатором много лет. Но не успел он купить себе дом в Риме, как приказом императора Коммода был удален из столицы в родную Лигурию, в имение своего отца. Прибыв в родные Пенаты, Пертинакс скупил много земель и окружил отцовскую сукновальную мастерскую бесчисленным количеством зданий, оставив, впрочем, внешний вид самой постройки неизменным. Три года он успешно занимался торговлей и был счастлив, пока не получил письма от Коммода, в котором император сожалел, что отлучил друга отца от государственных дел, и просил Пертинакса срочно отправиться в Британию для умирения легионеров, поднявших против него восстание. Тогда легионеры были готовы про-

возгласить императором кого угодно, даже его самого, но он остался верен воинской присяге и, подавив восстание, сумел усмирить легионы.

Был случай, когда самого Пертинакса после одного ожесточенного боя зачислили в списки погибших и даже поспешили направить соответствующее письмо в Рим. Произошло это потому, что после боя долгое время никто не видел его живым, и только после разборки трупов погребальная коллегия обнаружила его, оглушенного, под окровавленной грудой римских воинов. Едва окрепнув, Пертинакс поспешил восстановить в своей армии режим жесткой дисциплины. В ответ легионеры демонстрировали своему командующему нескрываемую вражду. Тогда Пертинакс сам был вынужден написать прошение Коммоду отозвать его в Рим, рекомендуя на свое место Клодия Альбина – искусного командира и жесткого служаку, к которому легионы испытывали некоторую симпатию. Только после того, как Пертинакс успешно справился с делами в проконсульской Африке, он наконец вернулся в Рим и был назначен Коммодом на должность городского префекта. На этом посту Пертинакс проявлял к гражданам величайшую мягкость и терпимость. Его человеческие качества высоко ценились римлянами, особенно на фоне свежих воспоминаний о предыдущем префекте – Фусциане, человеке крайне суровом и грубом. Своей честной службой новый городской префект опять угодил императору Коммоду, да так, что был назначен консулом вторично...

...Как только человек Пертинакса вернулся с подтверждением того, что лично видел, как тело Коммода выносили из палат, городской префект в сопровождении преторианцев спешно покинул свой дом и направился в лагерь, где его уже ждали Лет и Элект. Весть о скоропостижной кончине императора быстро облетела сонный город, и народ поспешил к храмам и алтарям воздать благодарность богам. Те, кто посмелее, потянулись к Эсквилинскому холму.

Преторианские когорты, охранявшие императора в Риме, пронумерованные от I до IX и помеченные эмблемой скорпиона, совместно с тремя городскими были расквартированы на склоне Эсквилина за пределами Сервиевой стены, что находилась уже в предместьях Рима. Все двенадцать воинских частей численностью по 500 стражников каждая, размещались в одном лагере. К западу от лагеря находилась тренировочная площадка, которая постепенно заполнялась ликующими горожанами. Пертинаксу, окруженному преторианцами, пришлось буквально протискиваться к воротам лагеря. Охранник, услышав пароль, приоткрыл ворота, пропуская вооруженных преторианцев и бородатого старца, облаченного в белую тогу с широкой пурпурной полосой. Едва закрылись ворота, как толпа, прежде выкрикивавшая разные непристойности в адрес покойного императора, перешла на скандирование «Пертинакс! Пертинакс!» Освещенный факелами лагерь был в полном сборе, и Лет наконец торжественно взял слово:

– Император наш Коммод умер от апоплексии, а виноват в такой смерти он сам перед собой! Не соглашался он с нами, дававшими ему всегда наилучшие и спасительные советы, и прожил так, как вы хорошо знаете. Он погиб, задушенный чрезмерной едой. Но вместо него мы и римский народ ведем вам мужа возрастом почтенного, по образу жизни воздержанного, человека испытанной в делах доблести. Старшие из вас испытали его воинские деяния, а остальные много лет уважают его и восхищаются как городским префектом. Его власть будет радовать не только вас, являющихся его телохранителями, но и тех, кто размещен по берегам рек и границе Римской империи, они тоже хранят в памяти его испытанные деяния. Хватит подкупать варваров деньгами, они покорятся нам из страха, как когда-то они покорялись ему, когда он командовал войсками!

Ответная речь Пертинакса была также краткой, поскольку всё, что преторианцы желали услышать, должно было уместиться в ответе на один вопрос: «Сколько?» – сколько получит каждый преторианец от нового императора в качестве подарка, если они провозгласят его Августом. Публий Гельвий Пертинакс, поблагодарив Лета и Электа за доверие, назвал долгожданную сумму подарка: каждому преторианцу будет выдано по двенадцать тысяч сестерциев. Простому народу пожаловали по 100 денариев на каждого. Преторианцы ожидали большего

но, скорее под давлением всеобщего народного воодушевления, чем по здравому смыслу, признали императором Пертинакса тут же, в лагере, присягнув ему на верность.

Из лагеря в Сенат Пертинакса провожала охрана Эклекта, но двери Курии оказались закрытыми, поскольку никто не мог найти сторожа в столь поздний час холодной зимней ночи. Пертинакс временно отсиживался в соседнем храме Конкордии, когда к нему подошел Клавдий Помпеян, и был искренне рад появлению своего друга, ему даже показалось, что усталость и головная боль немного отступили. Зять Марка Аврелия, укутанный в сенаторскую тогу, крепко обнял Пертинакса и принялся оплакивать участь Коммода. Оглядевшись по сторонам, Пертинакс шепотом, припав к уху друга, стал уговаривать его принять императорскую власть вместо себя, упирая на государственный опыт Клавдия и уважение, с которым к нему относилось большинство сенаторов, но тот, даже не дослушав, отверг его просьбу, объясняя это решительными намерениями Эмилия Лета видеть принцепсом в Сенате только Пертинакса и готовностью войск преторианской гвардии при любых обстоятельствах и во всем быть солидарными с мнением своего командира. Вскоре к зданию Курии подтянулись все главные должностные лица, появились и консулы. Нашелся и сторож с ключами. Пришли все, кому срочно были направлены личные извещения. Заседание Сената проходило при открытых дверях. Сенаторы заняли свои скамьи, курульные магистраты уселись на особых креслах, трибуны сели на свои места, председатель разместился, как всегда, на возвышении. По заведенному порядку до заседания были произведены ауспиции¹².

Председатель открыл заседание Сената нетрадиционным образом, начав с доклада о чрезвычайных ночных событиях. Обычных докладов на религиозные темы по понятным причинам в этот день не было. Доклад председателя, осуждавшего деяния почившего Коммода, вскоре плавно перешел в хвалебную речь Публию Гельвию Пертинаксу, и все надежды городского префекта на то, что власть будет передана в руки кого-нибудь из достойных сенаторов, как когда-то она была передана Нерве после убийства Домициана, стали рушиться на глазах. Как только Пертинакс окончательно убедился, что председательствующий не собирается представлять свой доклад на обсуждение, поскольку никто из сенаторов не выдвигал никаких требований, он попросил слово, прервав докладчика:

– Не спешите принимать поспешные решения, – почти прокричал он с места, едва встав, – я стар! Способен ли я действовать с бодростью, энергией и осмотрительностью, необходимой императору? В Сенате так много достойных лиц, ну вот хотя бы Глабрион... – Пертинакс схватил своего соседа по сенаторской скамье за рукав шерстяной тоги. – Глабрион – один из знатнейших патрициев, свой род он возводит по прямой линии к Энею, сыну Афродиты и Анхиса и уже два раза был консулом!

Теперь все сенаторы обратили свои взоры на Глабриона. После долгой паузы тот встал:

– Благодарю за высокое доверие, но сам я, кого ты считаешь достойнейшим из всех, уступаю тебе власть. Я и все прочие своим единодушным голосованием отдаем тебе всю её полноту!

Сенаторы, поднявшись со своих скамей, стали призывать Пертинакса принять императорский титул и заставили вконец растерявшегося старика занять место принцепса. В своей ответной речи Пертинакс, дрожа от волнения, дал согласие принять власть и призвал Сенат разделить с ним все заботы о процветании государства. Но, как только он принялся выражать признательность не только Сенату, но и префекту претория Квинту Эмилию Лету, консул Фалькон перебил оратора едкой репликой:

– Позади тебя мы видим сидящих Лета и приглашенную на слушания Марцию, соучастников Коммода в его преступлениях, и после твоих хвалебных им речей можем предположить,

¹² Ауспиция – предсказание будущего на основе наблюдений за поведением птиц.

каким ты будешь императором, – консул подтянул тогу и тяжело опустился на своё складное курульное кресло, украшенное слоновой костью.

– Ты молод, консул, – не дрогнув, спокойно ответил Пертинакс, – и не понимаешь необходимости склоняться перед обстоятельствами. Упомянутые тобой Лет и Марция повиновались Коммоду против воли, а как только представилась возможность, они показали, каковы были их истинные желания.

Пертинакс сел на свое место, и председатель сразу обратился к членам Сената с предложением прямо утвердить притязания Пертинакса на императорскую власть, не обсуждая более никаких других кандидатур. Единогласным решением Сената тот был объявлен императором. Председатель провел ладонью по потному лбу и произнес традиционную в такой момент и столь долгожданную фразу: «Дольше мы не задерживаем вас, господа сенаторы». Все встали с мест и впервые за много лет, направляясь к выходу, вслух заговорили о том, что давно хотели сказать, но страх доносов и проистекавших из них последствий заставлял их молчать.

После совершения обычных жертвоприношений в Храме Юпитера Пертинакс в сопровождении охраны удалился в императорский дворец. Священная дорога на Форуме была в этот час совершенно безлюдной. Поднимаясь по высоким ступенькам на Палатинский холм, он чувствовал, как усталость от бессонной ночи и волнений сковывала мышцы его ног. Эклект предложил императору передохнуть. Пертинакс поднял голову вверх, любуясь яркими звездами на черном небе. Старческие слезы потекли по его щекам: «Нет, Эклект, надо спешить! У нас ещё есть дела, которые мы должны решить до рассвета».

Палатинский дворец, с тех пор, как его покинул Коммод со своей шумной свитой, казалось, звенел от пустоты и тишины. Пертинакс, вступив во Дворец Флавиев, был ошарашен беспорядком, царившем в Триклинии, бывшем гордостью архитектора Рабирия. На лице нового императора слуги читали раздражение и упрек. Пертинакс нагнулся и, подняв с мраморного пола небольшой серебряный кубок, повертел его в руке. Прекрасная работа неизвестного мастера по серебру изображала юношей, занимавшихся друг с другом любовью в самых изощренных позах. Кубок был липким от вина, и он, поставив сосуд на бронзовый треножник, брезгливо обтер руку о свою тогу, предварительно поплевав на ладонь. Задумался, но услышав голос трибуна, вздрогнул.

– Что? – спросил император. – Какой пароль?

– Пароль на первый день службы охраны дворца, – отчеканил трибун.

– Будем воинами! – тихо себе в бороду произнес Пертинакс.

– Не понял, принцепс, – испуганно переспросил его трибун.

– Пароль на сегодня: «Будем воинами!», – произнес уже громко император.

Этот пароль Пертинакс придумал сам очень давно, и когда командовал легионами, любил давать его своим центурионам. Охрана Эклекта переглянулась. В устах императора пароль прозвучал как упрек и выражал порицание за бездеятельность их предшественников. Пертинакс отошел от трибуна и подозвал к себе Ливия Лавренца.

– Слушаю, император, – почтительно наклонил голову прокуратор наследственного имущества Коммода.

– Сейчас же организуй и проследи лично, чтобы тело Коммода выдали Фабию Хилону.

– Это кто, – удивленно поднял брови прокуратор.

– Его, кажется, наметили в консулы. Я уже говорил с ним, он ждет. Фабий займется погребением усопшего Коммода сегодня же ночью, в усыпальнице Адриана.

– Ночью? Но Сенат по этому поводу... – задрожал прокуратор, приложив ладонь ко рту.

– Делай, как я велю, – Пертинакс оборвал прокуратора, – помню тебе, всаднику, назначили жалованье в 200 тысяч сестерциев в год. Так, кажется? – прокуратор кивнул и, заморгав от страха, промычал: «Угу». – Если так, тогда чти память его. Я не допущу кощунства над его телом.

– Будет исполнено, как велит император, – уже уверенным голосом произнес Ливий Лавренц и скрылся за спинами личной охраны Пертинакса.

– Элект, – настала очередь спальника, – ты, вот что... Сегодня взысканий по службе не будет! Дисциплина в отряде должна быть восстановлена, – Пертинакс обвел взглядом пиршественный зал и покачал головой. – Сколько нужно времени, чтобы навести здесь надлежащий порядок?

– Я сейчас же подниму все службы и выясню.

– Выясняй, только побыстрее. Завтра, точнее, уже сегодня к вечеру дворец должен блеснуть, ко мне придут гости, – Пертинакс замолчал и ещё раз обвел зал своим цепким взглядом.

– Какие ещё будут приказания, – обратился Элект к императору.

– Всем, кто свободен от караула, прикажи отдыхать. Я буду спать здесь у огня, на полу. Как только рассветет, все должны быть в сборе. Меня разбудишь первым, если я, конечно, усну, – сказал Пертинакс с сомнением в голосе.

С рассветом Пертинакс отправился в Курию на очередное заседание Сената. Он ещё не успел облачиться в императорский пурпур и, шествуя по людному Форуму в окружении охраны, был одет в ту же белоснежную тогу сенатора. Перед выходом из дворца император обратился к Электу с просьбой избавить его хотя бы на этот первый день от факелов и других пышных символов своей власти. Народ шумно приветствовал появление Пертинакса на Форуме, на этот раз без страха быть избитым дубинками преторианцев: молва о распоряжении нового императора своей гвардии прекратить своеволие в отношении простого народа и не носить на улицах Рима дубинок, быстро распространилась по городу.

Хотя безупречный образ императора Пертинакса и довлел ещё над зыбким авторитетом Сената, но, пусть поначалу и нерешительно, сенаторы с самого начала заседания стали высказываться по поводу поспешного захоронения Коммода. Даже скромный Цингий Север, понтифик, чье мнение традиционно считалось мнением всей коллегии понтификов, изрек: «Незаконно похоронили его. Я предлагаю уничтожить всё то, что принудил нас поставить в свою честь человек, живший только на погибель гражданам и на позор себе. Статуи, стоящие повсюду, следует убрать, имя его соскоблить со всех памятников, как частных, так и государственных, а календарные месяцы пусть носят те названия, какие они имели раньше...» Нашлись сенаторы, которые требовали, чтобы труп врага отечества, этого злодея и горе-гладиатора был растерзан в споллиарии Колизея, там, где добивали тяжелораненых гладиаторов и раздевали убитых. Пертинакс не разделял их мнения, поэтому сидел тихо и старался не принимать участия в этом жестком разговоре.

Он хорошо знал и помнил Коммода ещё совсем юным мальчиком. Помнил то время, когда почти пятнадцать лет назад народ Рима и сенат с ликованием встречали будущего императора, сына великого Марка Аврелия, вернувшегося вместе с отцом из Египта. Пертинакс всё время пребывания Марка в восточных провинциях был рядом с Коммодом. Юноша был великолепно сложен, взор имел ласковый, волосы от природы у него были белокурыми и вьющимися. «Ну, чем не ангел», – думал Пертинакс, глядя на него. Неспроста ему, Пертинаксу – в то время уже наместнику Сирии, рассказывали, что все женщины Рима, не исключая величавых матрон, мечтали оказаться во дворце на званных пирушках красавца Коммода, а ещё лучше, в спальнях покоев этого совсем юного императора. Мальчик, как и было положено в 14 лет, надел мужскую тогу. Произошло это в день июльских нон, то есть в день, когда Кассий поднял восстание против Марка. Пертинакс рассуждал: «Разве не Сенат виноват был в том, что мальчик в 15 лет вследствие изъятия Закона о возрасте, а, значит, практически незаконно, получил первое консульство? Затем, за четыре дня до декабрьских календ, в консульство Поллиона и Апра (27 ноября 176 г. от Р.Х. – прим. авт.) был вместе с отцом провозглашен императором и вместе с ним отпраздновал триумф! Ведь сенаторы вынесли это постановление не под нажимом Марка Аврелия, а вопреки ему, а тогда их жизни никто не угрожал!» От гнева кровь заки-

пала в жилах Пертинакса. «Даже когда Марк Аврелий ещё был жив и воевал в Норике, Коммод, будучи в Риме, по наущению старших товарищей-сенаторов занимался у себя во дворце не только игрой в кости... Он собирал по всему Риму самых красивых проституток, не брезгуя и пышнотельными матронами не первой свежести, и превратил Палатин в самый обыкновенный лупанар! А ведь тогда ещё можно было всё изменить и сделать так, чтобы Коммод не стал подобием Калигулы. Но, когда у Коммода, панически боявшегося подхватить венерическую заразу и мывшегося по семь раз в день, появилась большая опухоль в паху, выпиравшая сквозь шелковые императорские одежды и ставшая заметной всему народу, что-то делать по мнению Галена было уже поздно. Оставалось только верить в скорую его кончину. И вот теперь труп молодого тридцатилетнего мужчины эти сенаторы хотят крюками тащить по всему Риму, а то и бросить в Тибр, как собаку! Они, сидя в Курии, уверовав в свою полную безнаказанность, забыли, что Коммод – член великой династии! Нерва, которого Сенат избрал императором после убийства Домициана, стал первым в ряду Властелинов Мира, которых римский народ называл хорошими. Дальше шли Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий – все гордость Рима. Народ Рима должен знать свою историю и хранить её в письменах своего Табулярия, чтобы учиться на ошибках других». Пертинакс не в силах был остановить лихорадочный поток своих размышлений: «Впрочем, а кто в Сенате сейчас знает свою историю? Ведь в Курии больше не заседают представители древней римской аристократии – большинство из них погибло по спискам проскрипций Суллы и в гражданских войнах во времена Августа, а тех, кто уцелел, последовательно истребили Калигула, Нерон и Домициан. А сейчас половина мест в Сенате была куплена у Коммода богатым торговым людом за деньги! Вместо того чтобы болтать о Коммодe, лучше следили бы за ходом работ по строительству колонны Марку Аврелию, а то уже 12 лет прошло, как Сенат постановил увековечить память императора, а строительство никак не завершат».

Шум в зале привлек внимание императора, и он прекратил плавание по волнам своей памяти. Текст постановления сената был передан для оглашения незнакомому Пертинаксу молодому сенатору. Тот, надрывая голосовые связки, начал изрекать здравицы в адрес тех, от действий кого сейчас зависело многое, если не всё:

– О, Юпитер, всеблагий величайший! Сохрани нам Пертинакса, чтобы мы были невредимы! Честь и слава верности преторианцев! Честь и слава преторианским когортам!

В тот же день было принято и сенатское постановление о присвоении титула Августа жене Пертинакса. Юный сын императора Гельвий был удостоен звания Цезаря. Пертинакс же первым из всех императоров получил наименование Отца Отечества – в тот же день, когда он был назван Августом. Императору была вручена и проконсульская власть, и право четырех докладов. Пертинакс воспринял всё это как знамение и покидал Курию в мрачном настроении, поскольку был очень недоволен желанием Сената видеть свою жену Августой, а сына Цезарем. Приветливого и любезного, сенаторы считали его еще и на деле щедрым, однако же на самом деле Пертинакс был человеком скупым, если не сказать скрягой, и сейчас его беспокоило состояние государственного казначейства. Когда, покинув Курию, Пертинакс сразу очутился на Форуме, мощеная площадь, символ имперского величия, предстала его помутненному взору лишь только Храмом Сатурна – хранилищем государственных ценностей. У Пертинакса защемило сердце, когда он вспомнил ночную встречу с патроном императорского казначейства и свое возмущение после уточнения размера остатков – только двести пятьдесят тысяч денариев и все!

Такой бедности Рим давно не знал. Пертинакс испытывал стыд за своих предшественников. Когда-то адвокаты императорского казначейства, защищавшие интересы фиска, при отчете в Сенате с гордостью называли размер остатков хранения государственных сокровищ в Храме Сатурна. Звучали огромные цифры. Даже Марк Аврелий, вступая на престол, получил в наследство от усопшего Антонина Пия целых шестьсот семьдесят пять миллионов. То, что

казна сейчас опустела, было на совести не только Коммода, но и почти всей его великой родни. В свое время Адриан имел привычку по каждому удобному случаю отправляться в долгие путешествия по просторам своей империи и получать в казначействе при согласии Сената огромные средства на путевые расходы, и этим практически опустошил казну. Если великий Адриан так расточительно вел хозяйство империи, то что мешало Коммоду следовать примеру своего сородича и не запускать руку в государственную казну, скажем, на те же путевые расходы по отдаленным провинциям? Деньги ему на эти цели казначейство действительно выдавало большие, только Коммод ни в какую Африку не ездил, а организовывал у себя во дворце безумные оргии и бесконечные игры в кости – в общем, бережливым хозяином Коммод в народе никогда не слыл. Отец же его, незабвенный Марк Аврелий, больше заботился о чистоте своей души, нежели о чистоте финансовой отчетности, поэтому казна и при нем никогда не была полной.

В глубине души Пертинакс осуждал себя за то, что смел даже в мыслях критиковать великих за их деловую беспечность, но ничего с собой поделывать не мог – мешала натура расчетливого торговца. Император озабоченно прикоснулся к своей бороде и, как всегда в такие моменты, вспомнил Адриана – ведь именно он, вопреки традициям, переняв моду у варваров, стал первым носить бороду.

Пертинакс сожалел о собственном заявлении в Сенате о необходимости прекратить излишние поборы с населения, введенные Коммодом. Он сознавал, что сейчас это было преждевременным, так как затруднит выполнение государством своих функций. Для сохранения деловой активности и в целях сокращения расходов Пертинакс не сменил ни одного должностного лица, которым Коммод поручил управление делами. Новый император дал себе слово, что начнет смещение неугодных магистратов только после окончания праздника Дня рождения Рима. Этот день должен был, по мнению Пертинакса, стать началом новой жизни. Парилии, праздник, отмечаемый горожанами 21 апреля, был для него самым любимым – римляне традиционно жгли костры и танцевали вокруг них, и завершались торжества также под открытым небом...

Первый январский день был с утра холодным, хотя и солнечным, и только мысли об апрельских праздниках грели душу Пертинакса. Особенно отрадна для престарелого императора была пора Флоралии, наступавшая через неделю после Парилии. Всегда это было море цветов и тепла! Вот именно тогда он станет настоящим императором и назначит на все ключевые посты своих верных друзей.

Пока вооруженные преторианцы перекрывали площадь, обеспечивая для императора проход через Форум, многолюдная толпа случайных прохожих, завидя почтенного старца с длинной бородой, кричала: «Пертинакс, мы с тобой!». Страх, поселившийся в душах римлян за долгие двенадцать лет правления Коммода, сменился светлой надеждой. Пертинакс невольно с радостью поймал себя на мысли, что гибель Коммода никак не повлияла на жизненный уклад столицы империи. Так же, как и днем ранее в установленный час включились все 1150 римских фонтанов, бесперебойно подавалась вода по одиннадцати имеющимся акведукам, три десятка общественных библиотек готовились к приему читателей, в театрах начались утренние репетиции.

Пертинакс медленно поднимался на Палатин.

– Слушай, Лет, – обратился он к префекту своей гвардии, – сегодня я хочу пригласить к себе во дворец на праздничный обед всех должностных лиц и видных сенаторов. Прошу тебя разослать им приглашения, вот список, – и Пертинакс протянул Лету узкий свиток.

– Будет исполнено, принцепс, только осмелюсь заметить, что Коммод этого обычая не соблюдал!

– Это была его ошибка, и вообще, человеку свойственно ошибаться, – улыбнулся Пертинакс.

– Человеку – да, но не Августу!

– Будь снисходительнее, префект!

– Я вижу в этом списке около сотни гостей. А если они с женами придут? И не было распоряжения, где готовить прием.

– Всех буду принимать в триклинии!

– А почему именно в триклинии, а не в царском зале?

– Когда-то Марк Валерий Марциал, восхваляя Домициана, пусть и чересчур льстиво, за то, что Рабирий завершил строительство дворца, как и обещал, за 10 лет, восхищался именно триклинием. Он писал: «Сами боги могли бы здесь вкушать нектар и принимать из рук Ганимеда священную чашу». Я ещё ночью дал поручение Эклектору привести там всё в порядок. Ты же обеспечи должную охрану и дисциплину. Хочу, чтобы все пришли в триклиний, пока не стемнело. Так что поспеши.

– Да, ваше величество, важный вопрос – кушанья должны быть скромными, как при Августе, достойными, как при Тиберии или необычайно дорогими, как при Коммоде?

– Дерзишь, Лет! – император улыбнулся. – Сам знаешь, что денег в казне нет. И так голова идет кругом, ума не приложу, где для начала взять обещанную для твоих преторианцев сумму, я должен держать слово!

– Да, принцепс, преторианцы ропшут, требуют денег – по 12 тысяч сестерциев, как было обещано. Что им ответить, не знаю.

– Заверь, что скоро получат. Только распродадим имущество Коммода, постараюсь, чтобы каждый получил по 6 тысяч. Остальное придется выдать месяца через три, не раньше. Так что пусть столы накрывают без излишеств, обойдемся без фазанов.

– Император, а какую одежду приготовить для торжества?

– Какую? А что, моя старая тога не подойдет? Не помню, в чем Коммод принимал гостей?

– Он предпочитал белую шелковую тунику, вытканную золотом, с рукавами, – Лет продемонстрировал на себе, как это должно было выглядеть, сделав плавный жест свободной рукой.

– В таком случае я буду, как Нерон, в тунике с цветами и с кисейным платком вокруг шеи. Сегодня же вызову цирюльника, попрошу побрить себе ноги и удалить с груди седые волосы!

– Неужели это свершится, император? – раскрыл рот от удивления префект претория.

– Эх ты, был бы я помоложе, дал бы тебе пинка под зад, чтобы ты старика не подначивал!

Лет сдержал слово – солнце только начало клониться к закату, а почетные гости императора уже потянулись к дворцу. По приказу префекта претория караульный пост преторианцев никого из приглашенных не обыскивал. Пертинакс, стоя у дверей приемного зала, лично приветствовал каждого, целуя наиболее высокопоставленных из своих друзей. Самых почтенных всадников без чьей-либо подсказки называл по именам, всегда предупреждая их приветствия. Все гости отметили эти знаки доброжелательной демократичности. Они проходили через просторный перистиль, окруженный портиком. Высокие колонны из каррарского мрамора, поддерживавшие крышу перистилия, и мраморные плиты из Нумидии, покрывавшие высокие стены, сверкали чистотой и поражали шиком. В глубине перистилия, напротив зала приемов, широкая дверь вела в триклиний. Согласно римскому обычаю, тут стояли три длинных довольно низких стола: два вдоль боковых стен, а третий как раз напротив входа, как бы в отдельном, очень роскошном помещении, напоминающем апсиду. Пол из порфира и змеевика блестел чистотой. За третьим столом и разместился Пертинакс вместе с самыми важными государственными магистратами. Ночь ещё не наступила, и поэтому с каждой стороны из пяти больших окон, разделенных красными гранитными колоннами, открывался вид на нимфеи с мраморными бассейнами, окруженными статуями в нишах. Со своих лож все гости могли видеть воду, бившую из фонтанов и струившуюся по ступенькам из мрамора среди зелени и благоухающих цветов. Столы сверкали начищенной серебряной посудой и хрусталем. Согласно традициям, которые чтит Пертинакс, только император имел привилегию пользоваться за столом золотой посудой, поскольку ещё Тиберий особым указом запретил её использование част-

ными лицами. Гости пришли в тогах, и лишь магистраты позволили себе надеть знаки отличия. Военные по обычаю появились при полном параде, а придворные слуги были одеты в белые ливреи, отделанные золотом.

Сенаторы ожидали от Пертинакса, что он и во дворце продолжит делать громкие заявления, и не ошиблись. Как только слуги наполнили кубки гостей вином, разбавленным морской водой или по выбору медом со специями, Пертинакс поднял золотой сосуд и сделал многозначительную паузу. В триклинии наступила тишина, и шум фонтанов заставил его прислушаться к музыке падающих струй. На его лице появилась улыбка:

– Наши предки уверяли нас, что правда в вине. Пусть будет так, но сейчас всё, что я хочу слышать на старости лет, это не скрежет мечей, а журчание ручьев. Я принял от Сената императорскую власть и спешу объявить, что полностью отменяю сыск по делам об оскорблении величия и клянусь, что возвращу всех, кто был незаконно отправлен в ссылку. Я также обязан реабилитировать память тех, кто был казнен, но что касается моей семьи... – принцепс посмотрел на свою жену. – Я благодарю сенаторов за оказанную честь, но сейчас мы пьем вино и будем говорить только правду. Поэтому я не могу согласиться с решением Сената и принять для моей жены титул Августы, а для сына – Цезаря. Во всяком случае, пока не могу.

– Но, когда же? – воскликнул близкий друг Августа, Клавдий Помпеян, приподнявшись с кресла.

– Когда? – переспросил Пертинакс. – Когда заслужат! Мой тесть, – и Пертинакс рукой указал на Флавия Сульпициана, сидящего напротив него, – сегодня стал префектом города. Я решил так, потому что он лучший, и вы, сидящие здесь, это знаете. Он заслужил это своей доблестью и знаниями. А сейчас давайте же веселиться! *Gaudeamus igitur!* – закончил он свою короткую речь.

Столы не ломились от изысканных заморских яств, и гурманы были разочарованы. Зато вина было много. Лучшее фалернское, каленское и, в особенности, формианское не успевали размешивать и подавали в больших золоченых кувшинах. Были греческие вина из Хиоса и с Лесбоса. По взволнованным лицам разодетых матрон, близких подруг Тицианы, и растерянным взглядам знакомых сенаторов Пертинакс понимал, что почти никто не разделяет его благородных помыслов. Особенно громко недоумевали два народных трибуна, что стояли подле центральной колонны. Одного из них звали Публиций Флорин, а имя другого Пертинакс никак не мог вспомнить, пока не услышал, как того окликнул его тесть Флавий Сульпициан:

– Не слишком ли много выпил вина благородный Векций Апра?

– Представь, необходимость заставила, – язвительно ответил тот. – Не всегда, сенатор, по трезвости ума можно понять намерения нашего императора, – Векций поклонился назначенному Пертинаксом и утвержденному на утреннем заседании сената новому префекту Рима и продолжил: – Мне и моему другу Публицию Флорину очень жаль, что принцепс упорствует вопреки постановлению Сената о присвоении Тициане титула Августы. Лишить императрицу чести, которой её удостоили и которой так гордились её предшественницы, может только наш император.

– Да уж, он упрям и сполна оправдывает своё имя.

Сульпициан увидел свою дочь, стоявшую в одиночестве, и поспешил к ней, находя в глазах знатных трибунов полное понимание. Пир был в разгаре, и возлежавшие на триклиниях отцы-сенаторы шутили и одобрительно посмеивались, наблюдая за фривольным поведением броско разодетых матрон, хотя согласно римской традиции те и не пили вина. Для всех присутствовавших гостей было очевидно, что манеры и привычки Пертинакса, ставшего императором, совсем не изменились, поэтому все его друзья позволяли себе общаться с ним, уже Августом, с прежней фамильярностью. Многочасовая вечерняя трапеза угрожала затянуться далеко за полночь. Сотня рабов без усталости продолжала подавать вино, резать мясо и убирать объедки, которые согласно обычаю знатные римляне бросали под стол. В конце пиршества

была разыграна новогодняя лотерея, по результатам которой счастливицы тут же получили большие призовые суммы в кожаных мешочках под одобрителный гул разодетой толпы.

Когда торжество наконец завершилось, всюду засуетились слуги, а спальник приступил к исполнению своих обязанностей, едва император пожелал перейти из Царского зала дома Флавиев, откуда провожал гостей, в Дом императоров, где располагались теперь его покои. Ближайшие родственники Пертинакса поспешили за Отцом Отечества и нагнали его, когда он уже шел по огромному прямоугольному перистиллю, окруженному галереей с колоннами. Восьмиугольный фонтан с низкими бортиками, построенный в виде лабиринта, своим журчанием заглушал гулкие шаги слуг и родственников, поэтому Пертинакс вздрогнул, когда услышал совсем рядом со своим ухом высокий голос Тицианы. Она шла, обняв сына и дочь, будто боялась, что отец хочет их наказать. Тесть следовал чуть поодаль.

– Почему ты к нам так суров, Гельвий, – начала Тициана.

Пертинакс устало махнул рукой, словно хотел избавиться от назойливой мухи:

– Довольно и того, что я дал согласие принять верховную власть, которой, чувствую сердцем, недостойн. Ты, Тициана, вознамерилась ощутить себя богиней, чтоб перед тобой всюду таскали священный огонь. Скажи, зачем?

– Но они сами так решили! – высокий голос женщины эхом разносился по дворцовым комнатам.

– Знаешь, когда Коммод наметил в консулы любовника своей матери, сенат в насмешку присвоил ему почетное имя Почтительный. А когда Коммод казнил Перрерия, сенат присвоил ему титул Счастливый. Коммод был по-юношески горд, а народ-то смеялся над ним! Я же не хочу быть посмешищем, не хочу, чтобы и над тобой смеялись. Ты не Святая Тициана, и ты это знаешь. Послушай, ты же все понимаешь, ты всегда хотела быть свободной женщиной, и за эти свои права боролась. Так будь ею! Разве быть богатой, красивой и свободной тебе недостаточно? Ещё сутки назад, ночью, ты опасалась, что за мной, городским префектом и старым сенатором, явилась смерть, и затаилась в нашем саду. Сегодня ты хочешь славы и народного поклонения. А что ты сделала для этого?! Что сделал для этого я? Ничего! Короткого пути к счастью не бывает – так считал божественный Аврелий.

– Что с тобой, Гельвий, вижу, тебя что-то гложет? – теперь к императору обратился отец Тицианы. – Может быть, тебя смущает твое низкое происхождение? Так бери пример с Веспасиана, происхождение его было даже ниже, а кем стал?! Основал свою династию Флавиев, на Форуме стоит храм в его божественную честь! Стоит только намекнуть, и сенат завтра же включит тебя в список патрицианских фамилий.

– Дело в том, что важна традиция, существовавшая до Веспасиана, когда императорами становились уже будучи патрициями. Путь, который предлагаешь ты, Флавий, мне, безусловно, знаком. Подобным образом патрициат получали многие, и не только императоры.

– Так будь и ты таким!

– Не смею! К тому же в этом случае каждый легионер скоро почувствует тягу к императорской власти.

– Отец, ты что не видишь, ему гордость не позволяет, – язвительно пояснила Тициана.

– При чем тут гордость? Совесть нужна! Или вы считаете, что римлянину это чувство не знакомо?

– Ну, хорошо, продолжай всем доказывать, что ты не жаждешь славы в своем положении. Но почему ты отказался воспитывать своих детей во дворце, – громко возмущалась Тициана.

– Потому что не хочу, чтобы у меня в семье вырос второй Коммод!

– Ты, Гельвий, открой глаза и посмотри на своего сына – он же унаследовал твой характер, причем тут Коммод? – тихо спросил Сульпициан.

– Знаешь, тесть, я хорошо знал Марка, мы с ним часто сживали в холодную погоду у огня и вели душевные беседы. Он тоже поначалу восторгался своим сыном, иначе, почему

ты думаешь, он согласился, чтобы Коммода провозгласили Цезарем? Здесь на Палатине, в этих стенах ещё не успел выветриться дух разврата. Я уже сказал, и повторять не стану – придет время, заслужит, станет Цезарем.

Пертинакс пристально посмотрел на свою взрослую дочь и сына:

– А вы, дети мои, знайте – то, что было обычным для императорских детей, сейчас не для вас. Я запрещаю вам появляться на людях в нарядах, убранствах и украшениях, подчеркивающих ваш высокий ранг. Я и сам хотел бы вернуться к частной жизни, потому и вас не хочу держать во дворце, чтобы здесь занимались вашим воспитанием. Читайте больше Юлия Цезаря, он осуждал любой вид показной роскоши. Он даже запрещал незамужним, – тут Пертинакс потряс пальцем в сторону дочери и жены, и замужним, но бездетным женщинам пользоваться паланкином. Только матроны старше 41 года имели право носить жемчуга! Сейчас же не поймешь – то ли она матрона, то ли проститутка, так разоденется и покрасит волосы, что стыдно. Золото блестит, где только можно, тьфу, да не прогневаются на меня боги!

– Будет тебе, зять, – вновь вступил в разговор Сульпициан, – ты-то ведь не Гай Юлий Цезарь! К твоему сведению, Цезарь также запрещал хранить дома более 15 тысяч денариев!

– Ну, и что? Намекаешь на то, что я храню свои деньги дома?

– Да нет! Я о том, что ты, будучи честным человеком, не смог бы так быстро стать таким богатым, живи ты во времена Цезаря!

– Ты ещё назови меня полевым нырком, как те завистливые сенаторы, что глупы и ленивы. Не уподобляйся тем, кто полагает, что я разбогател, разоряя землевладельцев в Сабатских Бродах. Я так тебе скажу, Сульпициан, что с тех пор, как Законы двенадцати таблиц появились на Форуме, обычай перестал служить главным руководством для граждан, но со временем знание Закона стало не столько необходимостью, сколько доходной профессией. Уметь правильно работать с Законом не значит нарушать его, и если верхний предел выплаты по кредитам был установлен им в размере 8,3 процента, значит, этому нужно было неукоснительно следовать! Закон суров, но это...

– Ладно, Гельвий, успокойся, – взмолился Сульпициан.

– Так вот, – продолжил Пертинакс, будто не слышал тестя, – я следую букве закона и богатым стал тоже законно, согласуя свою коммерческую деятельность и с легальными ростовщиками, и с помощниками квестора.

– Да не упрекаем мы тебя в нарушении законов, не беспокойся! И прекрати называть себя богатым! Да, ты занимал высокие должности, ты зажиточен, но обладаешь ничтожным, по сравнению с другими, имуществом. Может, это и спасло тебя от кары Коммода.

– Думайте, что хотите, но заверяю вас в том, что я буду стремиться оставаться в глазах граждан таким же, каким был и раньше. Сейчас же я устал и хочу спать, давайте перенесем семейные выяснения отношений на потом.

Эклект получил от императора подтверждение, что пароль на следующий день останется прежним – «Будем воинами»! «Он что, совсем спятил, давать нам такой пароль, – думал трибун, покидая ларарий, служивший штабом во Дворце, – сегодня же доложу Лету, что если так пойдет и дальше, нас совсем перестанут уважать рядовые преторианцы»!

На следующий день после календ по городу стали низвергать статуи Коммода. Преторианцы недовольно ворчали: «Вчера нам запретили чувствовать себя хозяевами на ночных улицах, отобрали дубинки, а обещанных денег так и не дали. Сегодня проявляют неуважение к памяти Коммода, а завтра дешевые проститутки на Аппиевой дороге будут требовать с нас плату за удовольствия»! Префект претория Эмилий Лет предвидел заранее такие настроения, но не пресекал высказывания своих подчиненных.

Государственные дела занимали у Пертинакса всё время, свободное ото сна. Его мудрое поведение день ото дня укрепляло всех сенаторов во мнении, что именно он и есть тот император, который достоин управления Вечным городом. Пертинакс принимал важные для Рима

законы, изгонял из города доносчиков и стукачей, считая их врагами мира и общественного спокойствия, отменял обременительные налоги, мешавшие, по его мнению, развитию торговли и процветанию коммерции, а также лично следил в порту за поставками хлеба. Перед тем, как выплатить задолженность по денежному довольствию легионеров, он решительным образом потребовал от легатов и наместников провинций укрепить пошатнувшуюся воинскую дисциплину. Пертинаксу быстро удалось уменьшить расходы на содержание императорского двора вдвое против прежнего. Никто из патрициев не посмел осмеять его бережливость, наоборот, все старались следовать примеру императора. Первое время, особенно по вечерам, у Пертинакса от забот кружилась голова, зато восстановился крепкий сон.

Для того чтобы государственное казначейство было в состоянии справляться со своими проблемами, Пертинакс приступил к аукционным распродажам богатства Коммода. С молотка ушли все мальчики и наложницы, шуты и доносчики, а также статуи и лошади. Продажа личных вещей прежнего императора тоже принесла значительный доход. Особенно хорошо продавалась одежда на шелковой основе, тканая золотой ниткой, плащи без рукавов, пурпурные хламиды и накидки с капюшоном. Что касается воинских доспехов, шейных цепей и коллекционного гладиаторского оружия, украшенного золотом и драгоценными камнями, тут ценителям пришлось основательно раскошелиться. Многочисленные сосуды из золота, слоновой кости, серебра, янтаря и стекла выставлялись из Палатинского дворца на аукцион не один день. За немалые деньги были проданы и драгоценные самнитские сосуды для кипячения смолы и вара, употребляемые для уничтожения волос на теле и придания ему гладкости. Пертинакс не оставил себе даже императорских повозок работ знаменитых мастеров. Огромную сумму, полученную от всей этой распродажи, он отдал на погашение задолженности легионным войнам, а также выплатил долги по пенсиям ветеранов. Преторианцы тоже получили в качестве обещанного подарка, в дополнение к ежемесячным выплатам, по шесть тысяч сестерциев. Это был аванс, остальные шесть тысяч Пертинакс поклялся заплатить весной. На рынках империи было замечено общее падение цен, что было следствием общего удешевления жизни в Риме.

Перед тем, как римский монетный двор приступил к чеканке золотых монет с изображением Пертинакса, к нему на одобрение принесли свежотчеканенные денарии. Он вынул из кожаного мешочка крошечную монетку и, повертев кусочек сияющего серебра в руке, не удержался от скупой улыбки.

– Не вижу, – сказал император.

Слуга быстро сбегал в соседнюю комнату и принес сестерций, тоже только что отчеканенный.

– Вот, – сказал слуга, – на аверсе и реверсе то же самое, что и по серебру.

– Но это другое дело, – расплылся в широкой улыбке Пертинакс.

Увидев, как выглядела его кучерявая борода и лавровый венок на голове, он добавил:

– Смешно.

Монета с изображением Пертинакса

В ответ слуги и охрана тоже заулыбались. Пертинакс перевернул монету. На реверсе император был изображен стоящим с головой, повернутой влево. В правой руке он держал патеру¹³ над треножником, совершая жертвоприношение, в левой – свиток. Пертинакс вернул слуге большую бронзовую монету и обратился к Эклектору:

– Передавай на Эсквилин, пусть чеканят и в золоте.

– Но позволь, император!

– Слушаю тебя, египтянин! У тебя вопрос? – спросил Пертинакс.

– Да, император. Коммод чеканил монеты с двойным изображением – своим и Александра, – смущаясь, произнес Эклектор.

– Я знаю, Коммод верил, что, если рядом с его образом будет изображение Македонского царя, это явится залогом процветания нашей земли. Но я не Коммод!

В Родительские дни – Паренталии, в середине февраля, когда по традиции должностные лица ходили всюду без знаков отличия в память об умерших, Пертинакс облачился в свою старую тогу и почувствовал себя обычным гражданином. Душа его отдыхала. Вечером во Дворце на Палатине он принимал пищу без гостей. Впрочем, как всегда присутствовал Валериан, его старый приятель, да Тициана, не смевшая садиться за стол с императором, когда он обедал в большом кругу друзей. Двое стариков, бывшие школьные преподаватели и друзья юности, вели просвещенные беседы. Разговор шел доверительный, поскольку Пертинакс, даже будучи первым человеком в империи, всё ещё продолжал ощущать себя частным лицом. Да и коммерцией продолжал заниматься через своих людей в родных Сабатских Бродах. Валериан вечно подсмеивался над другом и на этот раз задал ему привычный вопрос:

– Зачем тебе, императору, первому человеку Мира, эти сложные и рискованные торговые операции, которые ты скрываешь от своих слуг, и вместе с тем дорожишь мнением народа о себе как о праведнике?

– Ой, Валериан, как ты прав, – фыркнула Тициана, – ему ничего не стоит, обладая императорской властью, как-то выделить хотя бы свою собственную дочь, обеспечив её достойным состоянием, вместо того, чтобы вкладывать средства в мелкие, но такие рискованные операции. Он боится мнения простого народа, а народная мудрость гласит: «Рука руку моет»!

– Поймите, друзья мои, – Пертинакс виновато улыбнулся, желая не обидеть сидевших за столом близких ему людей, – императорская собственность – это не частное владение императора. Она не принадлежит лично мне, а является достоянием всего народа. Поэтому-то я и отменил пошлины, взимание которых Коммодом служило лишь для обогащения его личной казны.

– Так ты поборник гражданского равенства? – засмеялся Валериан, лукаво подмигнув Тициане.

– По крайней мере всю жизнь призываю к его соблюдению, – смиренно ответил Пертинакс. – Поэтому мой сын не живет во дворце и посещает обычную школу и гимнасий. Я пытаюсь воспитать его чуждым роскоши. Ну сами посудите, вы же умные люди, в империи полно свободных земель, даже на территории Италии. Почему не раздать её людям, желающим трудиться на ней? Пусть каждый возьмет себе земли столько, сколько сможет обработать. И тот, кто будет трудиться на ней, не жалея сил, пусть считает её своей. Я обратился в Сенат и хочу освободить этих людей на 10 лет от налогов и навечно утвердить их в правах на собственность. Это укрепит наше государство.

– Все, даже варвары, довольны его правлением, – сказала Тициана, то ли с насмешкой, то ли желая выразить уважение к мужу.

– Одна только преторианская гвардия недовольна всем! – вновь засмеялся Валериан.

¹³ Патера – сосуд для ритуальных возлияний.

– Ну почему только преторианцы? – спокойно отреагировал Пертинакс на усмешку друга, – мои земляки приезжают ко мне в гости толпами. Только получается, ничего хорошего добиться от меня они не могут, и похоже, таят обиду. Мой префект претория постоянно дает мне глупые советы и обращается с корыстными просьбами. Я ему отказываю и хочу, чтобы все поняли, что казна пуста! Нужно время, хотя бы год, но никто не хочет ждать. Наверное, я не оправдал ожиданий Лета, – с грустью произнес Пертинакс.

– Хорошо, пусть это будет на его совести. Я хочу прочесть тебе, мой друг Пертинакс, мои новые стихи, – сказал Валериан.

– Стихи – это хорошо, поэзию я люблю. Только давай не сегодня, поскольку сегодня Паренталии, и я хочу поделиться с тобой своими мыслями.

– Ну, слушаю тебя.

– Наш мир аристократичен по своему духу, поэтому римский поэт с презрением отворачивается от повседневной прозы жизни. Наша литература равнодушна к простому человеку и совсем не делает попыток заглянуть в его душу. Разве справедливо, что простой люд наши поэты и писатели называют чернью? Ленивой и праздной чернью, которая всю свою жизнь проводит за вином, игрой в кости, да в вертепах. А кто тогда сидит в библиотеках и ходит в театры – только ли патриции и всадники? Кто в конце концов всё это построил? – император развел руками.

– С чего это ты, Пертинакс, заговорил на эту тему?

А с того, Валериан, что сегодня я бродил по Аврелиевой дороге – там похоронены мои боевые товарищи, простые люди. Я читал их эпитафии и так увлекся, что не заметил, как стало темнеть. Особенно тронули мою душу могилы государственных рабов. Я читал надписи на них, как страницы некой фабулы. Например, одна рабыня пишет о своем муже: «..имуществом беден, душой – богат в высшей степени» Или: «Пока жил, жил честно». Или, вот, сейчас вспомню: «Добрый исход. Да будет злой умысел далек от этого памятника». Выходит дело, и у раба есть душа, и им присуща вся гамма человеческих чувств.

– А ты что хотел бы видеть на своей могиле? – внезапно спросила Пертинакса его жена.

Вопрос, по сути своей уместный для их разговора, заставил сердце Пертинакса болезненно сжаться. Старик призадумался.

– Наверное, что-то вроде – «Раб отечества, хотел быть добрым».

– А я сегодня был на Аппиевой дороге и видел такую эпитафию на раба: «Был мил своим товарищам по рабству», – заметил Валериан.

– Тогда давай выпьем за них, хоть они и не граждане Рима. – Друзья выпили и помолчали. – Ну, что же, наша беседа затянулась. Пора нам на покой, – сказал Пертинакс, сдерживая зевоту, и сладко потянулся.

Император не допускал, чтобы сенаторы сами являлись к нему в дни своих пленарных заседаний, и взял за правило лично посещать сенат. Даже по прошествии трех месяцев Пертинакс продолжал себя чувствовать в Курии по-прежнему больше префектом города, старался не отказывать никому в общении и держался почтительно не только с малознакомыми сенаторами, но даже с Фальконом и Летом, которые, как ему стало известно, плели против него интриги, стараясь очернить заметные успехи императора на государственном поприще. Пертинаксу по душевной доброте и в голову не приходило воспользоваться своим законным правом и обвинить их в оскорблении величия. Он на всё смотрел снисходительно, хотя недовольство преторианцев, вызванное утерей прав на грабежи и насилие в городе, стало приобретать угрожающий характер.

За четыре дня до апрельских календ наконец установилась прекрасная весенняя погода, теплая и безветренная. Дополнительная преторианская когорта, вызванная во дворец для несения службы, получила приказ возвращаться в лагерь. Причиной тому было неблагоприятное знамение при жертвоприношении и отмена Пертинаксом своего выхода в Атеней, где он наме-

ревался послушать выступление поэта. Император вызвал к себе Эклекта и сообщил ему, что хотел бы побыть наедине с собой в перистиле Дворца. Произнеся слова «Наедине с собой», Пертинакс невольно вспомнил Марка Аврелия, порой в минуты отдыха учившего его, как находить согласие со своей душой. Однажды Марк спросил Пертинакса, долго смотревшего на огонь костра:

– Послушай, Гельвий! Что ищешь ты, делая добро людям?

– Не знаю.

– И всё же?

– Марк, я воин, а не философ!

– И всё-таки скажи!

– Я преклоняюсь перед стоиками, но, как и все, предпочитаю быть эпикурейцем.

– Почему?

– Я ищу человеческое счастье, пытаюсь освободиться от страха смерти и суеверий. Для меня не безразлична внешняя женская красота. Женщина – это великое удовольствие. А еще я хочу быть богатым. Творя добро людям, я делаю это ради тебя, Марк. Я хочу, чтобы ты это знал, и, если тебя не станет, я вряд ли буду бескорыстен.

– Благодарю тебя, что сказал правду, – после паузы произнес Марк Аврелий и обнял его....

Пертинакс не присел ни на минуту, он долгое время ходил вокруг фонтана и слушал пение птиц. Его разум тревожило необъяснимое чувство беспокойства. «Ну как такое может быть, – удивлялся встревоженный император, – в жертвенном животном не нашли сердца! Какую я мог совершить ошибку? Разве своими поступками я не попытался искупить это неблагоприятное знамение? Но и в следующем животном не обнаружили главной части внутренностей! Что бы всё это значило?» Пертинакс пребывал в растерянности. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, он принялся заниматься распределением обязанностей между дворцовой челядью. Пройдя с толпой беззаботных, разомлевших от яркого солнца слуг, по портику дворца, он дошел до места, которое называлось Сицилией. Возмущенный всеобщей бездеятельностью, император остановился у входа в столовую Юпитера и, сверкнув глазами, велел всем наконец заниматься делами. Обычная ненависть всех придворных слуг к Пертинаксу, этому старику, вечно недовольному их разгильдяйством и ленью, в тот прекрасный солнечный день была особо велика.

Стоя на ступенях перистилия, император напряг старческие глаза и приставил ладонь ко лбу, чтобы лучше разглядеть, кто поднимался по дороге по дворец: ведь он наказал его не беспокоить. «А, – он раздраженно махнул рукой, когда узнал в торопливо приближавшейся фигуре собственную жену, – опять начнется суета!». Подбежав к нему, Тициана, бледнея на глазах, сообщила, что неуправляемая толпа разъяренных преторианцев, вооруженных мечами и копьями, подходит к дворцу со стороны портика главного входа.

– Лет! – кликнул Пертинакс префекта преторианцев и, стараясь не терять самообладания, спокойно обратился к жене:

– Кто тебе это сказал?

– Я сама видела, и твои кабикулярии тоже. Они, между прочим, разбежались!

– Лет, пойді разберись! Что-то у твоих людей дисциплина совсем расшаталась!

– Пытаясь скрыть тревогу, Лет поспешил к ларарию и, увидев отряд вооруженных преторианцев, приближающихся к Дворцу, прикинул: «Пожалуй, их порядка трехсот наберется. Поздно разбираться, надо уходить!».

– Он стремительно вышел через портик и, укрыв голову плащом, поспешил к себе. Он видел, как в панике разбегалась дворцовая челядь, подстрекая гвардейцев к действиям. Тициана умоляла Пертинакса уходить немедленно. Элект, обнажив меч, подтолкнул до смерти испуганную женщину в сторону императорских покоев:

– Пройдете оба через дальний выход, там пока безопасно. Ищите защиту у народа, лучше всего в квартале Субуры, только не пытайтесь скрыться в своем доме! Я попробую задержать их, хоть ненадолго!

Тициана, кивнув головой, последовала совету главного спальника императора, а Пертинакс, не теряя достоинства, спокойно направился в триклиний, откуда уже доносилась брань разгневанных преторианцев.

– Куда? – крикнул Эклект.

– Я ещё император и не имею права на малодушие, и ты, египтянин, не теряй самообладания и возьми себя в руки! Попробую их образумить, когда-то в войсках у меня это неплохо получалось.

Преторианцы не ожидали увидеть старика-императора, облаченного в тогу, таким невозмутимым.

– Меня, – император поднял руку, и гвардейцы притихли, – достойно дожившего до глубокой старости, не страшит участь принять смерть от ваших рук, ведь конец сужден каждому человеку. Если вы, мои стражники, защитники императора во всех опасностях, превратитесь в его убийц, смотрите, как бы это нечестивое дело не обернулось для вас злой бедой. Я не нанес вам никакой обиды. Может быть, вы пришли сюда из-за смерти Коммода? Может, вы считаете меня причастным к его гибели и думаете, что он пал жертвой злого заговора? Мой вам совет – ищите других виновников. Коммода больше нет. Обещаю, как и обещал – вы получите всё, что вам причитается, без насилия над моей волей и без грабежей.

По настроению преторианцев Пертинакс почувствовал, что волна возмущения начинает спадать. Глядя на его седины, многие устыдились своего корыстного безрассудства и уже стали расходиться, но в этот момент Таузий, рядовой преторианец из тунгров, бросил возбужденный варварский крик:

– Не верю! Он в очередной раз пытается нас обмануть! И в ярости метнул копье в сторону Пертинакса. Копье, пробив тогу, прошло по касательной, задело грудь императора и, застряв в складках, уперлось древком в мозаичный пол. Император побледнел, Качнулся всем телом, но даже получив ранение, не сделал попытки к бегству. Только Эклект, не раздумывая, бросился на защиту Августа и, загородив его своим мощным телом, вступил в неравный бой. Убив первых двух нападавших, он в ту же секунду был зверски заколот копьями остальных. Молясь Юпитеру-Мстителю, Гельвий Пертинакс ослабевшей рукой накрыл седую голову тогой. Круглолицый Таузий опять первым подскочил к согнувшемуся императору и от плеча мощно ударил мечом по его спине, отчего тот мгновенно рухнул на колени. Увидев кровавую сцену, к Таузию подбежал его товарищ, такой же небритый и потный от возбуждения, и оба склонились над скрюченным телом.

– Что он там ещё бормочет? – бросил Таузий и сдернул тогу с головы Пертинакса.

– Старик то ли мычит от боли, то ли молится своим богам. Ещё живой, но, кажется, ты перебил ему ребра! – заключил бородатый преторианец.

– Так добей его! – выкрикнул кто-то из толпы.

Преторианец, как будто ожидая этой команды, выхватил кинжал и вонзил его в шею императора под самое основание черепа. Мозолистая рука гвардейца поддерживала голову Пертинакса за волосы. Темная густая кровь из-под острого клинка быстро заливала яркий мозаичный пол. Таузий крепко выругался, когда отрезанная голова императора выскользнула из рук и упала в липкую лужу. Черная с проседью борода Пертинакса стала красной и как будто удлинилась, когда преторианец, насадив голову на копье, поднял её вверх... Раздался ликующий рев дикой неуправляемой толпы.

Преторианцы спешно покинули беломраморный дворец, построились клином и походным маршем вернулись в лагерь, пронеся голову императора, наколотую на пику, через весь город. Заперев все ворота лагеря и выставив на башнях стражу, преторианцы находились в

напряженном ожидании, предчувствуя гнев народа. Сенат и римляне были в смятении, но мстить не отважился никто. Страх возможного возврата к тирании обуял и богатых граждан – побросав свои дома, они удалились в свои поместья, – и бедных, попрятавшихся по своим инсулам. На следующий день преторианцы предположили, что народ успокоился, и глашатаи на стенах лагеря объявили, что императорская власть выставлена на продажу, и силой своего оружия преторианские гвардейцы готовы посадить в императорский дворец того, кто даст им больше денег. Первым к их лагерю подошел Сульпициан, отец Тицианы. Он был готов предложить огромные деньги, но гвардейцы, опасаясь возможной мести, предпочли спустить со стены лестницу лишь для Дидия Юлиана, подвыпившего сенатора, пообещавшего выдать каждому преторианцу по 25 тысяч сестерциев. Сколько денег было у Юлиана на самом деле, никто не знал, но в этой критической ситуации ему поверили и провозгласили императором. В полном вооружении, построившись фалангой, преторианцы препроводили императора, получившего трон за деньги, сначала в Сенат, а затем и во дворец на Палатине. Впервые в истории Рима так низко пали нравы преторианцев, давно потерявших всякое уважение к власти предрежающим.

Всю ночь во Дворце звучала музыка кифаристов. Знаменитый танцор Пилад истерично бился в пляске. Дидий Юлиан и его гости предавались игре в кости и пьянству, даже не удосужившись вынести из дворца обезглавленное тело несчастного Пертинакса, но помня однако о забытой практике прежних проскрипций. В спешке отдавались приказы на устранение неугодных лиц, объявленных вне закона. В списке одним из первых значился Лет. Дидий, принимая решение, что-то долго бурчал себе под нос и пожимал плечами. Перед тем, как подать одобрительный кивок головой, он глубоко вздохнул. Он всё ещё помнил, как Лет помог ему ускользнуть из рук Коммода и спас его. «А Марцию?!», – прозвучал чей-то пьяный требовательный голос. Император ещё раз одобрительно кивнул.

Только к рассвету слуги Дидия Юлиана наконец принесли обещанные деньги, но не всё и не для всех. В первую очередь подарки выделялись преторианцам, находящимся во дворце по долгу службы. Еле державшийся на ногах Юлиан лично вручил новоиспеченным префектам претория Флавию Гениалу и Туллию Криспине, тоже плохо соображавшим от выпитого, обещанные суммы. Причем не по двадцать пять тысяч сестерциев, а по целых тридцать! Пухлые кожаные мешочки были набиты не бронзовыми сестерциями, а денариями, и даже ауреусами. Слегка пошатываясь, Криспина поставил свой кубок на треножник и довольно произнес: «Прав был Веспасиан – деньги не пахнут!» Флавий Гениал открыл свой кожаный кошелек и высыпал монеты в мощную ладонь. Серебро и золото, не побывавшее ещё в торговом обороте, сверкало, и свет факелов делал различимыми очертания отчеканенной на монетах бородатой головы императора Пертинакса.

– Глядите, а голова-то его все-таки пригодилась! – съязвил кто-то.

Шутка понравилась, и оба префекта претория громко расхохотались.

– Самые преданные люди – те, чью верность приобретают за наличный расчет, – добавил Криспина, давась от смеха.

Юлиан, кряхтя, с трудом нагнулся и, подобрав с пола маленький ауреус, выпавший из ладони трясущегося от смеха Гениала, поднес монету к глазам. Новый император даже не почувствовал, как по его стареющему лицу потекли слезы.

– Ты что, император, – возмутился Криспина. – Ты же обещал восстановить память Коммода. Не вздумай оказать почести Пертинаксу, а то преторианцы заподозрят тебя в обмане. Это мой тебе совет!

– Да, это я так, – тихо прошептал Юлиан. – Просто мы с Пертинаксом были товарищами, вместе были консулами, а я был даже его преемником по проконсульству в Африке, – виновато бормотал он, вытирая со щёк слезы. – И ещё он, ещё он, Пертинакс...

– Что ты там шепчешь себе под нос, император? Давай лучше выпьем, чтобы у тебя всегда были деньги, – выкрикнул Туллий Криспина.

– Да! Чтобы у нашего императора всегда находились деньги для преторианской гвардии, – уточнил Флавий Гениал, и молодые командиры опять расхохотались. Юлиан горько усмехнулся и, подняв кубок с вином дрожащей рукой, изрек:

– Пока живу, надеюсь!

– Надейся, надейся! – тихо сказал Корнелий Репентин, зять Юлиана, только что назначенный префектом Рима вместо Сульпициана, и, тронув за локоть свою жену, красавицу Дидию Клару, увел её в сторону.

Два месяца и двадцать пять дней правления Пертинакса безвозвратно канули в Лету. Тело несчастного с возвращенной назад головой днем позже обрело свой покой в гробнице деда Тицианы без должных почестей. В час, когда Тициана хоронила мужа, в Риме, как всегда, вовремя включились все городские фонтаны, для неимущих производили бесплатную раздачу хлеба, библиотеки встречали своих читателей широко распахнутыми дверями, а в театрах шли репетиции...

Часть 4

Бюсты Федора и Алексея Орловых в Вильфрани-сюр-Мер

Глава 1

На бульваре Мориса Метерлинка в Ницце я оказался сразу, едва переступив административную границу скучающего Вильфранша. Шагать в полдень по этому безлюдному бульвару, уходящему резко в гору, оказалось занятием не из приятных. Узкая пешеходная полоска, лишенная какой-либо растительности, шла вдоль автострады, соединявшей береговую линию Ниццы с Вильфраншем, и при этом почему-то многозначительно называлась бульваром. Мартин бежал впереди на длинном поводке, время от времени останавливаясь и поворачивая голову в мою сторону. Я перехватывал его вопросительно-молящий взгляд и из жалости время от времени брал его на руки, прижимая к груди горячее дрожащее тельце. Солнышко становилось ласковым, когда изредка пробивалось сквозь тяжелые облака, а вот ветер, дующий с моря, был ещё холодным. Гора Монт Барон, что замаячила впереди, почти сплошь покрытая роскошными соснами и эвкалиптами, была местом очаровательным, но не сейчас, когда вокруг не было ни души, кроме куда-то спешивших и фыркавших автомобилей. Впрочем, сколько раз я и сам проносился с ветерком по этой горной дороге на своем «Пежо», даже не обращая внимания на его название! Был ли это Метерлинк, Маерлинк или Браунинг – мне было всё едино, лишь режущий уши шум, да и только.

Тихий фешенебельный отель под названием «Дворец Метерлинка», расположенный на карнизе горного обрыва, зависшего над морем, и казавшийся забытым всем миром, был рад разделить с нами своё одиночество. Мы с Марином свернули с дороги, обошли отель со всех сторон, но так и не встретили на своем пути ни одной живой души. Портик, исполненный в греческом стиле, бурлящий кипятик джакузи и голубой бассейн на пленэре не привлекли нашего внимания, а вот уютный парк на краю скалы, плотно засаженный высокими кипарисами, восхищал мой взор и волновал Мартина запахами влажной черной земли. Я присел на скамью, любясь каменным фасадом старинного дворца с крышей сказочной формы. Гармонии чудной природы нарушил звонок мобильного телефона в моем кармане. Мартин резко прекратил копаться под кустарником и, как будто желая принять участие в разговоре, живо запрыгнул на лавку, вертя хвостом. Звонила Клэр. Я тяжело вздохнул.

– Привет, вы где? – спросила Клэр тоном закадычной подруги.

– А что собственно случилось?! – не скрывая недоумения, ответил я вопросом на вопрос.

– У меня новость! Мой папа приглашает тебя к нам в гости! Он даже разрешает тебе взять Мартина.

– Спасибо, но это лишнее, – я не мог скрыть раздражения, но ей, по всей видимости, было на это наплевать.

– А почему нет? К твоему сведению, мой папа никого из моих друзей не приглашал, называя их всех без разбора «татуированным дерьмом». Для меня самой это было удивительно! Я рассказала ему про тебя, и он вдруг решил позвать!

– Зачем? Но ей богу, не стоит! – простонал я в отчаянии и посмотрел на Мартина, который находился в напряженном состоянии, как будто всё понимал и разделял мою озабоченность.

– А вообще-то вы где? – повторила она свой вопрос.

– Гуляем!

– Ну все-таки? Как всегда, в Ницце? В старом городе?

– Не совсем. Мы... мы во дворце Метерлинка, если тебе это что-то говорит.

– Мне? Ну разумеется! А вообще-то этот дворец называется «Орламонт». А что вдруг вас туда потянуло?

– Поначалу особой цели не было, если честно. Я только вчера узнал, причем случайно, копаясь в отцовской библиотеке, кто такой Метерлинк.

– Вот как? Вот позор-то! Я думала, ты у нас Mr Know-All! – сказала она, намекая на вероятное на одноименный рассказ писателя Моэма, жившего когда-то здесь, совсем неподалёку.

– Видишь, зря ты спешишь о моих знаниях трезвонить!

– Ты знаешь, я, пожалуй, сейчас к вам присоединюсь, – она была настроена решительно.

– Пока ты на своем велике дорулишь ... Мы не собираемся здесь сидеть целый час, а то и больше. Давай как-нибудь в другой раз вместе съездим!

– Нет-нет, дождитесь меня, – заняла она в трубку! – Я на автобусе – буду у вас уже через полчаса. Очень хочется и мне рассказать вам о Метерлинке и о дворце.

– Давай, ждем полчаса, потом уходим! – пригрозил я в ответ.

Я снова посмотрел на Мартина.

– Слушай, мужик, – обратился я к собаке, – эта девочка начинает нас доставать!

Мартин прыгнул с лавочки и подал голос. Мы не спеша продолжили прогулку по сказочной территории отеля, так и не встретив ни одного живого существа. Только серый «Порше», да красный «Феррари» на крытой стоянке подсказывали нам, что всё это время мы были здесь не одиноки. Мы поднялись к автобусной остановке, где к счастью, не пришлось долго ждать. Мартин сразу узнал в единственной покидавшей автобус пассажирке нашу вчерашнюю спутницу и звонко затыкал. Немудрено было узнать её и мне – те же широкие брюки, тяжеленные башмаки и тот же свитер, который и при моей комплекции мог легко натянуть и я.

– Вы уже все? – радуясь встрече, улыбнулась нам неугомонная француженка.

– Почти.

– А где машина?

– Припарковали в Вильфранше, рядом с отелем «Welcome».

– А сюда на автобусе добрались?

– Нет, сюда пешком. Обратно тоже намереваемся пройти. Мы всегда гуляем перед ланчем.

– Тогда я вам составлю компанию, не возражаете?

– Не возражаем, тем более, ты, кажется, хотела что-то рассказать об «Орламонде».

– Конечно, с радостью, но сначала ты скажи, что узнал о Метерлинке, а то, может, и добавить мне будет нечего.

– Я прочел, что он драматург и автор пьесы «Синяя птица». Хорошо помню, когда как-то в детстве родители усадили меня смотреть мультфильм «Синяя птица», я тут же уснул, такая была скукота. И еще когда-то давно смотрел с тем же успехом одноименный фильм – первый в истории совместный проект советских и американских кинематографистов, но, естественно, не обратил внимания, кто автор пьесы. Помню, что там играли звезды Голливуда – Ава Гарднер, кажется, ещё Фонда и Элизабет Тэйлор. Теперь знаю, что за своё творчество Метерлинк был удостоен Нобелевской премии.

– Так ты сюда пришел, чтобы почувствовать дух этого места?

– Может быть, даже и так, – сказал я в задумчивости. – Я тебе говорил, что по вечерам продолжаю копаться в пыли отцовской библиотеки. Видно, и вправду, черт меня вчера дернул наткнуться на этого Метерлинка, точнее, на дешевое издание времен первой мировой войны с настолько дряхлым бумажным переплетом, что перевязанное бечевкой полное собрание его сочинений, служившее приложением к журналу «Нева», оказалось до сих пор с неразрезанными страницами. Правда, наконец-то пригодился тупой золоченый нож для резки бумаги, необходимость приобретения которого моим отцом для меня до вчерашней ночи было загадкой. Видно, за целое столетие так никто у нас в России и не удосужился перерезать веревку и, разрезав страницы, попробовать вникнуть в суть философии Метерлинка. Кое-что я, конечно, прочитал и пришел в некое отчаяние, что так долго живу и нахожусь все время в добросовестном заблуждении, полагая, что «Синяя птица» – это птица удачи, о которой до сих пор громко поет моя любимая группа «Машина времени». Выходит, по Метерлинку это вовсе не так, а

синяя птица – это образ счастья всего человечества, и счастье это не эфемерное, а вполне конкретное, и заключается оно в познании тайн природы. Истина в его системе взглядов бесконечна и, разумеется, ею нельзя овладеть раз и навсегда. Если кто-то из людей на свое несчастье все-таки случайно поймает эту птицу, другими словами, познает все тайны природы, то человечество просто сгинет в тартарары. Ты понимаешь, для меня оказалось откровением, что, уже будучи Нобелевским лауреатом, Метерлинк написал продолжение своей «Синей птицы» и назвал его не «Синяя птица-2», а «Обручение». Этой ночью я прочел ее, откровенно говоря, ничего толком не понял, но разволновался не на шутку. Только это отнюдь не продолжение. Конечно, «Обручение» – это тоже пьеса о поисках счастья, только это скорее новый вариант той феерии. В «Синей птице» речь шла о счастье, которое заключается в познании. В «Обручении» же счастье состоит в любви и семье. Это же совсем другое дело. Разумеется, второй раз Нобелевскую премию ему за это не дали.

– Хватит подсмеиваться над величием гения, лучше скажи, тебе понравилось или нет?

– Ощущения неоднозначные! А разволновался я из-за наивности, а скорее и глупости автора.

– Ну, ты даешь! Смелое заявление. Не слишком ли вы критичны? Больно прямолинейно для историка!

– Не исключаю, что мне просто не удалось его понять, хотя сюжет довольно прост.

– А вот я не считаю, что сюжеты пьес Метерлинка так уж просты для восприятия. Сказочны, но отнюдь не просты, особенно эти две пьесы.

Ничего не ответив, я только снял солнечные очки, чтобы следить за мимикой моей приятельницы. Она расценила это как мою готовность слушать и радостно и торопливо зашебетала, по-особенному гассируя, что я уже отметил при наших предыдущих встречах.

– Я тоже так понимаю, что синяя птица – это Человечество, которое ищет счастья. По Метерлинку действительно счастье – это познание Природы. По – моему, «Синяя птица» – это не совсем пьеса-сказка, это скорее философская система взглядов Метерлинка на природу и общество. Мне импонирует его идея о том, что синяя птица, как только её ловят и сажают в клетку, пусть даже золотую, меняет цвет, а иногда и вовсе перестает существовать!

– Надо же, какое четко сформированное мнение! Респект!

– Терпеть не могу твою улыбочку. Я, между прочим, писала свою первую курсовую в колледже именно о Метерлинке.

– Ах вот даже как! Тогда скажи, ты согласна, что у этого мистика и пессимиста в феерии «Обручение» очень узкое определение счастья. Оно для него в любви и семье. Но главное, он считает, что человек не волен сам выбирать себе спутницу жизни, это делают за него другие – многочисленные предки и даже ещё не родившиеся внуки и правнуки!

– Ну, это он утверждает в символической форме, поскольку считает, что поступки человека подчиняются законам природы, важнейшим из которых является закон наследственности. Люди ещё не познали до конца эти законы. Им только кажется, что они действуют в соответствии со своими собственными желаниями. На самом же деле они подчиняются множеству законов, которых просто не знают. Советую – прочти «Жизнь пчел», и ты, думаю, согласишься с его мнением, что человек обретает свое счастье только, если он следует по пути бессмертия своего рода, стоит лишь прислушаться к его голосу, который живет в каждом человеке, как душа.

– Ну хорошо, допустим, понимаю, но вот объясни, почему то, что человек видит перед глазами, ровно ничего не значит? Метерлинк утверждает, что миром правит невидимое. В мире видимого все невесты Тильтиля – вульгарные девицы, которые готовы выцарапать глаза друг другу. И это странное изречение – «Что безобразно – то не настоящее»? Так что же такое «Невидимое» – Бог или душа?

– И не Бог, и не Душа! – прошептала Клер, будто разговаривала сама с собой. Рычащие звуки пронесшихся машин и вовсе заглушали ее голос, заставляя меня буквально наступать ей на пятки. Она повысила голос: – Невидимое – это непознанные человеком законы природы, и невидимыми они остаются до того времени, пока эти тайны не будут развеяны разумом человека. Часто то, что нам кажется тайной, всего-навсего лишь повторение уже пройденного, и мы открываем это заново.

– Все равно, это спорное суждение. Пожалуй, нужно ещё раз прочитать пьесу, – сказал я с сомнением, примечая по ходу, как смелела в своих суждениях эта юная француженка. Кажется, она перестала замечать меня и продолжала увлеченно рассуждать на тему своей курсовой.

– Пьесы Метерлинка до сих пор толкуются режиссерами в театральных постановках в трагическом ключе, оттого и спать хочется!

– А этот дворец, что у него за история? – уводя разговор в сторону, я развернулся спиной к своей собеседнице.

– Ты имеешь в виду «Орламонд»? – застыла на месте Клер.

– Ну, конечно.

– Тогда он назывался «Кастельмаре», то есть «Дворец на море». Метерлинк купил его у одного миллионера, который хотел сделать здесь казино покруче, чем в Монте-Карло, но у него не хватило денег. Писатель жил здесь до 1949 года.

– Представляю, как он был счастлив, гуляя по своему прекрасному парку.

– Не сомневаюсь. Известно, что он любил актрису, которая играла в местном театре. Её звали Жоржетта Леблан. Она даже приезжала в Москву в 1910 году, где во МХАТе ваш Станиславский ставил «Синюю птицу» – именно ему Метерлинк предоставил право первой постановки. Русский режиссер говорил, что эта сказка должна будить серьезные мысли у взрослых. Жоржетта смотрела пьесу в Москве с восхищением и плакала. А в 1911 году Метерлинк получил Нобелевскую премию, но деньги не сделали его счастливым. Вскоре по возвращении из России Жоржетта стала жить с одним актером из её театра по имени Роже, но в то же время не хотела уходить от ставшего всемирно известным Метерлинка и предложила стареющему драматургу... попробовать жить втроем! Метерлинк ее предложение возмутило, и он ушел. Вскоре, в 60-ти летнем возрасте он обвенчался с актрисой по имени Рене, которая была моложе его более чем на тридцать лет. Они жили на холме Бомет, на Пчелиной вилле. Это уже потом, когда он с молодой женой триумфально вернулся из Америки с мешком денег, он купил этот дворец за три с половиной миллиона франков, хотя в строительство прежний хозяин вложил тринадцать миллионов. Метерлинк и переименовал дворец в «Орламонд», отразив в названии необычность этого здания.

– Теперь понятно, откуда он черпал свое вдохновение для «Обручения»...

– И откуда же?

– Из своего «счастливого» жизненного опыта, – рассмеялся я.

– Не будь циником, – она хотела казаться строгой, но это ей явно не удавалось.

– Жаль, что ты меня не сразу раскусила, да?!

– Ты не крепкий орешек, чтобы задаваться целью раскусить. Важно понять.

– Понять что?

– Ну, например, почему ты иногда что-то скрываешь. Непонятны мотивы.

– Я? Скрываю? Что же?

– Ну, ты же пришел в «Орламонд» не потому, что там жил драматург!

– Тогда почему?

– Могу предположить, что пьеса «Обручение» тебя озадачила. В ней содержится ключ к пониманию подлинного человеческого счастья. Или это миф? Ты наверняка хотел почувствовать автора, ведь он именно здесь творил!

– Наверное, правильное было бы сказать, что я не склонен откровенничать, я интроверт в чистом виде, нравится тебе это или нет.

– А девушка у тебя в России была?

– Причем тут девушка? Я говорю совершенно о другом.

– И всё же?!

– Была, конечно, я даже чуть не женился. Думал, что наконец нашел в женщине товарища.

Но зачем тебе это?

– Не хочешь говорить, или боишься аналогий с Метерлинком?

– Слушай, честно, не хочется вспоминать! – я посмотрел на свою собеседницу, которая была в этот момент необыкновенно мила и приветлива. Мне почему-то стало её жалко, и я против своей воли произнес: – Впрочем, если хочешь, я расскажу.

Клер кивнула головой и улыбнулась.

– Мои родители очень хотели, чтобы я женился, как выражалась моя мама, на воспитанной девушке из хорошей семьи. Жаль, что Метерлинк не дает определения, что такое хорошая семья! Эта девушка должна была быть непременно достойной меня, и такая не без их содействия нашлась. Мне было всего двадцать четыре года, звезд с неба я не хватал, не подавал особых надежд в науках. Она же была красавицей и большой умницей. Её родители были вполне обеспеченные люди, ровня моим, что было немаловажно. У нас были прекрасные отношения, была близость, – я сделал паузу, – но... у нас не было душевной близости! Я совсем не знал, зачем я ей, если я сам себе не нужен?! Выходит, по Метерлинку – для продолжения рода! Может, действительно, он прав, и надо меньше задумываться?! Европа вымирает, Россия тоже. Почему мы не прислушались к Метерлинку? Его творчество признала Европа и Америка, ему присудили Нобелевскую премию. До сих пор все бегает за его Синей птицей счастья, а он пишет потом пьесу «Обручение» и говорит нам всем, чтобы мы прекратили эту бесконечную беготню, потому что счастье рядом, просто протяни руку и возьми. Но никто не следует его учению, никто в мире его пьесу уже не ставит, она пылится на полках, а в его доме, во Дворце «Орламонт» отдыхают люди, которые наверняка ничего не знают ни о самом писателе, ни о его пьесах, ни о философских суждениях.

– Ты не ответил – ты так и не женился?

– Я хотел. Точнее, хотел доставить удовольствие своим родителям, и не только им, поскольку бабушка тоже была обеими руками за это. Теперь я понимаю, что все у меня шло, как будто по задумкам самого Метерлинка. Выходит, я поступал, прислушиваясь к еще не до конца мною понятым законам Природы. А мое болезненное стремление к свободе – это всего-навсего химера, – так считал Метерлинк. Наверное, все бы так и получилось, но моих родителей в один момент не стало. Никто этого тогда, естественно, не мог предположить.

– А что произошло? Извини, если... – она поднесла ладонь к губам, и я заметил ужас на ее лице.

Я отвел глаза:

– Банальный несчастный случай. Мои родители в кои-то веки решили провести короткий отпуск вместе и не за границей. Коллега моей матери уговорил их поехать на охоту в Крым. Ехали на двух джипах. Друг мамы впереди, она за ним, сама была за рулем, старалась не отставать: любила скорость. Отец сидел в машине вместе с ней. Он не был любителем поездок на дальние расстояния, да и охоты тоже, он просто хотел сделать приятное маме. Под Курском с проселочной дороги им наперерез выехала ассенизаторская машина. Мать ударила свой джип правым боком о грузовик. Джип развернуло и выкинуло в овраг. Отец погиб сразу, мама тоже недолго мучилась. О родителях я сейчас говорить не хочу. Говорить же о моей девушке тоже нет смысла, свадьбу мы вынуждены были отменить. Ну, а потом, через год, уже ни я, ни она об этом так и не заговорили. Хватило ума. А голос рода, о котором печется Метерлинк, видно, меня не позвал.

– Часто вспоминаешь?

– Кого? Девушку?

– Родителей!

– Раньше до боли часто, а сейчас реже, прошло уже больше трех лет. Было даже страшно находиться дома. Там ко всему прикасались их руки, чудился запах и голос мамы... Может, я и уехал из Москвы поэтому.

– А возвращаться собираешься?

– Еще не решил, Все никак не удастся получить ответы на вопросы, которые я так и не задал отцу, а заодно и разобраться в себе.

– По Метерлинку это значит научиться понимать самого себя, где «Я» – это мое прошлое, настоящее и будущее, – сказала Клер, наивно полагая, что я еще оставался в теме философских исканий бельгийского писателя.

Она все равно заметила слезу на моем лице, хотя я пытался ее скрыть, и почему-то заплакала сама.

– Ты-то чего?

– Не знаю, просто не хочу, чтобы люди умирали.

– Но мир так устроен.

– Все равно не хочу.

Я непроизвольно положил ей руку на плечо и ощутил, как она вздрогнула от неожиданности.

– А, может, он и прав, этот Метерлинк, когда говорил, что чтобы не ошибиться в выборе жены и стать действительно счастливым, нужно научиться прислушиваться к голосу рода.

Клер мило улыбнулась, не проронив ни слова и, приподняв плечо, прижалась щекой к моей ладони.

Дорога от Дворца «Орламонд» к Вильфраншу теперь шла всё время вниз, открывая редким пешеходам сказочно красивый вид на залив. Огромный шестипалубный белый круизный корабль, который только что встал на якорь, придавал пейзажу парадный вид. Мартин, дремавший от усталости всю дорогу у меня на руках, проснулся и нарочито яростно лизал пальцы моих рук, призывая, видимо, поскорее покинуть эту оживленную автостраду.

– Наверное, когда любишься такой красотой каждый день, хочешь – не хочешь, а твоё сознание погружается в сказку. Иначе зачем бельгийцу было переезжать во Францию, – сказал я, желая прервать затянувшуюся паузу.

– Да, ведь Метерлинк был родом из Бельгии, и, безусловно, ему здесь нравилось. Между прочим, вон там, – она показала пальцем на север, в направлении Монт-Борона, – жил наш русский композитор Стравинский. И он зачем-то перебрался сюда, тоже, наверное, искал вдохновения. Впрочем, бельгийцев тогда, в самом начале 20-го века, здесь было немало. Достаточно только вспомнить короля этого маленького государства Леопольда II, владевшего обширной территорией бельгийского Конго. На хлынувшие в его карман деньги из Африки он скупил здесь много земель и вилл для себя и своих верных офицеров. Здесь же завел шестнадцатилетнюю любовницу по имени Бланш Делакура. Он сделал её баронессой, купил для неё по соседству шикарную виллу «Радиана» на Кап-Ферра, она же родила ему двух сыновей. Жил Леопольд вон там, вилла называлась «Кедры» и была окружена ботаническим садом. По вечерам Леопольд ходил с фонариком на соседнюю дачу играть с молоденькой Бланш в карты, по крайней мере, так считали его придворные. Поскольку у себя на родине Леопольд слыл высоким моралистом, своих дочек от нелюбимой жены он держал «в черном теле», не разрешая им общаться с молодыми мужчинами.

– А со старыми, такими же, как он, разрешал? – съязвил я.

– Кто же знает, но точно не был против общения с Метерлинком, который, как я уже говорила, был в своем творчестве строгим моралистом, да и по возрасту почти ровесником короля Леопольда.

– У нас в России говорят: «Седина в голову, бес в ребро»! Нет ничего удивительного, что на седьмом десятке эти два великих бельгийца завели себе здесь молоденьких французенок.

– Особенно если смотреть на твои слова через творческую призму моралиста Леопольда и Метерлинка! – довольная своей шуткой, она тихо хихикнула.

Наверное, я был не совсем прав, когда смотрел на эту молодую француженку уж слишком критически. Она оказалась действительно забавной и остроумной и, во всяком случае, сегодня меня не утомляли её наивные «почему», и я начал думать, что может, зря так воинственно воспринял приглашение её «папá». В конце концов, если я не питаю к ней нежных чувств, совсем не обязательно отказывать себе в удовольствии общаться с интересующимися историей людьми. Мой отец настойчиво советовал учить афоризмы Оскара Уайльда, особенно те, что касались людей противоположного мне пола. Не накрашенные женщины тоже, как считал популярный писатель, бывают полезны, особенно, если хочешь приобрести репутацию респектабельного человека, «достаточно только подцепить такую на ужин». Чушь, конечно, но в его цинизме присутствует знание жизни.

Мы были уже совсем рядом с отелем «Welcome», где я припарковал свой автомобиль. Оставалось только преодолеть коротенький бульвар русской императрицы Александры Федоровны, который располагался рядом с цитаделью. Слева на бульварном развороте уже сверкали на солнце бронзовые бюсты братьев Орловых и Ушакова.

– Вот они, – воскликнула Клер, перехватив мой взгляд.

– Да, справа и по центру братья Орловы, а слева бюст Ушакова.

– Я забыла, кто из них был фаворитом вашей императрицы Екатерины Великой?

– Первым был Григорий Орлов, брат этих двух красавцев, что справа.

– Странно, почему если тот Григорий Орлов, как я понимаю, был виновником воцарения Екатерины, памятник поставили его братьям!

– Всё-то ты знаешь! На самом деле, кто был главным виновником воцарения Екатерины II, ни тогда, в XVIII веке, ни сейчас так никто и не разобрался, все только переругались. Граф Никита Панин утверждал, что лишь благодаря ему. Ее секретарь Иван Бецкой на коленях умолял императрицу объявить принародно, что инициатором был именно он. Княгиня Дашкова считала, что она, поскольку, в частности, получила больше всех денег от Екатерины – около четверти миллиона рублей. Братья Орловы не без оснований полагали, что исключительно благодаря им, и, похоже, сама Екатерина была с ними согласна.

– А сколько получил Григорий?

– Кажется, три тысячи.

– И всё? – она подняла свои выразительные глаза, полные искреннего удивления.

– Поверхностно ты нашу историю знаешь, скажу я тебе.

– Ну, почему же? Хоть мой профиль психология, мировая история всегда была моим коньком. Отец приучил меня любить первоисточники. У нас в доме богатая библиотека, уж не хуже вашей. Ну ладно, так почему же именно здесь появились эти памятники?

– Если бы я сам знал! Но ... предположения есть.

– Я-то думала, что этот Григорий, подаривший Екатерине огромный бриллиант чистойшей воды, который позднее был вставлен в её скипетр, и был главным, кто и царя вашего Петра убил, и Екатерину на престол возвел. Выходит, я ошибалась?

– Не всё так просто. Петр III был тогда абсолютно уверен, что его никто не может убить, он свободно расхаживал по Петербургу и окрестностям практически без охраны. И хотя отец его был немцем, мать-то была дочерью Петра Первого, и этим тогда всё было сказано. Но, как оказалось, он сам себя приговорил к гибели!

– То есть?!

– Помнишь, я тебе рассказывал про римских императоров?

– Ну...

– Так вот, в Древнем Риме все перевороты и планы, связанные с ними, начинались с недовольства преторианской гвардии. Император Петр III тоже очень неосмотрительно поступил со своей гвардией, которая, подобно преторианской, квартировалась в русской столице. Чем он обидел гвардейцев? Да тем, что захотел отправить их на войну! В России, как и Древнем Риме, гвардия, за редчайшим исключением, не воевала. Как и в Риме, гвардейцы были довольны почетной и совсем неопасной службой в столице, имели превосходство в чинах над простыми военными, занимались муштрой, парадами и маршами. В свободное время свои деньги проматывали в кабаках, пили вино, любили женщин. Естественно, месить сапогами грязь и подставлять грудь под пули гвардейцы не желали. Братья Орловы, которых было пятеро, как и большинство гвардейцев, были бедны как церковные мыши, поскольку все средства проматывали в злых местах. Все пятеро братьев были огромного роста и обладали богатырской силой, постоянно принимали участие в кулачных боях. То есть, ты представляешь, что гвардию составляли преимущественно дюжие молодцы, но Орловы были здоровее всех. Григорий, которому повезло больше всех, дослужился до адъютанта генерала Петра Шувалова. Ему даже доверяли носить записки пятидесятилетнего генерала к его молодой любовнице, княгине Елене Куракиной. Красавица имела легкомысленный нрав, вот и стала легкой добычей богатыря и храбреца Григория Орлова, героя Семилетней войны. Шувалов узнал об измене и выгнал Григория, пообещав сослать его в Сибирь, и сослал бы, если бы не умер от огорчения. Дело приобрело огласку, что привлекло к Орлову внимание молодой, тогда ещё Великой княгини Екатерины. Она быстренько от него забеременела и разродилась сыном. Вот таким храбрецом был Григорий Орлов. Короче, когда Петр III выразил намерение отправить гвардейцев на войну, участь его была решена. Братья Орловы, храбрые до безрассудства, сразу смекнули, что пора убирать императора и воцарять императрицу. На их сторону, разумеется, встала вся гвардия, где они имели огромный авторитет. К заговору потом присоединились и более именитые российские дворяне, такие, как Разумовский, братья Панины, Воронцов, Дашкова и другие. И как и в Древнем Риме, гвардейцы могли решить всё, лишь бы у императрицы были большие деньги. А с этим-то у нее как раз была проблема! Сначала она обратилась к французскому послу барону Бретейлю, но тот в сути вопроса не разобрался, намеков Екатерины не понял и ... отказал. Потом, правда, кусал себе локти, когда получал из Парижа письма с «благодарностью» за редкостный идиотизм. Денег дал английский негодяй Фельтон. Его сто тысяч рублей были переданы Екатериной Орловым, которые произвели авансовый платеж гвардейцам в качестве безвозвратных ссуд. Центром заговора стал дом датского банкира Кнутсена, у которого квартировал Григорий. Разумеется, датчанин был здесь не при чем, он просто понимал, что тоже получит назад свои деньги только в случае возвышения Орлова. Вот, собственно, и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.